

Гуманитарий

актуальные проблемы гуманитарной науки и образования

Scholarly journal

HumanitariaN

actual problems of the humanities and education

№ 3 (39), 2017

Учредители / Издатели:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», 430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68;

ООО «ИнСтИтут» (Издательский центр Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва) 430905, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Бахтина, 19

Подписной индекс

в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» – 43072

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU и проект РИНЦ (сублицензионный договор № 143-07/2010 от 19.07.2010 г.);

в базу данных Ulrich's Periodicals Directory американского издательства Bowker

Материалы журнала размещены по адресам: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003; http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Адрес редакции:

430005, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68, оф. 411,
Историко-социологический институт
Тел.: (8342) 24-25-90, 27-07-11

Факс: (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru

<http://jeh.isi.mrsu.ru/>

Founders / Publishers:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«Ogarev Mordovia State University»

68, Bolshevistskaya St.,
430005, Saransk, Republic of Mordovia,
Russia;

LLC «InStItute» (Publishing Center of History and Sociology Institute of National Research Mordovia State University)

19, Baktin St., 430905, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia

Subscription index

in catalog of agency «RUSSIAN PRESS» – 43072

The journal is indexed and archived by:
Russian Index of Scientific Citations (sublicense contract № 143-07/2010 19.07.2010)

Ulrich's Periodical directory database of the American Publishing House «Bowker»

The materials of the journals are available at: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003; http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Editorial office:

68, Of. 411, Bolshevistskaya St., 430005,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia
History and Sociology Institute

Telephone: (8342) 24-25-90; 27-07-11

Fax: +7 (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru

<http://jeh.isi.mrsu.ru/>

*Журнал включен в перечень
российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-48743 от 28 февраля 2012 г.

При перепечатке ссылка на журнал «Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования» обязательна

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Обложка: Опи Джон
Портрет мисс Фрэнсис Виникомб

Компьютерная верстка
и художественное оформление *Г. Н. Давыдовой*
Редактор *Т. И. Кильдюшкина*
Перевод *А. А. Сомкина*

Территория распространения –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписано в печать 19.09.2017.
Дата выхода в свет 29.09.2017.
Формат 70 × 100 1/16
Усл. печ. л. 9,0.
Тираж 300 экз.
Заказ № 1420. Цена свободная

Адрес типографии:

430005, Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24
Типография Издательства
Мордовского университета

*The journal
is listed in the catalogue
of peer-reviewed academic journals
and publications for publishing
of principal scientific findings
of dissertations*

The journal is registered by the Federal Service for supervision of communications, information technology, and mass media (certificate of registration PI № FS77-48743 of February 28, 2012)

Before reprinting the reference to the journal «HUMANITARIAN : actual problems of the humanities and education» is obligatory

The opinion of editorial staff may not coincide with the publishing author

Cover: John Opie
Portrait of miss Frances of Vinicombe

Desktop publishing
and graphic design by *G. N. Davydova*
Editor *T. I. Kildiushkina*
Translation *A. A. Somkin*

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Signed to print 19.09.2017.
Date of publishing 29.09.2017.
Sheet size 70 × 100 1/16.
Conventional printed sheets 9,0.
Number of copies 300
Order No. 1420. Free price

Address of the Printing House:

24, Sovetskaya St., 430005, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia.
Mordovia State University Printshop

Редакционная коллегия

Арсентьев Николай Михайлович – *главный редактор*, член-корреспондент РАН, Историко-социологический институт ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», ORCID <http://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Саранск, Россия)

Сомкин Александр Алексеевич – *заместитель главного редактора*, доктор философских наук, профессор, Историко-социологический институт ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», ORCID <http://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, alexsomkin@mail.ru (Саранск, Россия)

Давыдова Галина Николаевна – *ответственный секретарь*, Историко-социологический институт ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», ORCID <http://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Саранск, Россия)

Андронов Владимир Петрович – доктор психологических наук, профессор, Историко-социологический институт ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», ORCID <http://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@rambler.ru (Саранск, Россия)

Арсентьев Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Историко-социологический институт ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», ORCID <http://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Саранск, Россия)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, профессор, Историко-социологический институт ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», ORCID <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Россия)

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор, Историко-социологический институт ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», ORCID <http://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru (Саранск, Россия)

Марискин Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор, Историко-социологический институт ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», ORCID <http://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Саранск, Россия)

Мочалов Евгений Владимирович – доктор философских наук, профессор, Историко-социологический институт ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», ORCID <http://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Саранск, Россия)

Романов Константин Михайлович – доктор психологических наук, профессор, Историко-социологический институт ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», ORCID <http://orcid.org/0000-0003-4058-9270>, famyipost@mail.ru (Саранск, Россия)

Сычев Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, Историко-социологический институт ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», ORCID <http://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Саранск, Россия)

Редакционный совет

Белозерцев Евгений Петрович – доктор педагогических наук, профессор, Воронежский государственный педагогический университет, заслуженный деятель науки РФ, belozercev_e@mail.ru (Воронеж, Россия)

Бородкин Леонид Иосифович – член-корреспондент РАН, Исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, ORCID <http://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Москва, Россия)

Баржо Доминик – профессор, Университет Париж–Сорбонна (Париж IV, Франция)

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения, историографии и исторической информатики факультета истории и регионоведения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, shaira60@mail.ru (Бишкек, Киргизия)

Вдовин Сергей Михайлович – кандидат экономических наук, доцент, ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», ORCID <http://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Дорожкин Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории, методологии и философии науки Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID <http://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Россия)

Жакишева Сауле Аукуеновна – доктор исторических наук, профессор Казахской академии труда и социальных отношений, sajack at nursat.kz (Алматы, Казахстан)

Кочергин Альберт Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии ИППК Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, ORCID <http://orcid.org/0000-0002-7349-3788>, albert@voxnet.ru (Москва, Россия)

Маралов Владимир Георгиевич – доктор психологических наук, профессор Череповецкого государственного университета, maralovvg@chsu.ru (Череповец, Россия)

Мешков Вячеслав Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Полтавского национального технического университета им. Ю. В. Кондратюка, slava-home50@mail.ru (Полтава, Украина)

Мудрик Анатолий Викторович – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и психологии факультета педагогики и психологии МПГУ, amudrik@yandex.ru (Москва, Россия)

Пивовар Ефим Иосифович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, ректор РГГУ, rggu@rggu.ru (Москва, Россия)

Соловьев Александр Иванович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Solovyev@sra.msu.ru (Москва, Россия)

Ушаков Дмитрий Викторович – член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН, dv.usakov@gmail.com (Москва, Россия)

Шапошников Лев Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, первый проректор Нижегородского государственного педагогического университета, shaposhnikov_le@mininuniver.ru (Нижний Новгород, Россия)

Хьерппе Рийтта – профессор, почетный президент Международной ассоциации экономической истории (Финляндия)

Гуансян Чжан – профессор Цзилиньского университета, zgxlcc2002@aliyun.com (Чанчунь, Китайская Народная Республика)

Editorial board

Arsentyev Nikolay Mikhailovich – *the chief editor*, correspondent member of the Russian Academy of Sciences, doctor of historical sciences, professor of Ogarev Mordovia State University, the honored scientist of the Republic of Mordovia, ORCID <http://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Saransk, Russia)

Somkin Aleksandr Alekseevich – *the deputy chief editor*, doctor of philosophical sciences, professor of the department of English language for professional communication of Ogarev Mordovia State University, ORCID <http://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, alexsomkin@mail.ru (Saransk, Russia)

Davydova Galina Nikolaevna – *the executive secretary*, senior teacher of the department of economic history and information technologies of Ogarev Mordovia State University, ORCID <http://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Saransk, Russia)

Andronov Vladimir Petrovich – doctor of psychological sciences, professor of the department of psychology of Ogarev Mordovia State University, ORCID <http://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@rambler.ru (Saransk, Russia)

Arsentyev Victor Mikhailovich – doctor of historical sciences, professor of the department of Russian history of Ogarev Mordovia State University, ORCID <http://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Saransk, Russia)

Bakhlov Igor Vladimirovich – doctor of political sciences, professor, the head of the department of general history and world politics of Ogarev Mordovia State University, ORCID <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russia)

Kornishina Galina Albertovna – doctor of historical sciences, professor of the department of Russian history of Ogarev Mordovia State University, ORCID <http://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru (Saransk, Russia)

Mariskin Oleg Ivanovich – doctor of historical sciences, professor of the department of economic history and information technologies of Ogarev Mordovia State University, ORCID <http://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Saransk, Russia)

Mochalov Eugenie Vladimirovich – doctor of philosophical sciences, professor, the head of the department of philosophy of Ogarev Mordovia State University, ORCID <http://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Saransk, Russia)

Romanov Konstantin Mikhailovich – doctor of psychological sciences, professor of the department of psychology of Ogarev Mordovia State University, ORCID <http://orcid.org/0000-0003-4058-9270>, famyiypost@mail.ru (Saransk, Russia)

Sychev Andrey Anatolyevich – doctor of philosophical sciences, professor of the department of philosophy of Ogarev Mordovia State University, ORCID <http://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Saransk, Russia)

Editorial council

Belozertsev Eugenie Petrovich – doctor of pedagogical sciences, professor of Voronej State Pedagogical University, the honored scientist of the Russian Federation, belozercev_e@mail.ru (Voronej, Russia).

Borodkin Leonid Iosiphovich – correspondent member of the Russian Academy of Sciences, doctor of historical sciences, professor, the head of the department of historical informatics of Lomonosov Moscow State University, ORCID <http://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Moscow, Russia)

Barjot Dominique – the professor, the University of Paris IV (France)

Batyrbayeva Shairkul Djoldoshevna – doctor of historical sciences, professor, the head of the department of source studies, the historiography and historical informatics of the History and regional sciences faculty of Kyrgyzstan National University named after J. Balasagyn, shaira60@mail.ru (Bishkek, Kyrgyzstan)

Vdovin Sergey Mikhailovich – rector of Ogarev Mordovia State University, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Dorojkin Aleksandr Mikhailovich – doctor of philosophical sciences, professor, the head of the department of history, methodology and philosophy of science of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, ORCID <http://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fsn.unn.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

Jakisheva Saule Aukenovna – doctor of historical sciences, professor of Kazakhstan Academy of Labour and Social Relationship, sajack at nursat.kz (Almaty, Kazakhstan)

Kohergin Albert Nikolaevich – doctor of philosophical sciences, professor of the philosophy chair of Institute of Retraining and Professional Development of Lomonosov Moscow State University, ORCID <http://orcid.org/0000-0002-7349-3788>, albert@voxnet.ru (Moscow, Russia)

Maralov Vladimir Georgievich – doctor of psychological sciences, professor, the director of the institute of pedagogy and psychology of Cherepovets State University, maralovvg@chsu.ru (Cherepovets, Russia)

Meshkov Vyacheslav Mikhailovich – doctor of philosophical sciences, professor of the department of philosophy and social and political disciplines of Poltava National Technical University named after Yu. V. Kondratyuk, slava-home50@mail.ru (Poltava, Ukraine)

Mudrik Anatoliy Viktorovich – correspondent member of the Russian Academy of Education, doctor of pedagogical sciences, the professor of the department of social pedagogy and psychology of pedagogy and psychology faculty of Moscow Pedagogical State University, amudrik@yandex.ru (Moscow, Russia)

Pivovar Ephim Iosiphovich – correspondent member of the Russian Academy of Sciences, doctor of historical sciences, rector of Russian State Humanitarian University, rggu@rggu.ru (Moscow, Russia)

Solovyev Alexander Ivanovich – doctor of political sciences, professor, the head of the department of political analysis of the faculty of state management of Lomonosov Moscow State University, Solovyev@spa.msu.ru (Moscow, Russia)

Ushakov Dmitriy Viktorovich – correspondent member of the Russian Academy of Sciences, doctor of psychological sciences, professor, head of laboratory of psychology and psychophysiology of creativity of Psychology Institute of RAS, dv.usakov@gmail.com (Moscow, Russia)

Shaposhnikov Lev Eugenyevich – doctor of philosophical sciences, professor, the head of the philosophy department, the first vice rector of Nizhni Novgorod State Pedagogical University, shaposhnikov_le@minuniver.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

Riitta Tuulikki Hjerpe – professor of University of Helsinki, Department of Political and Economic Studies, the honoured president of the International association on economical history (Finland)

Zhang Guansyan – the professor of Tsilin University, zgxlcc2002@aliyun.com (China)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Г. А. Корнишина*
ОБРЯДЫ ТРОИЦКОГО ЦИКЛА МОРДВЫ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ 9
- С. В. Кистанов*
**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОППОЗИЦИОННЫХ СИЛ НА ТЕРРИТОРИИ
МОРДОВСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД РОСПУСКА
I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В 1906 г.** 23
- Н. Ф. Беляева*
**СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
МОРДОВСКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ** 33

ФИЛОСОФИЯ

- Н. В. Жадунова, Е. А. Коваль*
**ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА:
ЗАГРЯЗНЕНИЕ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА** 44
- М. Э. Рябова*
**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРЕВОДА:
«МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ»** 55
- А. А. Сомкин*
**ЦЕЛОСТНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ КАК ОБЪЕКТ
СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА:
ОСОБЕННОСТИ ИХ ПОЗНАНИЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ** 64

ПСИХОЛОГИЯ

- С. Н. Никишов, И. С. Осипова, Е. Г. Пронькина*
**ФАКТОРЫ ВЕРБАЛЬНОГО ВЫРАЖЕНИЯ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ** 78
- П. Д. Миничкин*
ИСТОКИ СИМВОЛИЗМА В ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ 88
- С. И. Баляев, М. С. Ионова*
**РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ЭТНОТОЛЕРАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
У СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И МОРДВЫ)**..... 96
- УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ** 107

CONTENT

HISTORY

<i>Galina A. Kornishina</i> rites of the Trinity Cycle of Mordva of the Penzen Region	9
<i>Sergey V. Kistanov</i> Activities of the Opposition Forces on the Territory of Mordovian Region in the Period of Abolishing the I State Duma in 1906	23
<i>Nadezhda F. Belyaeva</i> Modern Ethnic-Demographic Processes of Mordovian Rural Population	33

PHILOSOPHY

<i>Natalia V. Zhadunova, Ekaterina A. Koval</i> Information War: Environmental Pollution of Modern Man	44
<i>Marina E. Ryabova</i> Philosophical Underpinnings of Translation “Between Scylla and Charybdis”	55
<i>Aleksandr A. Somkin</i> The Holistic Social Systems as an Object of Systematic Analysis: The Specialties of Their Cognition and the Main Typological Features	64

PSYCHOLOGY

<i>Sergey N. Nikishov, Irina S. Osipova, Elena G. Pronkina</i> Autobiographical Memories: Factors of Verbal Expression	78
<i>Pavel D. Minichkin</i> Origins of Symbolism in Ethnic Culture	88
<i>Sergey I. Balyaev, Maria S. Ionova</i> Development of Skills of Ethnotolerant Behavior in Older Adolescents (on the Example of Russians and Mordvins)	96
Conditions and Order of Acceptance of Manuscripts	107

ОБРЯДЫ ТРОИЦКОГО ЦИКЛА МОРДВЫ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена рассмотрению обрядности троицкого цикла одной из этнотерриториальных групп мордовского народа, а именно мордвы Пензенской области. Это определяется необходимостью изучения и сохранения функционирования культурных традиций современных этносов в динамично меняющемся и интенсивно глобализирующемся мире. В связи с этим представляется актуальным охарактеризовать один из важнейших компонентов народной культуры – календарные праздники, в которых устойчиво сохраняются базисные основы ментальности этноса. Как правило, приобщение к общенациональной культуре происходит, через региональную культуру. Именно ощущение культурной самобытности и причастности своих предков к ее созданию инициирует людей к идентификации себя с этим локальным сообществом и восприятием его культуры. Таким образом, обеспечивается необходимая преемственность, без которой невозможно усвоение всего духовного наследия народа. Автором на основе литературных источников, а также своих полевых материалов проанализированы троицкие обряды. Выбор данного аспекта исследования инициирован тем, что они до последнего времени сохраняются в мордовских селах и, кроме того, традиционно являются многоплановыми. Эти церемонии объединяют в себе как ритуальные моменты, причем довольно архаичные, так и собственно зрелищно-развлекательные. Проведенное в рамках статьи исследование показало, что основные содержательные характеристики, статус участников и сакральное значение троицких обрядов мордовского населения исследуемого региона аналогичны подобным ритуалам, бытовавшим в среде других территориальных групп мордовского народа. Изменения их отдельных элементов были вызваны тем, что традиционные черты постепенно дополнялись инновациями. Последние появлялись в результате контактов мордвы с другими этносами, а также в процессе развития сельского социума, приспособляющегося к постоянно меняющимся социально-экономическим условиям. Так, многие элементы троицких церемоний, перейдя из религиозно-магической подструктуры в демонстративно-символическую, развлекательно-игровую и эстетическую, способствовали реализации эмоционально-психологической и регулятивной функций праздника.

Ключевые слова: мордва, Пензенская область, обрядность, праздники, культ плодородия, культ растительности, магия, развлекательно-игровые элементы, Троица, Тундонь ильямю – проводы Весны, хоровод, ряжение, березка.

Для цитирования: Корнишина Г. А. Обряды троицкого цикла мордвы Пензенской области // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2017. – № 3. – С. 9–22.

© Корнишина Г. А., 2017

rites of the trinity cycle of mordva of the penzen region

The article is devoted to the rituals that took place during Trinity, in the environment of one of the ethno-territorial groups of the Mordovian people, namely, of the Mordvins, Penza region. The relevance of the study determined that it is necessary to study and preserve the functioning of modern cultural traditions of the various ethnic groups in a rapidly changing and rapidly globalizing world. In this connection it is appropriate to characterize one of the most important components of popular culture – calendar holidays, which continue to support the foundations of the mentality of ethnos. As a rule, the introduction to the national culture occurs through the regional culture. Cultural identity and ownership to the traditions of their ancestors encourages people to identify with the local community and contributes to the perception of its culture. This provides the necessary continuity, which is necessary for the perception of the spiritual heritage of the nation. The author analyzed the rituals of the Trinity on the basis of literary sources and field materials. This aspect of the study due to the fact that these ceremonies up to the present time are held in the villages of the Mordvinia's and, in addition, they traditionally are multifaceted. Undertaken under this article, studies have shown that inherently Trinity ceremonies of the Mordvins in the Penza region in many respects similar to those rituals that are in other territorial groups of the Mordovian people. Modification of individual elements of the Trinity is because traditional components gradually expanding at the expense of innovation. The latter was a consequence of the Mordovians contacts with other ethnic groups and the desire of the rural society, to adapt to a constantly changing socio-economic condition. So, many elements of the rites of the Holy Trinity cycle have moved from religious and mystical substructures in the entertainment and aesthetic rituals. This has led to an increase in emotional and regulatory functions of the holiday.

Keywords: Mordvinians, Penza region, rituals, celebrations, fertility cult, the cult of vegetation, magic, entertainment and gaming elements, Trinity, Tundon iltamo – Held in the spring, round, costumed, birch.

For citation: Kornishina Galina A. Rites of the trinity cycle of mordva of the penzen region. Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Humanitarian : actual problems of the humanities and education. 2017. No. 3. P. 9–22.

Введение

Мордовский народ принадлежит к числу дисперсно расселенных этносов. Для него характерно проживание существенной доли этноса за пределами территории Республики Мордовия. В самой республике проживает лишь треть всего мордовского населения страны. Компактные группы мордвы обитают практически во всех регионах Урало-Поволжья, а также в Сибири, Алтайском крае, Московской области и других местах. В силу определенных условий культура таких этнотерриториальных групп приобрела черты самобытности

[1–3]. Это проявляется в том, что, с одной стороны, она долгое время сохраняла многие архаичные черты, а с другой – приобрела ряд элементов, которые появились как в результате этнических контактов мокши и эрзи с другими народами, так и в результате влияния общегородской урбанизированной культуры. В этом отношении определенный интерес для исследования представляет культура мордовского населения Пензенской области.

По итогам переписи 2010 г., на территории современной Пензенской области проживали 54 703 человека мокши и эрзи. Они

расселены в Белинском, Бековском, Городищенском, Камешкирском, Лопатинском, Малосердобинском, Мокшанском, Наровчатском, Никольском, Пензенском, Сосновоборском, Шемышейском, Бессоновском районах.

Мордва является автохтонным населением Пензенского края. В V – начале VII в. н. э. на его территории происходило формирование мордвы-мокши. В XVI–XVII вв. в верховья рек Суры, Мокши и Цны стала переселяться и эрзя. В результате в юго-западной части современной Пензенской области мокшане и эрзяне стали проживать в непосредственной близости друг от друга. Это привело к образованию этноконтактных зон, что предопределило их сближение в различных сферах культуры. В частности, произошло формирование смешанных говоров (городищенского и наскафтымского), общего костюмного комплекса. Основой его стали эрзянские элементы одежды, но существенными были и мокшанские признаки: многослойность костюма, незначительная роль набедренников, обычай повязывать платок поверх головного убора, способ ношения рубахи с напуском на пояс и др.

Важным элементом культуры пензенской мордвы являются также ее обычаи и обряды, в которых перекрещиваются и отражаются практически все основные стороны ее жизни. Предметом нашего рассмотрения является троицкая обрядность, основные компоненты которой до настоящего времени сохраняются у мордвы в различных регионах ее проживания. Это инициировано рядом причин. Одна из основных – сроки проведения праздника (летом), когда в родные места съезжаются люди из различных регионов: приезжает на каникулы учащаяся молодежь, прибывают отпускники и т. д. Важным аспектом является также то, что Троица представляет собой многоплановое празднество, которое включает в себя как ритуальные элементы, причем довольно древние, так и зрелищно-развлекательные.

Изучение празднично-обрядовой культуры мордвы пензенского края имеет длительную историю. Так, с середины XIX в. существенный вклад в изучение культуры мордовского народа внесли участники различных научных обществ: Русского географического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и др.

Члены указанных обществ активно публиковали в периодической печати сообщения о быте и обрядности мордвы, в том числе проживающей на территории Пензенской губернии. Это работы В. А. Ауновского «Этнографический очерк мордвы-мокши» (1869 г.), Н. П. Орлова «Этнографические сведения о мордве Краснослободского и Наровчатского уездов» (1876 г.), Н. Прозина «Картины мордовского быта» (1866 г.), А. Снежницкого «Праздник «Петроозкс» – Петров молян в мордовском селе К-се» (1870) и др. Обзорной работой того периода, в которой охарактеризованы практически все аспекты жизнедеятельности мордовского населения рассматриваемого региона, в том числе его обрядность, является очерк Н. П. Смирнова «Мордовское население Пензенской губернии» (1874–1875 гг.).

В 1920-х гг. Пензенским краеведческим музеем и Пензенским Обществом любителей естествознания и краеведения были проведены этнографические экспедиции в районы компактного проживания мокши и эрзи: Городищенский, Краснослободский, Наровчатский, Спасский уезды. Их участники зафиксировали многие традиционные формы жизнедеятельности мордовского населения, в том числе общественные и семейные обряды. Данные материалы частично были апробированы в работах Н. И. Спрыгиной «Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии» (1928 г.) и А. Е. Любимова «Краткий исторический очерк мордовского народа» (1927 г.).

Во второй половине XX – начале XXI в. многие аспекты культуры мордвы пензенского края получили освещение в обобщающих работах «Мордва: историко-этнографические очерки» (1981 г.), «Мордва: историко-культурные очерки» (1995 г.), а также «Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа» (2004 г.). В 1993–1995 гг. в мордовских селениях Пензенской области работала экспедиция Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Ее участники Г. А. Корнишина и С. Д. Николаев использовали собранный материал в многочисленных публикациях. Значительным вкладом в изучение мордовского населения Пензенской области является книга В. И. Первушкина и В. Я. Прошкина «Мордва Пензенской области» (2010 г.), где обобщены материалы по динамике численности, социальному быту, праздникам и обрядам, промысловой деятельности и истории мордовского населения данного региона.

Методы

Теоретической основой данной статьи является сравнительно-исторический метод. Он позволяет выявлять напластования различных исторических эпох в обрядовой культуре этносов, а также проследить этапы появления в ней новаций и инноваций, определить этапы формирования и дальнейшего развития ее структурообразующих компонентов. Данный метод не всегда может претендовать на абсолютную точность и достоверность в связи с тем, что в нем, как правило, присутствуют определенные авторские гипотезы. Но это оправдано стремлением создать целостный обзор троицкой обрядности мордовского населения Пензенской области. Сравнительно-исторический метод дополнен полевыми методами. Полевые исследования были проведены автором в мокшанских и эрзянских селах исследуемого региона. В полевых условиях использовались методы непосредственного наблюдения и интервьюирования.

Результаты

Наиболее архаичные пласты троицкой обрядности связаны с почитанием растительности. И в наши дни устойчиво сохраняется традиция украшать ветками деревьев, зеленью и цветами окна, дома, дворы, ворота. Зеленью и венками на Троицу также убирают могилы. Данный обычай вошел и в церковный ритуал: зеленью украшают церковь, застилают пол травой, а на службу часто приносят с собой букеты цветов. Во время церковной службы люди часто стоят с березовыми ветками в руках, по народным поверьям они обладают целебной силой. Лечебные свойства приписывались и траве, которая устилала пол в церкви во время Троицы. Ею набивали подушки, которые клали под голову больных людей, кормили ею заболевших домашних животных. Целебной силой, по воззрениям мордвы, обладали и другие растения, из которых изготавливали чучела людей и животных для обрядовых церемоний. Например, участники праздничного троицкого шествия в Ельниковском районе Республики Мордовия (бывший Краснослободский уезд Пензенской губернии) обязательно стремились прикоснуться к чучелу Крапивной сношеньки, которая, как видно из названия, была сделана из крапивы. Таким способом они стремились обрести здоровье, заключенное, по их мнению, в лечебных свойствах жгучего растения. Недаром до настоящего времени во время обряда проводов весны в с. Клявлине Самарской области участники троицкого шествия стремятся ударить каждого встречного пучком крапивы [7, с. 333].

Традиционно и сами участники троицких обрядов, особенно молодежь, добавляли к своему костюму листья, цветы, веточки растений. Из березовых и кленовых ветвей с добавлением цветов и трав плели венки. Иногда девушки просто втыкали цветы в волосы над ушами или заплетали в косы. Из ветвей и трав изготавливали также чучела людей и животных. Были распространены, например, женские фигуры: Цветочная

и Конопляная молодухи, «Потишкат». На них одевали отдельные элементы женского костюма, а также традиционные женские головные уборы.

Основным символом троицкого цикла является украшенная березка, вокруг которой и происходят основные ритуальные и развлекательные события праздника. По представлениям мордвы, она символизировала женское начало, плодovitость. Ее считали любимым деревом Анге патяй (богини плодородия у терюшевской мордвы). По сведениям П. И. Мельникова, ни один праздник в ее честь не обходился без березки. Во время одного из них, совпадавшего с русским Семиком, ее срубленные стволы ставили перед избами, с березовыми ветками в руках девушки, с венками на головах обходили дома с пением Келунь морот (песнями, посвященными березе). По окончании обхода селения они направлялись к реке, озеру, пруду и т. п., где устраивали моление Анге патяй и Келу пазу (божеству березы). Если на месте моления росла береза, то это моление проводилось около дерева. Перед началом ритуала его украшали вышитыми полотенцами и разноцветными платками [10, с. 85–89].

Около березы во время Семика также проходил общественный молян, на котором обязанности жреца выполняла одна из взрослых девушек. На нем в жертву приносилась белая овца, которую предварительно украшали березовыми ветвями. Шкуру жертвенного животного развешивали на священной березе. Перед ней также раскладывались ритуальные кушанья и напитки. Возле березы проводили и еще один весенний праздник – бабань молян, участницы которого также приносили с собой наряженную березку.

Когда в быт мордвы прочно вошли христианские устои, береза стала центральным предметом троицкой обрядности. Перед праздником девушки ходили за ней в лес, а затем проносили по селу. В этой церемонии

береза в народном мировоззрении являлась персонификацией лета, поэтому ее называли «летним днем» (кизень чи), который девушки «приводили» в деревню. Перед тем как обрядить дерево, его окунали в воду, при этом участницы ритуала пели песню, в которой просили Ведь аву «вымыть летний день», чтобы он стал белым и красивым. В конце троицкой недели березу относили на хлебное поле или бросали в воду. Таким образом, старались передать посевам и воде плодonoсящую силу дерева.

Еще одним важным компонентом троицкого цикла был культ плодородия. Дело в том, что к этому времени обычно заканчивались весенние полевые работы, и сельские жители считали необходимым проводить моления, которые должны были способствовать установлению благоприятной погоды и получению богатого урожая, обеспечить здоровье людям и скоту, благополучие в хозяйстве. Эти моления были как общесельскими (велень озкс), в которых принимали участие все члены крестьянского сообщества, так и половозрастными: мужскими (атянь озкс) и женскими (бабань озкс, или бабань каша).

С культом плодородия связаны и общественные поминовения предков, которые до настоящего времени проводятся перед Троицей. В этот день люди семьями ходят на кладбища, где поминают покойных и просят у них помощи в хозяйственных делах, в избавлении от болезней, в даровании дождя и т. п. В настоящее время эти поминовения проходят в основном по церковным канонам и с участием священников. В некоторых местах во время этого обряда проявляется древнейшая связь между культом предков и культом растений. Так, в некоторых мокшанских селах Зубово-Полянского района Мордовии, которые в начале XX в. входили в состав Пензенской губернии, до недавнего времени проводили на кладбище обряд зеленань пурдамо (свивание зелени). Для этого при входе на кладбище из бере-

зовых ветвей делали несколько арок, под ними проходили участники общеродовых поминок [8, с. 25].

Важная роль в троицком цикле принадлежит развлекательно-игровым компонентам. Они содействуют реализации эмоционально-психологической и регулятивной функций праздника. Конец весны, начало лета традиционно были временем, когда проводились гуляния молодежи, посиделки и беседы людей зрелого возраста, а также взаимные гостевания родственников. Одним из троицких обрядов, который наиболее был насыщен развлекательно-игровыми моментами, был общесельский карнавал Тундонь ильтямо – проводы Весны, который и сейчас проводится во многих мордовских селах. Главные компоненты и сам ход данной церемонии в основе были сходными во всех регионах проживания мордвы.

Обязательным составным компонентом ритуала проводов Весны практически повсюду была березка, которую обряжали разноцветными лентами, лоскутками или платками. Ее несли впереди праздничной процессии. В этом, как уже отмечалось выше, проявлялся культ растительности и плодородия. Он выражался и в составе персонажей праздника, одним из которых была Весна. В ее роли выступала девушка с большим венком на голове. В некоторых местах такой венок или большой букет из цветов прикрепляли на ритуальную березку или на специальный шест. В том случае если селение было большим и многолюдным, каждая улица или конец могли нарядить свою березку и выбрать свою Весну. В праздничной церемонии принимали участие и ряженые: Жених и Невеста, Дед и Баба, Медведи, Лошади.

По ходу движения участники ритуала обливали зрителей водой, вином или пивом. Это был прием так называемой симпатической или имитативной магии, когда люди стремились повлиять на природные стихии, подражая им, имитируя их. В данном случае

они прибегали к сходству явлений: чтобы вызвать дождь – обливались водой. Чаще всего данный прием использовался именно в троицких ритуалах, которые обычно проходили после окончания сева. Именно в этот период посевам наиболее всего была необходима влага. Также подобные действия совершались и с продуцирующей целью, чтобы обеспечить наилучшее произрастание растений. Аналогичный обычай обливания водой участников обряда с целью вызывания дождя известен практически у всех народов.

Церемония проводов Весны завершалась на хлебном поле или у реки. На поле кидали наряженную березку и ритуальный венок Весны, предварительно порвав их, чтобы их части смогли попасть на большие участки земли. Здесь же молодые девушки бросали свои кольца. Эти действия являются примером контактной магии, когда соприкосновение с определенными предметами, в данном случае с молодым деревом и украшениями девушек (будущих матерей, продолжательниц рода), должно было усилить плодородие почвы. Когда участники ритуала завершали обход у реки, березку и венки бросали в воду [11, с. 397].

Разумеется, в отдельных местностях данный обряд проходит в соответствии с местными традициями. Так, в с. Большое Пермиево Никольского района Пензенской области «венком» называют саму украшенную березку. Ее носят девушки, олицетворяющие Весну. Их выбирают по одной с каждого конца деревни (Ало пе – нижний конец и Вере пе – верхний конец). Традиционно их именовали Тундонь тейтерть (букв. Весенние девушки). Но постепенно за ними закрепилось название «березки», так как именно они носят наряженные деревца во время обрядового обхода села [14]. Их кандидатуры тщательно обсуждаются юношами каждого сельского конца. В результате отбора выявляются две-три девушки, которые считаются не только красивыми, но и скромными, добродетельными. В этом проявляется отго-

лосок архаичной традиции об особом положении так называемых девственных групп, которыми считались старые люди, вдовы и девушки. Участие их в обрядовых действиях должно было обеспечить желаемый результат, в данном случае плодородие полей, от чего в прошлом зависело благосостояние всего сельского сообщества. Кроме того, по свидетельству информаторов, это должно было благоприятно повлиять на судьбу самих девушек, которые в течение года, как правило, выходили замуж.

Наряду с девушками-«березками», большую роль в торжественном шествии в Большом Пермиеве и окрестных мордовских селах (Вачелай, Кармалы) отводится такому обрядовому персонажу, как Конь. Недаром в современной практике ритуал проводов Весны в этих селениях в средствах массовой информации Пензенской области обычно называют «Проводы коня», или «Праздник Коня» [18].

Надо отметить, что в традиционной культуре мордвы конь всегда пользовался большим почитанием. Это было вызвано его значительной ролью в крестьянском хозяйстве. В устно-поэтическом творчестве мордовского народа конь всегда представляется не только главным помощником человека в земледелии, но и сам является идеализированным символом этого вида хозяйственной деятельности народа. Имеется даже специальный цикл песен о коне и соколе, где изображается процесс становления земледелия как основного занятия мордвы. В этом песенном цикле лошадь спорит с охотничьей птицей – соколом по поводу того, кто должен быть кормильцем мира, и конь (т. е. фактически земледелие) выходит победителем в этом споре [6, с. 25]. В связи с этим понятно, почему образ лошади занимает заметное место в обрядности мордвы, особенно в той ее сфере, которая связана с культом плодородия.

Кроме того, в мировоззрении финно-угорских народов, как и у других народов

Евразии, конь неразрывно связан с солнечным богом, который являлся олицетворением плодоносящей силы. В их основе лежат архаичные представления о том, что солнце «проезжает» свой дневной путь по небесному своду. Все это содействовало тому, что у финно-угров конь стал символизировать как само небесное светило, так и все, связанное с ним, – тепло, наступление весны, плодородие. Удмурты обычно представляют лошадь прекрасным крылатым существом, непосредственно связанным с солнцем. Марийцы также отождествляли с ним коней соловой масти. Образ всадника на солнечном коне присутствует и в обрядности мордвы. Например, молодой мужчина, который изображал праздник Пасхи, приезжал в мордовские селения на лошади светлой (солнечной) масти. Популярными персонажами многих мордовских праздников были чучела коней. Их изготавливали из соломы, прутьев, полотна и использовали в театрализованных действиях Рождественского дома, в праздничных массовых шествиях на Масленицу, Пасху, Троицу, т. е. в те моменты, с которыми крестьяне связывали свои надежды на благосклонность природы и на щедрость солнца.

Связь лошадей с солнечным богом прослеживается и в церемониях жертвоприношения. До утверждения христианских традиций мордва в первый день Пасхи во время моления верховному богу, приносила ему в жертву лошадь или жеребенка, которого топили в реке [9, с. 46]. Животных закалывали и для умерших предков. Дело в том, что мордва полагала, что умершие становятся ближе к богам и могут способствовать благополучию в земных делах своих родичей. В связи с этим их старались всячески задобрить, в том числе с помощью различных приношений. Как правило, кони предназначались в жертву мужчинам, особенно главе семейства. Это было связано с тем, что именно мужчина-хозяин имел непосредственный контакт с конем, выполнял с его помощью различные хозяйственные

работы, ухаживал за ним, т. е. это животное считалось именно «мужским».

По литературным и полевым источникам можно проследить, как происходила эволюция от подлинной жертвы, когда она полностью отдавалась богам или предкам (как уже упоминавшееся выше жертвоприношение верховному богу лошади или жеребенка), до символического акта. В последнем случае в ходе обрядовой церемонии пищевая жертва, как правило, съедалась ее участниками, а боги «получали» лишь часть ее. Покойным также вначале «отдавали» все животное. Так, для главы большой мордовской семьи сохраняли в доме лошадь, которую не продавали до ее смерти. В Городищенском уезде существовал обычай, согласно которому именно на такой лошади родственники умершего ездили созывать людей на его поминание [17, с. 176]. После смерти такое животное закапывали, не сдирая шкуры, как неприкосновенную собственность усопшего. Эти сведения подтверждаются полевыми материалами. В с. Сярда Белинского района Пензенской области, пожилые люди сохранили воспоминания о том, что такую лошадь хоронили стоя, во всей упряжи [16]. В конце XIX – начале XX в. покойным стала «доставаться» лишь шкура животного, которую оставляли на могиле, вешали на могильный столб или кладбищенские деревья.

На рубеже XIX–XX вв. обряды, в которых принимали участие настоящие кони или их имитация проводились практически во всех мордовских населенных пунктах пензенского края. В частности, В. Ауновский сообщает, что во время обряда проводов Весны двоих мужчин наряжали лошадью, подвешивали ей на шею колокольчик, а верхом сажали мальчика. Вся сельская молодежь шла вслед за ней в поле, где «наряженную лошадь разоблачали с разными играми» [4, с. 96]. Это описание сходно с ритуалами, которые до настоящего времени сохраняются в ряде мордовских сел Никольского района.

В с. Большое Пермиево праздник ранее начинался с катания мужчинами крашенных яиц. Они расставлялись попарно по ширине оски (городка). Выбитые яйца игрок брал себе, часть из них он затем отдавал как плату за «коня». Многие исследователи считают, что весенние игры с яйцами, которые начинались на Пасху, возникли не просто как развлечение, а были магическим актом. Об этом свидетельствует тот факт, что яйца как средство продуцирующей (дающей плодovitость) магии использовались для воздействия на рост хлебов. Для этого их вместе с зерном раскидывали по полю в день посева, закапывали в борозду или ямку, прокатывали по зеленым всходам яровых. То есть соприкосновение яйца с землей должно было способствовать пробуждению ее от зимнего сна, ее оплодотворению. В связи с этим вполне понятна функциональная роль именно мужских игр с яйцами.

Во второй половине дня юноши и девушки с песнями под гармошку идут в лес, где выбирают березку. Затем женщины начинают украшать ее цветами, которые сейчас изготавливаются из разноцветных кусочков ткани, лент, бумаги, фольги. Ранее, по сведениям информаторов, деревца обряжали платками и живыми цветами. Согласно обычаю каждая женщина и девушка должна принести либо готовое украшение, либо материал для его изготовления. На вершине березки прикрепляют большой букет, который называется «счастье». После этого женщины произносят благопожелания, адресованные присутствующим девушкам: «Мирденень туемс, церынень шачтамс» («Замуж выйти, мальчика родить»). Затем все шли переодеваться в праздничную одежду. Но дерево ни в коем случае не оставляли без присмотра. Считалось, что если его кто-то повредит или оно потеряется до или во время торжества, это предвещает несчастье [14].

Непосредственно сама праздничная церемония начинается вечером. Торжествен-

ные процессии с каждого конца с песнями направляются к центру села. По словам старожилов, это место считалось священным, так как раньше здесь был родник, возле которого позже была сооружена часовня. Во главе процессии одного из концов села обычно идет гармонист, а за ним женщина, которая несет украшенную березку. Второе шествие возглавляет юноша с березкой, которого окружают молодые девушки, а позади них идут другие участники. Обе эти группы встречаются в центре села, где каждая из сторон начинает восхвалять красоту своей березки в песенной и речитативной формах.

С этого момента во дворе ближайшего от места сбора дома начинали делать «коня». Для этого брали две палки толщиной с черенок лопаты и соединяли их через просверленные в четырех местах отверстия свитыми из мочала жгутами. Эти черенки во время движения клали на плечи двух мужчин, которые несли всю эту конструкцию. Идущий впереди мужчина нес на палке «голове коня». В с. Большое Пермиево ее делали из соломы или сена, в с. Карамалы того же района использовали череп лошади. «Шкуркой» в настоящее время служит брезент, раньше для этих целей использовали дмотканое полотно. Хвост и гриву делают из мочала или пакли. На голову «коня» надевают уздечку, которая четко фиксирует его лицевую сторону. Иногда специально выделяют глаза [12, с. 106].

Во время подготовки «коня», кто-то из мужчин, изготавливающих его, обходит участников праздника, требуя платы как за работу, так и за исполнение роли «коня». Раньше платой были яйца и деньги, сейчас собираются лишь деньги, на которые покупают вино и угощение. В это же время юноши высматривали среди присутствующих двух девушек-«березок», которых, как уже отмечалось выше, заранее выбирали на эту роль. Юноши внезапно хватали их, взваливали на плечи и несли в дом, во дворе которого изготовлялся «конь». Информато-

ры сообщают, что в недалеком прошлом девушки старались спрятаться от своих «похитителей», при этом нередко происходили совсем не шуточные столкновения между девушками и их родственниками с одной стороны и юношами, которые хотели их схватить. Дело в том, что молодые девушки (17–19 лет) обычно в течение последующего года выходили замуж, чего не особенно желали ни они сами, ни их семьи.

После «похищения» девушки должны добавить к своему костюму детали, которые являются отличительными знаками их обрядовых персонажей. Таким элементом их наряда традиционно является мужская военная или обычная фуражка, к которой сзади прикрепляются разноцветные ленты. Примерно до 1950–1960-х гг. ее накрывали фатой, которую изготавливали из шелковой и атласной ткани (преимущественно красного или бордового цвета), обшитой по краю бахромой или контрастной полоской материи. Вероятно, это проявление травестики – обрядовой перемены пола, когда мужчины надевают женскую одежду и наоборот. Данный обычай наблюдается у многих народов. По мнению ученых (например, Г. Баумана), он порожден стремлением людей повысить свою половую потенцию, посредством которой они затем могут повлиять на плодородие полей и скота. Подробное проявление травестики встречается и в других обрядах мордвы. Например, во время девичьего праздника Тейгерень пиянь кудо («Девичий дом пива»), на котором проходил обряд приема юных девушек в старшую молодежную группу, две из них переодевались парнями (казаками). Они по утрам провожали за околицу деревенское стадо, при этом желая скоту плодородия и здоровья, а полям плодородия [19, с. 27].

Общественная демонстрация зрелости девушек-«березок» раньше имела место и в обряде проводов Весны. Информанты пожилого возраста сообщают, что ранее подруги, которые помогали этим девушкам

наряжаться, переплетали им волосы заново в одну или две косы. Это было показателем изменения их социального статуса – перехода девушек в старшую молодежную группу, т. е. их готовности к браку.

В то время как происходит обряжение девушек, к участникам праздника выводили изготовленного «коня», который всячески демонстрирует свою силу: бегаёт, прыгает, брыкается, насакивает на людей. После того как на улице появлялись наряженные девушки им вручают березки и с этого момента их самих начинают величать «березками». Каждую из них окружает несколько юношей, которые охраняют не столько девушек, сколько березки. Молодые люди следят, чтобы никто не прикасался к обрядовым деревцам, так как они должны быть доставлены к хлебному полю в целости и сохранности. Считается, если кто-то, особенно человек со стороны (т. е. не из своего села) попытается сломать березку или схватить с нее украшение, это предвещает несчастье. По сведениям информаторов, когда случился подобный инцидент, то одна из девушек-«березок» родила внебрачного ребенка [14].

Когда начинает темнеть, праздничная процессия с песнями и частушками направляется к полю. Впереди нее несут березки-венки, позади которых «ведут коня». Он по-прежнему ведет себя очень активно, по ходу шествия его несколько раз стараются в шутку напоить колодезной водой. Недалеко от поля процессия останавливается, и девушки-«березки» начинают перепляс, а участники праздника определяют, кто из них лучше поет и пляшет. После этого на краю поля молодежь опрокидывает деревца, и все стараются схватить с них какое-либо украшение. Особо ценится букет «счастье», закрепленный на вершине. Считается, что тот, кому он достанется, будет счастлив весь год, и в доме его наступит благополучие. Сами же березки оставляют на поле. После этого все участники празд-

ничного шествия возвращаются в село, где продолжают веселиться до утра.

Необходимо отметить, что до настоящего времени в празднике Тундонь ильтямо стараются принять участие все жители с. Большое Пермиево, на него приезжают и люди, переехавшие на другое место жительства. То есть он стал, по сути, праздником землячества, а также своеобразной «визитной карточкой» не только этого села, но и всего Никольского района. Районная администрация пытается пропагандировать данный праздник как туристический бренд, чтобы привлечь на него как можно больше зрителей.

В с. Вечкилей Никольского района, которое находится неподалеку от с. Большое Пермиево, во время праздника Тундонь ильтямо вместо березового деревца украшают большую березовую ветку. Перед началом торжественного шествия в поле здесь раньше водили хороводы. Для Троицких хороводов была характерна любовная тематика, распространенная у многих народов нашей страны. Она проявлялась в их песенно-плясовых комплексах. Например, в с. Вечкилей большой популярностью пользовалась игра в выбор невесты. Во время нее юноши, которые находились внутри круга, выбирали себе «невест», вместе с которыми потом несколько раз проходили под руку по кругу. В их честь пелись величальные песни.

Изготовление «коня» и плата за него в Вечкилее проходили так же, как и в Большом Пермиеве. Различие заключалось только в том, что во время процессии мужчины, исполнявшие его роль, все время менялись. Торжественная процессия также шла к полю, где «ломали» березку и «коня». Затем на поле заходили две девушки и одна пожилая женщина. Они произносили речь, в которой прощались с весной и приглашали приходиться ее на следующий год. Возможно, что ранее это был какой-то молитвенный текст, обращенный к силам природы и покровителям плодородия, но сейчас его уже никто не помнит. Затем девушки выдергивали не-

сколько колосьев злаков с корнями и бросали через плечо яйца. Такие же действия совершались и во время обряда проводов Весны в с. Сабанове того же района. [12, с. 107].

В других мордовских селениях Пензенской области проводы Весны проходили примерно по такому же сценарию. Торжественное шествие с наряженной березкой проходило по селу и заканчивалось либо на поле, либо около водного источника. Например, в с. Каржимант и Мачкасы Шемейского района раньше девушки на Троицу ходили плести венки к многочисленным родникам, расположенным в окрестностях этих двух селений. Там же формировались и троицкие процессии этих сел, которые встречались у оврага Вергиз лей. Там девушки с обрядовыми песнями бросали венки в воду, гадая о своей дальнейшей судьбе [15]. Аналогичный обычай бытовал во многих мордовских селениях. Например, в с. Урусове Ардатовского района до настоящего времени молодые женщины, вышедшие замуж за год, прошедший с предыдущей Троицы, обходят свое село в последний день Троицкой недели. Они одеваются в красочные народные костюмы, на голове у них живописные венки из искусственных цветов. В сопровождении других жителей, с ветками березы и венками из березовых и кленовых листьев они обходят вокруг села, а затем бросают их в реку Суралейку [5, с. 109].

Обсуждение

Таким образом, анализ обрядов Троицкого цикла и конкретно ритуала проводов Весны, показывает, что они были направлены на обеспечение благоприятной погоды для успешного произрастания растений, а также на обеспечение здоровья и плодovitости людей и домашнего скота. Поэтому одним из главных элементов этого календарного цикла является растительность. Культ растительности явственно выступает в семицко-троицких обрядах: сбор трав и цветов, украшение ими домов, церквей, ритуалы с венками, чествование березки или другого

дерева, которое, вероятно, в древности являлось символом духа растительности.

Почитание растительности было тесно связано с культом плодородия. То же «заламывание» березки на хлебном поле или потопление ее в реке, по народным поверьям, должно было способствовать плодородию полей и обеспечить достаточное количество влаги на все лето. Кроме того, считали, что вода становится целебной, поэтому все участники обряда купались в ней или хотя бы умывали лицо. А девушки, войдя в воду, били себя березовыми ветками, приговаривая: «Келу паз! Пошли нам гостя» (имелся в виду ребенок. – Г. К.) [20, с. 148]. Нижегородская мордва по окончании торжества березку бросала в костер, на котором готовились каша и яичница, т. е. продукты, также являвшиеся символами плодovitости [10, с. 89].

Проявлением культа плодородия был и состав ритуальных персонажей (Весна, «конь»), а также выполнение ими определенных магических действий: обливание водой, заигрывание с другими участниками и т. п. Надо отметить, что основная роль в троицкой обрядности традиционно принадлежала группе взрослых девушек, которые своей молодостью и красотой символизировали расцвет сил природы. Кроме того, они воспринимались окружающими как будущие матери, которые должны вскоре принести потомство, как и земля должна «принести» урожай. Недаром в ритуале Тундонь ильтямо прослеживаются остатки обычая инициации, т. е. перехода девушек, исполняющих роль Весны (Тундонь тейтерть), в старшую возрастную группу. А в церемонии, проводимой в с. Урусове Ардатовского района, молодые женщины после церемонии обхода села и погружения в воду венков и ветвей растений считаются членами группы замужних женщин. Кстати во время прохода по селу их одаривают крашеными яйцами. По сообщению В. Н. Майнова, раньше молодые женщины носили в качестве амулета яйцо, снесенное

в Семик (праздник богини плодородия Анге патай), для того чтобы иметь много детей. Его также обычно окрашивали в красный цвет. Девушки же надевали подобный амулет, чтобы скорее выйти замуж [20, с. 143].

Таким образом, на рубеже весны и лета девушки передавали обрядовые функции обеспечения плодородия земли замужним женщинам. Именно в это время, от конца сева до колошения хлебов, когда земля вынашивала свои плоды, проходили в мордовских деревнях женские братчины – авань поза, авань брага, авань пия. Во время них устраивались трапезы, на которых обязательными блюдами были изделия из муки, каша, яичница, а также напитки, приготовленные на основе ржаного солода: пиво или брага.

Надо отметить, что в настоящее время часто происходит перераспределение обрядовых функций между половозрастными группами. В силу того, что в сельской местности сейчас в основном проживают люди старшего возраста, которые к тому же являются хранителями народных традиций, именно они и выступают главными исполнителями обычаев и обрядов. К ним переходят те ритуальные функции, которые раньше выполнялись представителями среднего и молодого поколения. Так, в с. Кулясове Камешкирского района Пензенской области именно пожилые женщины проносят по селу наряженную ветку березы в конце троицкой недели, а затем «ломают» ее на поле [113]. То есть они осу-

ществляют тот обрядовый круг обязанностей, который ранее был присущ молодым девушкам.

Заключение

Проведенный в статье анализ обрядов троицкого цикла показывает, что основные содержательные характеристики, статус участников и сакральное значение его отдельных ритуалов у мордовского населения исследуемого региона аналогичны подобным ритуалам, бытовавшим в среде других территориальных групп мордовского народа. В то же время наблюдаются и определенные локальные особенности, причем они выявляются даже в близлежащих селениях.

Зафиксированные тенденции изменения отдельных элементов праздничного ритуала были вызваны контактами мордвы с другими народами, а также определенными новациями. Последние возникали в результате творческого вклада участников церемониала, а также в процессе развития сельского социума, приспособившегося к постоянно менявшимся социально-экономическим условиям. Например, многие элементы троицкой обрядности (ряжение, игры с яйцом, обливание водой) постепенно перешли из религиозно-магической подструктуры в демонстративно-символическую, развлекательно-игровую и эстетическую. В результате этого в настоящее время основополагающими факторами церемониалов стали эмоционально-психологическая и регулятивная функции праздника.

Библиографический список

1. *Арсентьев Н. М.* Идея единения народов в стратегии современной национальной политики Российской Федерации // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2012. – № 2. – С. 6–11.
2. *Арсентьев Н. М.* Празднование Тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства как фактор формирования социальной памяти россиян // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2012. – № 2. – С. 24–31.
3. *Арсентьев Н. М.* Мемориальная (монументальная) история в современном гуманитарном пространстве Республики Мордовия (о Тысячелетии единения мордовского народа с народами Российского государства) // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2010. – № 3. – С. 4–8.
4. *Ауновский В.* Этнографический очерк мордвы-мокши // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 г. – Симбирск, 1869, Отдел V. – С. 85–107.

5. *Ермаков Н.* Эрзянские причитания: традиции бытования и современное состояние. – Таллинн : Изд-во Таллин. ун-та, 2014. – 176 с.
6. *Козлова Т. А.* Материальные компоненты традиционной культуры в мордовском фольклоре (Историко-этнографическое исследование) : дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2004. – 206 с.
7. *Корнишина Г. А.* Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса (структура, субъекты, составные компоненты) : дис. ... д-ра ист. наук. – Саранск, 2001. – 492 с.
5. *Корнишина Г. А.* Календарная обрядность мордвы как фактор укрепления этнической идентичности // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 4. – С. 23–28.
9. *Корнишина Г. А.* Обряды мордвы, связанные с почитанием лошади (коня) // Культурные миры финно-угрии: опыт прошлого в моделях будущего : материалы всерос. науч.-практ.
10. *Мельников П. И.* (Андрей Печерский). Очерки мордвы. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. – 136 с.
11. Мордовия в истории России: дорогами тысячелетия / Н. М. Арсентьев, В. М. Арсентьев, Э. Д. Богатырев [и др.] ; под ред. чл.-кор. РАН Н. М. Арсентьева ; Издат. центр ИСИ МГУ им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2012. – 596 с.
12. *Николаев С. Д.* Современные праздники и обряды мордвы Пензенской области // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре. – Саранск, 2005. – С. 104–109.
13. Полевые материалы автора, 1993 г. Камешкирский район Пензенской области, с. Кулясово (информанты: Хромайкина Е. П., 1905 г. р.; Бояркина А. А., 1909 г. р.).
14. Полевые материалы автора, 1994 г. Никольский район Пензенской области, с. Большое Пермиево (информанты: Старостина Е. Е., 1929 г. р.; Конкина А. Д., 1929 г. р.; Кузнецова Е. Д., 1933 г. р.).
15. Полевые материалы автора, 1995 г. Шемышейский район Пензенской области, с. Каржимант (информант Талабаева М. М., 1916 г.р.).
16. Полевые материалы автора, 1995 г. Белинский район Пензенской области, с. Сярда (тетрадь 3).
17. *Смирнов И. Н.* Мордва : историко-этногр. очерк. – Казань, 1895. – 291 с.
18. Фольклорный праздник в селе Большое Пермиево // Знамя труда. Газета Никольского района Пензенской области. – 2016. – 28 июня. – URL.: <http://www.znamyatrud.ru/news-7-3000.html>
19. *Чувашев М. И.* Тейтерень пиянь кудо – Девичий дом пива у эрзян // Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки : антология. – Самара : Изд-во СамГПУ, 2001. – С. 13–29.
20. *Mainov W.* Lez restes de la mythologie Mordvine // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. – S. 4–291.

References

1. *Arsent'ev N. M.* Ideja edinenija narodov v strategii sovremennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii (The Idea of Unity of the Peoples in the Strategy of Modern Ethnic Policy in the Russian Federation), *Gumanitarij : aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija*. 2012. No. 2. P. 6–11. (In Russian)
2. *Arsent'ev N. M.* Prazdnovanie Tysjacheletija edinenija mordovskogo naroda s narodami Rossijskogo gosudarstva kak faktor formirovanija social'noj pamjati rossijan (The Celebration of the Millennium of Unification of the Mordovian People with Peoples of Russian State as the Factor of Formation of Social Memory of the Russians). *Gumanitarij : aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija*. 2012, No. 2. P. 24–31. (In Russian)
3. *Arsent'ev N. M.* Memorial'naja (monumental'naja) istorija v sovremennom gumanitarnom prostranstve Respubliki Mordovija (o Tysjacheletii edinenija mordovskogo naroda s narodami Rossijskogo gosudarstva) (Memorial (monumental) history of modern humanitarian space of the Republic of Mordovia (On the Millennium of Unification of the Mordovian People with Peoples of Russian State). *Gumanitarij : aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija*. 2010. No. 3. P. 4–8. (In Russian)
4. *Aunovskij V.* Jetnograficheskij ocherk mordvy-mokshi (Ethnographic Study of the Mordva–Moksha), *Pamjatnaja knizhka Simbirskoj gubernii na 1869 g. Simbirsk. 1869. Otdel V.* P. 85–107. (In Russian)
5. *Ermakov N.* Jerzjanskije prichitanija: tradicii bytovanija i sovremennoe sostojanie (Erzyan Laments: Traditions of the Existence and Current Status), Tallinn, 2014. 176 p. (In Russian)
6. *Kozlova T. A.* Material'nye komponenty tradicionnoj kul'tury v mordovskom fol'klore (Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie) (The Material Components of the Traditional Culture of the Mordovian Folklore (Historical-Ethnographic Research)): dis. ... kand. ist. nauk. Saransk. 2004. 206 p. (In Russian)
7. *Kornishina G. A.* Tradicionno-obrjadovaja kul'tura v sisteme mordovskogo jetnosa (struktura, sub#ekty,

- sostavnye komponenty) (Traditional Ceremonial Culture in the System of Mordovian Ethnos (Structure, Actors, Components)): dis. ... dokt. ist. nauk. Saransk, 2001. 492 p. (In Russian)
8. Kornishina G. A. Kalendarnaja obrjadnost' mordvy kak faktor ukrepleniya jetnicheskoj identichnosti (Calendar Rituals of the Mordva as a Factor Strengthening Ethnic Identity). *Jetnograficheskoe obozrenie*. 2011. No. 4. P. 23–28. (In Russian)
 9. Kornishina G. A. Obrjady mordvy, svjazannye s pochitaniey loshadi (konja) (The Rites of the Mordovians, Associated with the Worship of the Horse (Knight)), Kul'turnye miry finno-ugrii: opyt proshlogo v modeljah budushhego: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Saransk, 2016. P. 45–50. (In Russian)
 10. Mel'nikov P. I. (*Andrej Pecherskij*). Ocherki mordvy (Essays Mordovians). Saransk, 1981. 136 p. (In Russian)
 11. Mordovija v istorii Rossii: dorogami tysjacheletija (Mordovia in Russia's History: the Road to the Millennium). Saransk, 2012. 596 p. (In Russian)
 12. Nikolaev S. D. Sovremennye prazdniki i obrjady mordvy Penzenskoj oblasti (Modern Festivals and Ceremonies of the Mordovians in the Penza Region). *Jetnokul'turnye processy v mordovskoj diaspore*. Saransk, 2005. P. 104–109. (In Russian)
 13. Polevye materialy avtora (Field Materials of the Author), 1993 g. Kameshkirskij rajon Penzenskoj oblasti, s. Kuljasovo (informanty: Hromajkina E. P., 1905 g. r.; Bojarkina A. A., 1909 g. r.). (In Russian)
 14. Polevye materialy avtora (Field Materials of the Author), 1994 g. Nikol'skij rajon Penzenskoj oblasti, s. Bol'shoe Permievo (informanty: Starostina E. E., 1929 g.r.; Konkina A. D., 1929 g. r.; Kuznecova E. D., 1933 g.r.). (In Russian)
 15. Polevye materialy avtora (Field Materials of the Author), 1995 g. Shemyshejskij rajon Penzenskoj oblasti, s. Karzhimant (informant Talabaeva M. M., 1916 g.r.). (In Russian)
 16. Polevye materialy avtora (Field Materials of the Author), 1995 g. Belinskij rajon Penzenskoj oblasti, s. Sjarda (tetrad' 3). (In Russian)
 17. Smirnov I. N. Mordva. Istoriko-jetnograficheskij ocherk (Mordvinians. Historical-Ethnographic Essay). Kazan'. 1895. 291 p. (In Russian)
 18. Fol'klornyj prazdnik v sele Bol'shoe Permievo (Folklore Festival in the Village of Bol'shoe Permievo), *Znamja truda* 2016. 28 ijunja. URL: <http://www.znamyatrud.ru/news-7-3000.html> (In Russian)
 19. *Chuvashев M. I.* Tejteren' pijan' kudo – Devichij dom piva u jertzjan (Tejteren' pijan' kudo – Girlish house beer Erzyas), *Duhovnoe nasledie narodov Povolzh'ja: zhivye istoki: Antologija*. Samara, 2001. P. 13–29. (In Russian)
 20. *Mainov W.* Lez restes de la mythologie Mordvine, *Journal de la Societe Finno-Ougrienne*. Helsingissa, 1889. P. 4–291. (In Russian)

Поступила в редакцию 25 июня 2017 г.

Сведения об авторе

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва». Сфера научных интересов: этнография, этнология, краеведение, мифология, фольклор. Автор более 200 научных и учебно-методических публикаций. ORCID <http://orcid.org/0000-0001-5680-5041>.

Тел.: (8342) 24-25-90

E-mail: G.Kornihina@mail.ru

About the author

Kornishina Galina Albertovna – doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History of Ogarev Mordovia State University. Research interests: ethnography, ethnology, local history, mythology, folklore. The author of more than 200 scientific and educational publications. ORCID <http://orcid.org/0000-0001-5680-5041>.

Tel.: (8342) 24-25-90

E-mail: G.Kornihina@mail.ru

С. В. Кистанов

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва», Саранск, Россия,
e-mail: kistanov-viz@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОППОЗИЦИОННЫХ СИЛ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД РОСПУСКА I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В 1906 г.

Статья посвящена событиям, происходившим на территории современной Республики Мордовия летом 1906 г. в период, последовавший за роспуском I Государственной думы. Рассматривается момент непосредственного появления «Выборгского воззвания», а также его проникновения и распространения на территории уездов Пензенской губернии (в настоящее время входящих в состав Республики Мордовия) – Саранском, Краснослободском и Инсарском. Также показывается деятельность депутатов распушенной Думы на территории Пензенской губернии, их пропагандистские мероприятия, а также большая непосредственная работа с местным населением (т. е. потенциальными избирателями). Большое внимание уделяется непосредственно распространению на землях мордовского края «Выборгского воззвания» в июле – августе 1906 г. Отмечаются последствия расширения антиправительственной агитации, а также деятельность революционных организаций среди населения Симбирской и Пензенской губерний в рассматриваемый период. Прежде всего, отмечается распространение социалистами-революционерами и социал-демократами собственной нелегальной печатной продукции, а также их непосредственное влияние на составление крестьянами наказов в адрес Государственной думы, носивших оппозиционные требования. Однако следует отметить, что распространение воззвания имело кратковременный характер. После конфискации обнаруженных экземпляров у местного населения в дальнейшем они практически не встречались в распространяемой оппозиционной печатной продукции.

Ключевые слова: Государственная дума, депутаты, революция, агитация, «Выборгское воззвание», крестьянские наказания, эсеры, социал-демократы.

Для цитирования: Кистанов С. В. Деятельность оппозиционных сил на территории мордовского края в период роспуска I Государственной думы в 1906 г. // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2017. – № 3. – С. 23–32.

Sergey V. Kistanov

Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia,
e-mail: kistanov-viz@yandex.ru

ACTIVITIES OF THE OPPOSITION FORCES ON THE TERRITORY OF MORDOVIAN REGION IN THE PERIOD OF ABOLISHING THE I STATE DUMA IN 1906

The article is devoted to events that took place on the territory of modern Republic of Mordovia in the summer of 1906 in the period that followed the dissolution of the I State Duma. The author considered a time of imminent emergence of the so-called «Vyborg Manifest», as well as its pervasion and distribution in territory of the districts of the Penza province (which are currently

© Кистанов С. В., 2017

parts of the Republic of Mordovia) – Saransk, Krasnoslobodsk and Insar. It also shows the activities of deputies of the dissolved Duma on the territory of the Penza province, their advocacy, and huge direct work with local people (i.e. with potential voters). The great attention is paid directly to the spread on the lands of the Mordovian region «Vyborg Manifest» in July-August, 1906. The author marked consequences of expanding anti-government propaganda, and activities of the revolutionary organizations among the population of Simbirsk and Penza provinces during the period under review. First of all, the author noted the spread by the socialist-revolutionaries and social-democrats of their own illegal printed materials, and their direct influence on composing by peasants' mandates in the State Duma, which had the opposition demands. However, it should be noted that the spread of the proclamation was of short duration, and after the confiscation of the detected copies from the local population, in the future, almost never met opposition among distributed printed materials.

Keywords: State Duma deputies, revolution, agitation, «Vyborg Manifest», peasant mandates, the Social Revolutionaries, Social Democrats.

For citation: Kistanov Sergey V. Activities of the Opposition Forces on the Territory of Mordovian Region in the Period of Abolishing the I State Duma in 1906. *Humanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Humanitarian : actual problems of the humanities and education. 2017. No. 3. P. 23–32.

Введение

Формирование взаимоотношений между властью и обществом – важный и достаточно интересный аспект в исследованиях политической сферы общества. Успешность функционирования системы властных механизмов (и государства как такового) во многом определено именно позитивными механизмами такого рода взаимоотношений. Нормальные, функционирующие в рамках правового поля эти отношения отражаются и на «здоровье» самого общества, которое в таком отношении отличается известной стабильностью. И наоборот, враждебные, резко конфронтационные отношения власти и общества (общественных институтов) часто приводят к расшатыванию внутренних механизмов государственной системы, появлению внутренних противоречий, отсутствию стабильности внутри общества. В связи с этим следует упомянуть, что важным аспектом данных отношений является деятельность властей на местах. Обычно то, как переносится система отношений «власть – общество» на места, является маркером состояния государства и здоровых отношений в этом важном элементе внутригосударственного механизма [14].

Одним из «срезов» исследований данного рода взаимоотношений является рас-

смотрение деятельности представительных органов государственной власти на местах. По отношению к началу XX в. речь идет об отражении деятельности I Государственной думы Российской империи на территории мордовского края в 1906 г. и отношении населения к этому новому властному органу для российской действительности того периода. Если быть еще более точным, то в качестве примера необходимо рассмотреть события, последовавшие непосредственно за роспуском I Государственной думы, в частности распространение на территории мордовского края «Выборгского воззвания» депутатов I Думы, проводившееся на фоне не прекращавшейся в период Первой российской революции агитационно-пропагандистской деятельности партий социалистов-революционеров и социал-демократов, а также активного крестьянского движения.

К сожалению, следует отметить, что в современной российской историографии данный аспект внутривластной борьбы периода Первой российской революции рассматривается недостаточно подробно. Подавляющая часть работ рассматривает либо непосредственно саму деятельность представительного органа власти (Государственной думы), либо затрагивает процесс

выборов в данный орган власти [8; 13; 15]. Во многом данный недостаток объясним историографической ситуацией, существовавшей в СССР до второй половины 1980-х гг., когда деятельность иных кроме большевиков политических сил либо замалчивалась, либо оценивалась однозначно негативно. Практически ничего в данном направлении не сделала мордовская историография, делавшая акцент непосредственно на крестьянское движение в 1905–1907 гг. и распространение социал-демократической печати в единичных экземплярах. Лишь с конца 1990-х гг. в ней стало формироваться объективное отражение тех событий [9]. Поэтому исследование деятельности представителей парламента на местах и их попытки реально влиять на ситуацию в регионах, а также отклика населения на данного рода деятельность требует дальнейшего изучения в современной историографии.

Методы

Основным методом исторического исследования, примененным в данной работе, является историко-генетический, который позволяет, используя многообразие источников и двигаясь от частного к общему, воссоздать реальную и объективную картину. В качестве источников выступают материалы архивов, объективно показывающие ту эпоху. Это помогает показать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития в их непосредственности, применительно к предмету исследования, выявить роль и влияние первопричин на активизацию революционного движения в регионе.

Результаты

О созыве законодательной Государственной думы было объявлено в «Высочайшем манифесте об усовершенствовании государственного порядка», обнародованном 17 октября 1905 г. в разгар Всероссийской октябрьской политической стачки. Сам факт созыва Государственной думы стал результатом попытки преобразовать Россию из са-

модержавной в парламентскую монархию, вызванной стремлением стабилизировать политическую обстановку в условиях Первой российской революции 1905–1907 гг. Выборы в I Государственную думу проходили с 26 марта по 20 апреля 1906 г. Однако Государственная дума Российской империи I созыва провела лишь одну сессию, просуществовав всего 72 дня (с 27 апреля по 9 июля 1906 г.), после чего была распущена императором Николаем II.

4 июля 1906 г. Государственная дума обратилась к населению с разъяснением по аграрному вопросу, торжественно обещая не отступать от принципа принудительного отчуждения частновладельческих земель. 8 июля 1906 г. Дума под предлогом того, что она не только не успокаивает народ, но еще более разжигает смуту, была распущена.

9 июля депутаты Государственной думы I созыва увидели манифест о ее роспуске, что вызвало взрыв возмущения среди членов наиболее влиятельных фракций – кадетов и трудовиков. От перспективы всеобщего ареста на незаконном собрании в Санкт-Петербурге кадеты решительно отказались, тем более они знали, что ни народ, ни значительные воинские части им на помощь не пришли бы. После этого часть депутатов собралась в Выборге, где 9–10 июля 1906 г. двумястами депутатами в гостинице «Бельведер» было подписано «Выборгское воззвание» («Народу от народных представителей») под редакцией лидера партии кадетов П. Н. Милюкова. Под воззванием стояли дата 9 (22) июля 1906 г. и подписи 180 депутатов Думы.

Воззвание призывало к пассивному сопротивлению властям (гражданскому неповиновению) – не платить налоги, не ходить на военную службу и т. д. Призыв к пассивному сопротивлению имел целью предотвратить возможный революционный взрыв, вызванный роспуском Думы, направить возмущение масс в «конституционное» русло. Редакционную комиссию «Выборгского

воззвания» возглавил М. М. Винавер, при этом рассматривались 2 проекта – от лидера кадетов П. Н. Милюкова и от трудовиков. За основу был взят проект Милюкова. Окончательный текст на основе двухдневного обсуждения был выработан комиссией из 6 чел. (от кадетов – М. М. Винавер и Р. Р. Кокошкин, от трудовиков – И. В. Жилкин и С. И. Бондарев, от социал-демократов – меньшевики Н. Н. Жордания и С. Д. Джапаридзе). Воззвание предназначалось для широких слоев населения, поэтому предполагалось его распространение по губерниям Российской империи.

16 (29) июля против подписавших «Воззвание» бывших членов Государственной думы было начато уголовное преследование: 167 бывших депутатов были преданы суду Особого присутствия Санкт-Петербургской судебной палаты. Подавляющее большинство из преданных суду были осуждены на три месяца тюремного заключения и лишены избирательных прав. Таким образом, они лишились также права заниматься политической деятельностью и не могли стать депутатами Государственной Думы в дальнейшем. Кстати, следует отметить реакцию на Выборгские события П. А. Столыпина. Все действия думцев, включая «Выборгское воззвание», рассмешили Столыпина, и он охарактеризовал их кратко: «Детская игра!» [11, с. 313].

Не следует забывать, что распространение «Выборгского воззвания» в Пензенской губернии на территории уездов, позднее вошедшей в состав Республики Мордовия, было не единственным примером агитационно-пропагандистской деятельности оппозиционных сил летом 1906 г. Территория мордовского края того периода представляла собой поле активной деятельности революционных партий – социалистов-революционеров и социал-демократов, которые еще с начала 1905 г. активно распространяли здесь антиправительственную литературу. Вообще не стоит забывать, что

на 1906 г. приходится наибольшее количество названий изданных эсерами популярных брошюр для деревни. В одних делается упор на сравнительное сопоставление различных способов борьбы за землю и политические свободы: бойкот, стачки, отказ от платежей податей и дачи рекрутов, выбор своих людей на сельские должности; на последних страницах упоминалось и о восстании, как крайнем средстве – когда будет достигнута большая степень организованности крестьян. В других содержание сводилось к описанию тяжелого положения крестьян, они были насыщены различными разоблачительными фактами и цифрами [7, с. 134–135]. Единственное, на что следует обратить внимание – летом 1906 г. в мордовском крае отмечается некоторая передышка в распространении нелегальной литературы революционными партиями. Пик распространения нелегальной печатной продукции, в частности, партий социалистов-революционеров и социал-демократов пришелся на осень-зиму 1905 г., в рассматриваемое время шло его затухание.

Так, при попытке агитации солдат Оровайского полка, расквартированного в Саранске, был арестован учитель 1-го саранского приходского училища Александр Любимов, ранее уже подозреваемый в распространении среди горожан и солдат эсеровских брошюр и прокламаций. При этом пристав, проводивший обыск, обнаружил значительное количество нелегальных эсеровских изданий, в том числе и для военных [16, л. 4–5]. Антиправительственной агитацией в этот же период занимался запасной старший фейерверкер с. Кулдым Инсарского уезда Егор Лушкин, ранее являвшийся выборщиком от Лемдяйско-Майданской волости в Государственную думу [17, л. 132]. Четыре месяца тюремного заключения за аналогичную деятельность получил землевладелец с. Новотроицкого Василий Бусаров [17, л. 134]. Распространением эсеровской литературы в своем селе занимался

крестьянин с. Починки Инсарского уезда Григорий Афанасьев. При обыске полиция изъяла у него брошюру ПСР «Как мужик у всех в долгу остался» [18, л. 22].

Агитационная работа проводилась эсерами на территории Ардатовского и Карсунского уездов Симбирской губернии. Активную деятельность проводил бывший редактор газеты «Простое слово» Михаил Степанович Корнишкин, проживавший в Сабаеве. Он в течение 1906–1907 гг. писал какие-то письма, читал крестьянам прокламации, выдержки из газеты «Симбирские вести» [6, л. 687–689]. 3 июня 1906 г. при попытке провести агитацию солдат и унтер-офицеров 7-го пехотного Ревельского полка был арестован ардатовский мещанин Константин Бутырский. При аресте у него были обнаружены 4 прокламации ПСР под заглавием «Солдатское чтение» и 3 книги «Иван Вольный» [4, л. 3, 14]. В д. Ратманово Ардатовского уезда летом 1906 г. был арестован крестьянин с. Талызина Егор Семенович Полозов, распространявший прокламацию «Манифест к всероссийскому крестьянству» [3, л. 9].

Социал-демократы того же периода ограничивались распространением единичных экземпляров своих печатных изданий, преимущественно прокламаций. Следует также отметить, что полиции не удалось выявить распространителей данной печатной продукции. В мае 1906 г. в д. Павловке, с. Пензятка Саранского уезда, с. Паевка, д. Кульмеж Инсарского уезда распространялись прокламации ЦК Польской социал-демократической партии и Кавказского союза РСДРП [10, с. 151].

Буквально через несколько дней после разгона I Государственной думы большое количество воззваний депутатов стали находить на территории Пензенской губернии, в состав которой входила большая часть современной Республики Мордовия.

25 июня краснослободский уездный исправник подает рапорт в канцелярию пензенского губернатора о том, что 20 июня

1906 г. с железнодорожной станции Арапово на почту пришли 25 писем на имя сельских старост с воззванием депутатов Государственной думы (т. е. относившиеся еще к периоду до разгона Думы) [2, л. 19]. Вполне понятно, что письма идут именно сельским старостам, т. е. крестьянам, ибо не стоит забывать, что революция продолжается, а именно крестьяне являются главным «горючим материалом» данного периода революционных потрясений.

Однако настоящий вал «Выборгских воззваний» попадает на территорию Пензенской губернии в июле-августе 1906 г., причем большинство их было обнаружено в Краснослободском, Нижнеломовском и Чембарском уездах.

11 июля нижнеломовский уездный исправник докладывал, что на почте было задержано 6 пакетов с воззваниями на имя сельских старост. Ночью с 15 на 16 июля 1906 г. в Нижнем Ломове и прилегающих к нему населенных пунктах неизвестными были разбросаны прокламации, содержавшие текст «Выборгского воззвания». В конце прокламации было особо сказано, что оно подписано, в том числе и пензенскими депутатами: Езерским, Дюмаевым, Враговым и Роговым. В донесении нижнеломовского исправника отмечается, что прокламации в количестве 10 штук были расклеены на пожарных чанах и телеграфных столбах, причем только 2 из них сняли, а остальные соскоблили, так как они были сильно приклеены [2, л. 16, 20].

Краснослободский уездный исправник доносил, что 18 июля воззвания были найдены крестьянином с. Такишева Семеном Фоминым в своем доме на открытом окне. В тот же день воззвание было обнаружено и приклеенным к стене дома Фомина [2, л. 19].

Значительное количество «Выборгских воззваний» было конфисковано в последние июльские дни. Так, 150 экземпляров было задержано в саранской почтово-телеграфной конторе; 68 закрытых конвертов со штампе-

лями «Москва», адресованных сельским старостам разных крестьянских обществ, были получены в керенской почтово-телеграфной конторе [2, л. 23, 33]. Вновь мы можем констатировать желание распространителей «Выборгского воззвания» ознакомить с текстом обращения как можно большее число населения, прекрасно понимая, что в случае доставки адресатам текст, вероятно, будет зачитываться значительным количеством крестьян-однообщественников, а может даже и публично на сходе.

26 июля начальник почтово-телеграфного округа донес пензенскому губернатору, что в последние дни июля на территории Пензенской губернии почтовыми служащими было конфисковано 480 простых писем, в каждом из которых оказались воззвания бывших депутатов Государственной думы. 31 июля он сообщил об обнаружении еще 487 писем, а 5 августа – еще 55 [2, л. 37–39]. То есть менее чем за две недели в уездах Пензенской губернии почтовики задержали 1 022 письма, содержащих в себе «Выборгское воззвание». Данная цифра является максимальной по отношению время/количество распространяемой антиправительственной литературы. Ни разу за 1900–1917 гг. (т. е. за период времени от начала распространения нелегальной эсеровской литературы до Февральской революции) на территории Пензенской губернии (и соответственно Саранского, Инсарского и Краснослободского уездов) не распространялось так много антиправительственной литературы.

С августа 1906 г. волна распространения на территории Пензенской губернии «Выборгского воззвания» идет на убыль. Количество обнаруженных разом экземпляров воззвания редко превышает 10 штук.

Например, 4 августа 1906 г. из Москвы через Поимское почтовое отделение Чембарского уезда на имя учительницы Евдокии Телешовой было прислано письмо от брата с двумя экземплярами «Выборгского воззвания». В письме брат просит сестру

распространить эти воззвания среди народа и, в случае надобности в этих воззваниях, прислать ему в Москву открытое письмо с указанием количества необходимых экземпляров [2, л. 34].

В августе 1906 г. «Выборгское воззвание» распространялось Василием Николаевским в с. Ельники Краснослободского уезда, 19 августа 14 писем с воззваниями были получены в с. Шувары Инсарского уезда, отдельные воззвания были обнаружены в Городищенском и Чембарском уездах [2, л. 41, 50, 51].

После августовских «находок» «Выборгское воззвание» в конфискованной революционной литературе перестает упоминаться. С одной стороны, это происходило благодаря успешной карательно-цензурной политике властей, которые массово конфисковывали экземпляры воззвания на почтовых отделениях и у населения. Однако следует отметить, что исчезновение воззвания во многом связано и с тем, что оно в условиях революционного движения, призывая лишь к пассивному протесту, не отражало устремлений масс того периода, занимавшихся активным протестом. Именно несоответствие содержания «Выборгского воззвания» чаяниям населения стало причиной достаточно быстрого исчезновения из распространяемых среди населения революционных изданий.

Еще до периода распространения «Выборгского воззвания» сами депутаты Государственной думы I созыва летом 1906 г. приняли активное участие в агитации местного населения, разъезжая по территории Пензенской губернии и устраивая многолюдные собрания. Пензенский губернатор 9 и 13 июня потребовал от уездных исправников пресекать любые несанкционированные мероприятия с участием депутатов Государственной думы Езерского (редактор газеты «Перестрой», кадет) и Рогова (по словам властей – крестьянина крайне левых взглядов), при этом потребовав установить за ними плотное наблюдение. Одна-

ко данные запретительные меры не имели большого эффекта. К слову, необходимо отметить, что оба вышеназванных депутата подписали Выборгское воззвание и оба были затем осуждены.

Уже 15 июня пензенский губернатор докладывает министру внутренних дел П. А. Столыпину о том что: «Член Государственной Думы Езерский, несмотря на мой запрет, устроил в Пензенском и Саранском уездах сборища крестьян, на которых, между прочим, порицал действия Правительства, вследствие чего сделано распоряжение о привлечении его к уголовной ответственности. Другой член Государственной Думы Рогов, по имеющимся сведениям, на митинге в глухом лесу в 6 верстах от Пензы призывал крестьян к борьбе с Правительством. Кроме того в Городищенском уезде Рогов предлагал рабочим и крестьянам требования «Поддержите нас, мы вам все дадим». Сегодня в Пензе на разрешенном мною собрании Рогов вновь открыто призывал к вооруженному восстанию» [1, л. 21].

20 июня Езерский прибыл в Саранск. Здесь во дворе саранской городской управы он прочитал доклад о деятельности Государственной думы и тех законах, которые разрабатываются, причем особенно подробно остановился на вопросе наделения крестьян землей через отчуждение казенных, церковных и частных владений, законе о свободе слова, собраний, об амнистии политических преступников и отмене смертной казни. По его словам, их принятию мешает противодействие правительства, почему и нужно заменить его на министерство, пользующееся доверием Думы. Сама Государственная дума нуждается в поддержке народа, почему желательно, чтобы люди, присылая в нее приговоры, заявления и т. д. выражали Думе полную солидарность [1, л. 32].

Выступление Езерского, в котором он выразил основные кадетские требования, вызвали активизацию присутствовавших на собрании-митинге, которые стремились

изложить депутату свое видение ситуации и поделиться насущными проблемами. Так, крестьянин д. Михайловки Ширшов заявил, что поддержать Государственную Думу трудно, так как везде усиленная охрана, поэтому народ просит отмены этой меры. Хлеботорговец Якушев потребовал от депутатов принять закон о передаче хлебной торговли в руки земств. Мещанин Поляков указал на несоответствие наказаний, налагаемых земскими начальниками, совершаемым нарушениям. Он считает вообще необходимым уничтожить этот властный институт. Крестьянин Бородулин жаловался на податного инспектора. Председатель собрания Мещеряков заявил, что ему известно об аресте двоих учителей за составление крестьянских приговоров и попросил сделать об этом официальный запрос в Министерство внутренних дел. В завершение встречи присутствовавшие выразили благодарность Езерскому за доклад [1, л. 33–35].

Деятельность в июне 1906 г. депутатов Государственной Думы среди местного населения позволяет сделать вывод об их большем радикализме, чем предусматривалось текстом последовавшего затем «Выборгского возвания». Если документ предполагал лишь пассивное сопротивление населения властям за роспуск Государственной думы, то во время встреч с населением Езерский и, особенно, Рогов призывали к силовым действиям против властей на местах. Понятно, что в условиях революции «слова» депутатов для населения были более приемлемыми, чем воззвание, распространявшееся большими тиражами.

Также следует отметить, что на рассматриваемый период выпадает написание крестьянских наказов в адрес Государственной думы, причем на лето того же года пришелся всплеск такого рода деятельности. Несколько наказов в летние месяцы 1906 г. были написаны и в уездах, позднее вошедших в состав Республики Мордовия. Понятно, что катализатором для написания

наказов стали поездки депутатов Государственной думы по своим округам в мае-июне 1906 г., упоминаемые выше. Следует отметить, что крестьянские наказания и приговоры вызывали тревогу и раздражение в правящих кругах и у местной администрации, которые всеми силами стремились повлиять на петиционную деятельность, дарованную населению.

11 июня 1906 г. крестьяне с. Старая Михайловка Саранского уезда Пензенской губернии подписали приговор в адрес Государственной думы. Они требовали всеобщую амнистию, созыв Учредительного Собрания, передачу заводов и фабрик рабочим, введение всеобщего бесплатного образования. Главное – крестьяне просили, чтобы земля принадлежала народу, который бы на ней трудился собственными силами, была ни покупаема, ни продаваема, частновладельческие же земли должны быть принудительно конфискованы в пользу самих крестьян [12, с. 254–255].

25 июня наказ в адрес I Государственной думы был подписан крестьянами с. Новотроицкого Инсарского уезда Пензенской губернии. В его преамбуле, описывающей тяготы и нищету крестьянства, виновными объявляются «чиновники вместе с помещиками и другими богачами» – «довели все наше государство до полного расстройтва, а весь народ до нищеты и голодовок и нарочно держат его в темноте и невежестве». Сами же новотроицкие крестьяне требовали конфискацию земель без всякого выкупа у частных владельцев, замену назначаемых чиновников выборными, сокращение для населения налогов и полную отмену косвенных налогов, введение 8-часового рабочего дня, уравнивание всех сословий в правах, введение всеобщего образования и отмену смертной казни [12, с. 289–291].

29 июня свой приговор в адрес Государственной думы составили крестьяне д. Зиновки Саранского уезда. В тексте документа ими было прямо указано, что составление

приговора было начато после пребывания 12 июня в Архангельско-Голицынском правлении Николая Езерского. В приговоре крестьяне просят депутатов дарование населению реальных гражданских свобод, отчуждения частновладельческих земель, уменьшения налогов и платежей с прекращением выкупных платежей [12, с. 299–300].

Радикальные крестьянские наказания, написанные при прямом участии представителей партии социалистов-революционеров, были подготовлены летом 1906 г. в Ардатовском уезде Симбирской губернии. В с. Болдасево, Курмачкасы, Резоватово приговоры содержали политические требования, которые власти объединили в понятие «земли и воли». По поводу этих антиправительственных акций были обвинены представители партии эсеров Емельян Макаров, Василий Юдин, Федор Лешев и Яков Орефкин. Всех их выслали из пределов Симбирской губернии сроком на 2 года [5, л. 24].

Обсуждение

Таким образом, летом 1906 г. на территории, занимаемой сегодня Республики Мордовия, кипела разноплановая антиправительственная деятельность оппозиционных сил от кадетов до социалистов-революционеров. Следует отметить, что представители оппозиционных политических организаций употребили в это время всевозможные методы противодействия властям на местах: печатная агитация, прямая пропаганда, подстрекательская деятельность. Необходимо учитывать, что для этого складывалась соответствующая ситуация: неразрешенные экономические трудности в крае, активная деятельность революционных политических организаций в предшествовавший период. Можно считать, что антиправительственная работа оппозиции на местах встречала поддержку населения, что выражалось в серии наказов и приговоров в Государственную думу, а также ростом активности крестьянского движения, один из пиков которого в

Среднем Поволжье приходится как раз на летние месяцы 1906 г. Однако следует отметить, что в дальнейшем «Выборгское воззвание» на территории современной Республики Мордовия практически не встречается среди наименований оппозиционных печатных изданий, распространяемых либеральными или революционными политическими организациями.

Необходимо отметить и такое новое явление в действиях оппозиции на исследуемой территории, как действия депутатов Государственной думы I созыва. Они были как пассивные, т. е. безадресное распространение «Выборгского воззвания» среди крестьян (в меньшей мере среди рабочих), так и активные – встречи с избирателями, устройство митингов, во время которых обсуждались насущные для населения проблемы и перспективы Думы, вплоть до призывов к вооруженному восстанию. То есть оппозиция использовала и возможность легальной деятельности, дарованную населению Манифестом 17 октября 1905 г.

Заключение

Результаты исследования показали широту распространения одного из видов революционного «правотворчества» периода Первой российской революции – «Выборгского воззвания», при этом удалось оценить ту нишу революционных печатных материалов, в которой оно поместилось на фоне временного затухания печатной агитационной деятельности революционных политических организаций. Важна и деятельность думцев, совпавшая с периодом накануне роспуска первой Государственной думы, подготовившая почву для проникновения и «усваивания» населением данного революционного документа. В качестве итогов нельзя не отметить возрастание надежд местного крестьянства на решение их проблем депутатами российского парламента.

Таким образом, период накануне и сразу после роспуска I Государственной думы на территории мордовского края представляет собой продолжение противостояния «власть – оппозиция», попыткой решения которого и стали события Первой российской революции.

Библиографический список

1. ГАПО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 7669.
2. ГАПО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 7722.
3. ГАУО. – Ф. 855. – Оп. 1. – Д. 585.
4. ГАУО. – Ф. 855. – Оп. 1. – Д. 588.
5. ГАУО. – Ф. 855. – Оп. 1. – Д. 702.
6. ГАУО. – Ф. 855. – Оп. 1. – Д. 762.
7. Гинев В. Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. – Л. : Наука. Ленинград. отд-ние. 1983. – 336 с.
8. Демин В. А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. – М. : РОССПЭН. 1996. – 214 с.
9. История Мордовии: от эпохи Великих реформ до великой российской революции / В. М. Арсентьев, Н. М. Арсентьев, С. Б. Бахмустов [и др.] ; под ред. Н. М. Арсентьева, В. А. Юрченкова. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та. – 2005. – 412 с.
10. Купряшкин Т. Е. Революция 1905–1907 гг. на территории МАССР. – Саранск : Мордов. кн. изд-во. 1941. – 156 с.
11. Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. – М. : РОССПЭН, 1997. – 512 с.
12. Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. / под ред. Л. Т. Сенчаковой. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. 416 с.
13. Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской империи 1906–1917: историко-правовой очерк. – М. : Новое время, 1998. – 234 с.
14. Сомкин А. А. Целостная личность и современный социум: единство и оппозиционность : дис. ... д-ра филос. наук. – Саранск, 2011. – 336 с.
15. Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. – М. : Наука, 1983. – 327 с.

16. ЦГА РМ. – Ф. 34. – Оп. 2. – Д. 4.
17. ЦГА РМ. – Ф. 88. – Оп. 1. – Д. 13.
18. ЦГА РМ. – Ф. 88. – Оп. 1. – Д. 14.

References

1. ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7669. (In Russian)
2. ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7722. (In Russian)
3. GAUO. F. 855. Op. 1. D. 585. (In Russian)
4. GAUO. F. 855. Op. 1. D. 588. (In Russian)
5. GAUO. F. 855. Op. 1. D. 702. (In Russian)
6. GAUO. F. 855. Op. 1. D. 762. (In Russian)
7. *Ginev V. N.* Borba za krestyanstvo i krizis russkogo neonarodnichestva (The Struggle for the Peasants and the Crisis of the Russian Neonarodnichestva). Leningrad, 1983. 336 p. (In Russian)
8. *Demin V. A.* Gosudarstvennaya Duma Rossii (1906–1917): mehanizim funkcionirovaniya (The State Duma of Russia (1906–1917): the Mechanism of Functioning). Moskva, 1996. 214 p. (In Russian)
9. *Istoriya Mordovii: ot epohi velikih reform do velikoy rossiyskoy revolyutsii* (The History of Mordovia: from the Era of the Great Reforms to the Great Russian Revolution). Saransk, 2005. 412 p. (In Russian)
10. *Kupryashkin T. E.* Revolyutsiya 1905–1907 gg. na territorii MASSR (Revolution of 1905–1907 years on the Territory of the MASSR). Saransk, 1941. 156 p. (In Russian)
11. *Leonov M. I.* Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1905–1907 gg. (Party of Socialist-Revolutionaries in 1905–1907). Moskva, 1997. 512 p. (In Russian)
12. *Prigovory i nakazy krestyan Tsentralnoy Rossii. 1905–1907 gg.* (The Appeals and Manifests of the Peasants of Central Russia. 1905–1907 years.). Moskva, 2000. 416 p. (In Russian)
13. *Smirnov A. F.* Gosudarstvennaya Duma Rossiyskoy imperii 1906–1917: istoriko-pravovoy ocherk (State Duma of the Russian Empire 1906–1917: Historical and Legal Essay). Moskva, 1998. 234 p. (In Russian)
14. *Somkin A. A.* Tselostnaya lichnost i sovremenniy sozium: edinstvo i oppozitsionnost (Holistic Personality and Modern Society: Unity and Oppositeness). Dis. ... d-ra filoz. nauk. Saransk. 2011. 336 p. (In Russian)
15. *Shelohaev V. V.* Kadety – glavnyaya partiya liberalnoy burzhuazii v borbe s revolyutsiei 1905–1907 gg. (The Cadets are the Main Party of the Liberal Bourgeoisie in the Struggle against the Revolution of 1905–1907). Moskva, 1983. 327 p. (In Russian)
16. ZGA РМ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 4. (In Russian)
17. ZGA РМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 13. (In Russian)
18. ZGA РМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 14. (In Russian)

Поступила в редакцию 14 апреля 2017 г.

Сведения об авторе

Кистанов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Историко-социологического института ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва». Сфера научных интересов – политическая история России конца XIX – первой четверти XX в. Автор более 80 научных и учебно-методических публикаций. ORCID <http://orcid.org/0000-0003-2214-1341>.

Тел.: +79030516207

E-mail: kistanov-viz@yandex.ru

About the autor

Kistanov Sergey Vasilyevich – candidate of historical sciences, associate professor, department of history of Russia of Ogarev Mordovia State University. Research interests: political history of Russia in the late 19th – the first quarter of the 20th century. The author of more than 80 scientific and educational publications. ORCID <http://orcid.org/0000-0003-2214-1341>.

Тел.: +79030516207

E-mail: kistanov-viz@yandex.ru

Н. Ф. Беляева

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева»,
г. Саранск, Россия, e-mail: belyaevanadezdafedorovna@mai.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ МОРДОВСКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Проблемой исследования является изучение этнодемографической ситуации в Республике Мордовия на современном этапе. Основными аспектами проблемы выступают демографические показатели, половозрастная и возрастная структура мордовского сельского населения, соотношение рождаемости и смертности, степень урбанизации, уровень миграции. Выявлено, что сокращение населения как в целом в России, так и в регионах является одной из самых острых проблем нашей страны. По данным Росстата, Мордовия имеет самый низкий суммарный коэффициент рождаемости. Смертность продолжает превалировать над показателями рождаемости. Отмечено, что существенные изменения произошли в половозрастной и возрастной структуре, выявляется тенденция к сокращению лиц мужского пола и увеличению численности старшего поколения. Наиболее ощутим демографический кризис в сельской среде, где доля трудоспособного населения составляет всего 2 %. Показано, что миграционный отток целыми семьями в города негативно сказывается на состоянии инфраструктуры поселений. Нарушается преемственность поколений, что в свою очередь приводит к ослаблению этнической специфики, национального самосознания. Увеличивается число лиц мордовской национальности, выбравшее русский язык в качестве родного языка. Акцентируется внимание на позитивных тенденциях, наметившихся в демографических процессах в последнее десятилетие: увеличение рождаемости, сокращение, пусть и незначительно, смертности, восстановление статуса семьи и семейных ценностей. Это внушает определенный оптимизм. Произошли изменения в образовательном уровне, увеличилось число лиц, имеющих высшее и профессиональное образование.

Ключевые слова: мордва, демографические показатели, этнос, половозрастная структура, рождаемость, смертность, урбанизация, миграционные процессы, интеграция, ассимиляция, политика, суммарный коэффициент, образовательный уровень.

Для цитирования: Беляева Н. Ф. Современные этнодемографические процессы мордовского сельского населения // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2017. – № 3. – С. 33–43.

Nadezhda F. Belyaeva

Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia,
e-mail: belyaevanadezdafedorovna@mai.ru

MODERN ETHNIC-DEMOGRAPHIC PROCESSES OF MORDOVIAN RURAL POPULATION

The problem of the study is the study of the ethno-demographic situation in the Republic of Mordovia at the present stage. The main aspects of the problem are demographic indicators, sex-age and age structure, the ratio of fertility and mortality, the degree of urbanization, the level of migration. It was revealed that the reduction of the population both in Russia and in the regions is one of the most acute problems of our country. According to the Federal State Statistics Service, Mordovia has the lowest total fertility rate. Mortality continues to prevail over birth rates. It

© Беляева Н. Ф., 2017

is noted that significant changes have occurred in the age, sex-age structure, the tendency of the reduction of males and the increase in the number of the older generation is revealed. The demographic crisis in the rural environment is most noticeable, where the proportion of the able-bodied population is only 2 %. It is shown that the migration outflow of whole families to cities negatively affects the state of the infrastructure of the settlements. Violation of the continuity of generations, which in turn leads to a weakening of ethnic specifics, national identity. The number of people of Mordovian nationality is increasing, which has chosen Russian as its native language.

Attention is focused on the positive trends that have emerged in the demographic processes in the last decade: an increase in the birth rate, a reduction, albeit insignificantly, of mortality, the restoration of the status of the family and family values. This inspires certain optimism. There have been changes in the educational level, the number of people with higher and professional education has increased.

Keywords: demographic indicators, ethnos, age and sex structure, birthrate, mortality rate, urbanization, migration processes, integration, assimilation, lifestyle, social policy, total coefficient, educational level.

For citation: Belyaeva Nadezhda F. Modern ethnic-demographic processes of mordovian rural population. . Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Humanitarian : actual problems of the humanities and education. 2017. No. 3. P. 33–43.

Введение

Социально-экономические и политические преобразования конца XX – начала XXI в. оказали существенное влияние на этнические процессы. Кардинальные изменения произошли во всех сферах жизнеобеспечения этносов. Одна из самых острых проблем связана с демографической ситуацией. Внимание к этой проблеме обусловлено ее глобальным характером, поскольку она затрагивает интересы многих народов и от ее решения зависит стабильность их функционирования. Эксперты по демографии констатируют отрицательную динамику численности населения страны, близкую к депопуляции. Не стала исключением и Республика Мордовия. В наибольшей степени демографический кризис затронул сельское население, которое является основным носителем этнической культуры. Исходя из этого, представляется актуальным изучить современные тенденции развития мордовского сельского социума, проанализировать важнейшие показатели, понять реальное положение вещей, оценить полученную информацию в совокупности. Важными аспектами исследования являются половозрастная и возрастная структура, факторы, влияющие на естественное и механическое движение.

В региональной историографии демографической ситуации уделено большое внимание. Немаловажное значение имеют работы В. И. Козлова «Динамика численности народов» (М., 1969) и «Национальности СССР» (М., 1982). В них на основе переписей населения (1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) показана динамика численности мордовского населения как в целом по стране, так и в республике. Численный состав мордвы в 1897–1930 гг. дан в работе В. К. Абрамова «Мордовский народ (1897–1939)» (Саранск, 1996). Этнодемографическая ситуация Мордовии, ее этнический состав, половозрастная структура, развитие демографических процессов в постсоветский период, проанализированы в монографии В. Ф. Разживина и И. В. Широковой «Народы Мордовии: социокультурная динамика (первая четверть XX – начало XXI столетия)» (Саранск, 2007). Этнодемографические проблемы являлись частью исследовательских работ историков, социологов, заинтересованных в получении информации о численности населения как в целом в республике, так и мордовского этноса («Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра», Сыктывкар, 2008).

Однако материалы переписи 2010 г., статистические данные последних лет не ста-

ли предметом всестороннего изучения. В данном случае в работе вводятся в научный оборот новые данные, дается их анализ. В качестве источника широко используются материалы государственной статистики, интернет-ресурсы, полевые материалы, собранные в ряде районов РМ.

Изучение этнодемографических процессов позволяет выявить их социальную значимость, определить влияние рождаемости, смертности, миграции на формирование численности и структуры населения, проанализировать основные проблемы воспроизводства населения, определить истоки, характер и масштабы кризиса демографической сферы, оценить его остроту и вероятные перспективы, возможные социальные последствия.

Методы

Специфика решаемых задач обусловила сочетание различных методов. Для количественной оценки информации использовался статистический метод. Метод сравнительного анализа позволил выявить общее и специфическое в этнодемографических показателях. Сбор эмпирического материала осуществлялся на основе методов полевой этнографии. В ходе исследования мы опирались на проблемно-хронологический метод, что дало возможность рассмотреть ряд вопросов в динамике.

Результаты

Современные процессы глобализации и модернизационной интеграции изменили характер этнических процессов, повлияли на среду обитания этносов, на их ценностные ориентации. Особенностью сегодняшней ситуации является обострение демографического кризиса, выразившееся в сокращении численности титульных этносов. Указанная тенденция характерна для народов Поволжья, в том числе мордвы. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., ее общая численность составляла 1 154 тыс. чел., по материалам Всероссийской переписи 2002 г. – 843 тыс., 2010 г. – 744 тыс. За

период с 1989 по 2010 г. численность мордвы в России сократилась более чем на 35 %, русских – на 24, татар – на 21, чувашей – на 22, удмуртов – на 26, марийцев – на 18 % [8, с. 37–40; 10; 11]. Из приведенных данных видно, что сокращение численности этносов произошло у всех народов Поволжья, но у мордвы эти показатели выше. Аналогичная ситуация и в самой республике. По данным 1989 г., ее численность составляла 313,4 тыс., в 2002 г. – 283,8 тыс. С 2002 г. в республике наметился рост численности мордвы. К 2010 г. она увеличилась на 17,4 % и составила 333,1 тыс. чел. Если в 1989 г. доля мордвы в республике составляла 32,5 %, в 2002 г. – 31,9, то в 2010 г. – 39,9 % [9, с. 5]. Увеличению численности мордвы способствовали не только наметившиеся позитивные тенденции в динамике рождаемости, пока еще незначительные, но и повышение статуса мордовского этноса, как этно- и системообразующего народа. На волне этнического «ренессанса» при наличии межнационального брака стало привлекательным взять национальность титульного этноса. Этому содействовали также широкомащтабные мероприятия в республике, языковая политика, направленные на сохранение этнического потенциала.

Анализ структуры населения в зависимости от национальности показывает, что численность мордвы в районах республики значительно отличается. Мордва-мокша составляет численное большинство в Атюрьевском – 90,2 %, Старошайговском – 59,4, Торбеевском – 62,5, Zubovo-Полянском – 52,1, Ковылкинском – 51,7 % районах. В Темниковском районе на ее долю приходится 45,2 %, в Теньгушевском – 38,9 %. Мордва-эрзя преобладает в Кочкуровском – 92,1 %, Дубенском – 86,4, Большеигнатовском – 83,4, Атяшевском – 84,7, Ардатовском – 57,8, Большеберезниковском – 56,8 % районах. Наименьшее количество мордвы отмечено в Ромодановском и Лямбирском районах, где ее доля со-

ставляет соответственно 16,5 и 17,7 % [9, с. 53–84].

Определяющим фактором демографической ситуации является половозрастная структура, т. е. соотношение населения по полу и возрасту. Большой диспропорции по полу у мордвы не выявляется, процентное соотношение мужчин и женщин довольно стабильно. По данным Всероссийской переписи 2002 г., в целом по стране доля мужчин мордовской национальности составила 45,6 %, женщин – 54,4 %, в 2010 г. зафиксировано схожее процентное соотношение – соответственно 45,5 и 54,5. Аналогичная картина наблюдается и в самой республике. Согласно материалам переписей населения, соотношение мужчин и женщин и в 2002 г., и в 2010 г. составило соответственно 45,1 и 54,9 % [18, с. 15]. Однако в разных возрастных категориях соотношение мужчин и женщин мордовской национальности не одинаково. Особенно эта разница ощущается в группе старшего трудоспособного населения. В 2002 г., в целом по Российской Федерации численность женщин преобладала над численностью мужчин: 35,7 % против 18,7 %, в 2010 г. – соответственно 40,2 и 18,3 %. В других возрастных категориях мужчины численно преобладают над женщинами. В 2002 г. их удельный вес в трудоспособном возрасте составлял 69,3 %, женщин – 55,1 %, в 2010 г. – соответственно 71,7 и 52,1 %. В возрасте, моложе трудоспособного, в 2002 г. мужчин – 12,0 %, женщин – 9,2 %, в 2010 г. – соответственно 10,0 и 7,7 % [5; 6].

Для изучения этнодемографической ситуации представляет актуальность динамика численности детей и молодежи. По данным 2002 г., в целом по стране мордва в возрасте до 30 лет составляла 25 %, в 2010 г. – 24,4 %. Переписью 2010 г. выявлено, что в республике мордва в возрастной категории до 30 лет составляет 34,4 %, из них от 0 до 4 лет – 12,4 %, 5–9 лет – 11,5, 10–14 лет – 12,6, 15–19 лет – 17,5, 20–24 лет – 24,1, 25–29 лет – 21,9 % [9, с. 22].

Анализ возрастной структуры выявил тенденцию к увеличению лиц старшего поколения. Если в 2002 г. численность мордвы старше 50 лет в целом по стране составляла 38,4 % от общего количества мордвы, из них мужчин – 37,5 %, женщин – 62,5 %, то в 2010 г. этот показатель составил 46,0 %, из них мужчин – 39,3 %, женщин – 60,7 %. В Республике Мордовия доля возрастной группы старше 50 лет также увеличилась с 30,7 % в 2002 г. до 35,9 % от общего количества мордвы в 2010 г. [7; 9, с. 22].

Важнейшим показателем этнодемографических процессов является рождаемость. Эволюция уровня рождаемости в немалой степени связана с проводимыми социальными и экономическими преобразованиями 90-х гг. XX в. – начала XXI в. За эти годы «репродуктивная функция» общества снизилась до низшей точки. Коэффициент рождаемости «упал» до уровня простейшего замещения поколений. Низкая рождаемость на территории Мордовии стала «хронической» [15, с. 46–47]. Так, число детей, родившихся в 1990 г. в сельской местности Мордовии, по сравнению с 1985 г. снизилось на 1 430 чел., что составляет 22,3 %, с 1990 по 2005 г. – на 2 261 чел. или 45,4 % [3, с. 5]. Если сравнить суммарный коэффициент рождаемости в регионах ПФО, то по данным Росстата, в 2015 г. число родившихся детей на одну женщину в Республике Мордовия составило 1,360; в Марий Эл – 1,993; в Татарстане – 1,863; в Удмуртии – 2,006; в Чувашии – 1,909; в Башкортостане – 1,939. В масштабе страны этот суммарный коэффициент не превышает 1,8 [19, с. 12]. Избежать демографическую яму можно при условии, если женщина будет рожать в среднем 2,2 ребенка. Следует отметить, что проблема снижения рождаемости, депопуляции носит глобальный характер. Первыми с ней столкнулись развитые страны. В поисках причин такой ситуации разрабатывались различные концепции. Ряд ученых делали опору на зависимость рождаемости от уровня эконо-

мической жизни, материальных ресурсов. Изменения репродуктивного поведения связывают с уменьшением экономической отдачи от детей вместе с ростом затрат на их воспитание. Причины снижения рождаемости объясняют и влиянием западного образа жизни с присущими ему новыми ценностями, стереотипами поведения, ориентацией на внесемейную мораль. Сегодняшний человек живет в новом пространстве открытых границ и находится под воздействием мощных потоков информации, что определяет глубинные изменения его восприятия, сознания, мышления, жизненных и этнических ценностей. Различные каналы средств массовой информации внедряют равнодушные к созданию семьи, отказ от детей ради карьерного роста, личной свободы и независимости. Собранные полевые материалы в Атюрьевском, Большеберезниковском, Атяшевском, Дубенском районах показывают, что в сельской среде пока семья сохраняет свой статус. В тоже время среди молодежи наметилась определенная тенденция, при которой в шкале ценностных ориентаций приоритетами становятся личные потребности, свобода и независимость, жизнь в свое удовольствие. Дети рассматриваются как определенная преграда. Для достижения своей цели 9 из 10 респондентов решаются завести одного ребенка при условии хорошего материального благосостояния и обеспеченности. Следовательно, рождение детей отодвигается на более поздний срок. Идеальным возрастным периодом для рождения ребенка считается возрастной промежуток 30–34 года. Это может привести к ситуации, когда поколение детей меньше поколения родителей.

Процесс перенимания западного образа жизни оказывает влияние на институт брака. Юридический брак фактически утрачивает монополию на легитимизацию партнерских отношений. Общество вынуждено признать ранее осуждавшееся сожительство, превращая брак в свободное партнерство, что снижает

побудительные мотивы к высокой рождаемости. Такое отношение к браку получает распространение и в сельской среде. В беседах с информаторами порой звучала мысль, что современные дети живут сами по себе, редко навещают родителей: прерывается связь поколений. В селах чаще помощь оказывают соседи, односельчане. В связи с этим исчезают побудительные мотивы к рождению детей.

Следует отметить, что в Республике Мордовия предпринимаются определенные шаги для решения демографической проблемы. Существует 14 видов выплат и пособий для поддержки многодетных и молодых семей. Стимулированию рождаемости способствуют созданные в ряде районов на базе лечебных учреждений кризисные центры, кабинеты медико-социальной помощи, работающие с женщинами, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. На решение некоторых беременных женщин сохранить ребенка оказывает влияние активная деятельность представителей православного и мусульманского духовенства. Республиканская социальная политика направлена не только на оказание экономической помощи, но и на повышение статуса семьи, материнства, детей. С 2001 г. стал отмечаться День матери, учреждены Почетные Дипломы многодетной матери 1-й, 2-й и 3-й степени за вклад в возрождение и развитие лучших семейных традиций.

В настоящее время общие показатели рождаемости в республике нестабильны. В 2007 г. в сельской местности Мордовии за год родились 2 963 ребенка, что превысило показатели 2005 г. на 9,1 % [1]. За 2014 г. зарегистрированы 8 182 новорожденных, что на 0,9 % меньше, чем за 2013 г., в 2016 г. число новорожденных увеличилось на 111 чел. по сравнению с 2015 г. Из общего числа младенцев 45,5 % родились первыми, 42,3 – вторыми, третьими и более – 12,2 %. В ряде районов (Зубово-Полянском, Кочкуровском, Теньгушевском) из общего числа родившихся вторыми по счету родилось больше, чем первыми [16]. В 2016 г. в Мор-

дови на свет появилось 12 008 детей, из них 39,2 % родились первыми, 45,7 – вторыми, 15,1 % – третьими и более [19, с. 12].

Показатели рождаемости по районам отличаются. В ряде районов с преобладающим мордовским населением отмечается тенденция к росту рождаемости. Например, в Темниковском районе за период с 2011 по 2013 г. рождаемость выросла со 116 до 151 чел., т. е. на 30 %; в Дубенском районе со 113 до 134 чел. – на 12,6 %; в Торбеевском – со 175 до 187 чел. – на 6,8 %. В большинстве районов республики показатели рождаемости нестабильны. Так, в Атяшевском районе за 2010 г. родились 188 чел., в 2011 г. – 190 чел., в 2012 г. количество родившихся также увеличилось и составило 211 чел., в 2013 г. отмечается сокращение – 177 чел. В Старошайговском районе, наоборот, сначала наблюдалась тенденция к снижению числа родившихся: в 2010 г. – 146 чел., в 2011 г. – 123, в 2012 г. – 103, в 2013 г. – рост до 136 чел. В Атюрьевском районе наблюдается снижение рождаемости со 120 чел. в 2010 г. до 71 чел. в 2013 г., т. е. на 40,8 % [16].

Оценивая демографические показатели, следует отметить негативное влияние на них уровня смертности. Если до конца XX в. происходил естественный прирост населения, то начиная с 2000 г. в республике смертность превалирует над показателями рождаемости. В 1980 г. прирост населения составлял 4 033 чел., в 1990 г. – 1 892 чел. Но уже в 2000 г. смертность начинает увеличиваться: родились 7 148 чел., а умерли 14 838 чел., естественная убыль составила 7 690 чел., в 2010 г. – 5132 чел., в 2015 г. – 3 528 чел., в 2016 г. родились 7 975 чел., умерли 11 367 чел., т. е. естественная убыль составила 3 392 чел. [19, с. 12]. Смертность в целом по республике составляет 14,3 умерших на 1000 чел. населения и в 1,4 раза превышает рождаемость. По районам республики наибольшее превышение смертности над рождаемостью отмечено в Темниковском (в 3,3 раза) и Большеберезниковском (в 3,0 раза) районах [1].

Характерной чертой демографической ситуации является более высокая смертность трудоспособного населения, проживающего в сельской местности. За 2014 г. общий коэффициент смертности на селе на 42,5 % выше, чем в городе [13]. Общий показатель естественной убыли населения в сельской местности более чем в 2,5 раза превышает показатель естественной убыли в городской местности [13].

Анализ данных всероссийских переписей, статистических материалов показывает усиление процессов урбанизации, стремительное увеличение числа городского населения. В 1989 г. доля городского населения составляла 56,2 %, сельского – 43,8 %, в 2002 г. – соответственно 59,8 и 40,2, в 2010 г. – 60,4 и 39,6 %. Наиболее урбанизированными являются Инсарский, Кадошкинский, Рузаевский, Чамзинский районы [18, с. 7].

Процессы урбанизации продолжают и в настоящее время. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия, только с января по октябрь 2014 г. численность городского населения республики увеличилась на 2 231 чел. (0,45 %) [12].

Негативное влияние на всю дальнейшую демографическую ситуацию оказывает миграционный отток мордовского сельского населения, что приводит к опустению малых городов и сел. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Республике Мордовия насчитывается 1 250 сельских населенных пунктов, из них в 47,3 % проживает не более 100 жителей, в 12,5 – 101–200 чел., в 22,2 – 201–500, в 8,9 – 501–1000, в 3,9 – 1001–5000 чел., в 0,3 % – более 5 000 чел., в 4,9 % населенных пунктов населения нет [18, с. 24].

Собранные полевые материалы показывают, что в мордовских селах доля трудоспособного населения составляет от 2 до 7 %. Если первая волна миграционных процессов характеризовалась оттоком трудоспособного, прежде всего мужского на-

селения, при этом дети оставались на попечении старшего поколения, то в последние 5 лет мигранты переселяются целыми семьями, что приводит к разрыву преемственности. Интегрируясь в урбанизированное пространство больших городов, сельские жители, особенно молодого возраста, не стремятся возвращаться из городской местности в села, забывают этнические корни, обычаи и традиции своего народа.

Отток трудоспособного населения негативно сказывается на состоянии инфраструктуры: школ, больниц, культурно-досуговых учреждений. Так, на начало 2013–2014 учебного года в Атяшевском, Ардатовском, Дубенском, Ичалковском, Ковылкинском, Теньгушевском районах Мордовии были ликвидированы 11 школ [2]. Как правило, под сокращение попадают сельские школы. Около 60 % общеобразовательных учреждений республики являются малокомплектными.

Важнейшими факторами и мотивами миграций респонденты назвали отсутствие работы, достойной заработной платы, слабую инфраструктуру села, закрытие общеобразовательных и медицинских учреждений, центров культурного досуга. В то же время социально-бытовые условия жизни на селе оцениваются положительно. Фактически в большинстве своем сельские поселения газифицированы, в них доступно цифровое телевидение, есть водопровод, проведены дороги. По мнению многих информаторов, если бы была работа, хорошие материальное обеспечение, то многие предпочли бы сельскую жизнь.

На этнодемографические показатели существенное влияние оказывают интеграционные и ассимиляционные процессы. О характере ассимиляционных процессов, ослаблении этнических показателей наглядно свидетельствует отказ от родных языков. Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., мордовский язык в качестве родного языка считали 67,1 % мордвы, в 2002 г. – 67,3 %, в 2010 г. – 59 %. Языковая

ситуация других финно-угорских народов также является тревожной. Удмуртский язык в качестве родного назвали 69,6 % удмуртов в 1989 г., 67,4 – в 2002 г., 62,1 % – в 2010 г. У марийцев данный показатель также снижается с 80,8 %, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., до 76,8 % в 2002 г. и до 70,6 % в 2010 г. [14, с. 186–187].

Анализ статистических данных, материалов переписей свидетельствует об позитивных изменениях в образовательном уровне. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в возрасте 15 лет и более по сравнению с 2002 г. увеличилось количество мордвы, имеющей высшее образование, – с 23,6 до 32,0 %, с неполным высшем образованием – с 4,2 до 6,3, со средним образованием – с 41,9 до 48,2 %. Число неграмотных снизилось с 2,2 до 0,7 %. Уровень образования городских жителей выше, чем у сельских. В 2002 г. профессиональное образование имели 62,6 % мордвы городской местности, 45,3 % – сельской, в 2010 г. – соответственно 68,3 и 49,5 % [5; 7]. Изменения в уровне образования связаны с вхождением в возрастную группу 15 лет и более многочисленного поколения родившихся в 80-х гг. XX в., большая часть которого продолжала повышать свой образовательный уровень.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в расчете на 1000 чел. мордовской национальности 186 чел. имеют высшее образование, в 2002 г. этот показатель составлял 132 чел., в 1989 г. – 76, среднее профессиональное образование – 280 чел., в 2002 и 1989 гг. – соответственно 218 и 220. Если сравнивать уровень образования мордвы с другими наиболее многочисленными этносами республики, можно отметить, что у русских данные показатели выше: из расчета на 1000 чел., 229 имеют высшее образование, 308 – среднее профессиональное. У татар показатели ниже, чем у мордвы и русских: соответственно 152 и 234 чел. из расчета на 1 000 чел. [9, с. 16].

Изложенный материал показывает сокращение качественных и количественных параметров мордовского сельского населения. Последствия этой ситуации негативно отражаются на всей системе жизнеобеспечения сельского социума.

Обсуждение

Анализ демографической ситуации показал, что социально-экономические преобразования в стране в наибольшей степени отразились на сельском населении. В своей массе оно находится в дезориентации и дезорганизации. На общем фоне сокращения численности мордвы динамика сельского населения находится в более худшем положении. Показатели рождаемости, смертности и естественного прироста мордвы ниже, чем у удмуртов, марийцев, татар, чувашей, что не обеспечивает даже простого воспроизводства. Сложная демографическая ситуация оказывает негативное влияние как на естественное движение населения, так и на решение социально-экономических вопросов. Увеличение численности родившихся детей в последние годы не может служить показателем улучшения демографического положения, поскольку смертность продолжает превалировать.

Собранные полевые материалы выявили изменение ценностных ориентаций в отношении семьи, брака, детей, что негативно влияет на демографические показатели. Значение сельского социума как одного из главных ресурсов поддержания и сохранения этничности значительно уменьшилось.

Важнейшими факторами, влияющими на состояние динамики численности мордовского населения, являются урбанизационные и миграционные процессы. Очевидно, что миграционный поток может усилиться, если не будут созданы условия для социально-экономического развития села, в том числе для успешного функционирования семьи.

Изложенные материалы показывают, что демографическая ситуация в мордовской сельской среде вызывает серьезную тревогу и сохраняет актуальность.

Заключение

Таким образом, современное этнодемографическое состояние мордовского сельского населения характеризуется отрицательной динамикой. Существенное влияние на демографические показатели оказывают как объективные, так и субъективные факторы. До конца 90-х гг. XX в. сельское население развивалось более динамично. Наивысший показатель сокращения сельского социума приходился на последнее десятилетие XXI в. На сокращение естественного прироста оказывает влияние усиление миграционной подвижности не только молодежи, но и трудоспособного населения. Сравнительный материал показал, что среди регионов ПФО Мордовия имеет самый низкий суммарный коэффициент рождаемости. Сокращение рождаемости связано не только с экономическими проблемами, но и с распространением новых семейных ценностей. Результаты анализа показывают и наметившиеся позитивные тенденции, связанные с улучшением социальной политики в республике.

Библиографический список

1. *Беляева Н. Ф., Катаев О. М.* Место молодежи в социальной структуре Республики Мордовия в начале XXI в. // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 2. – С. 82–87.
2. *Беляева Н. Ф.* Использование воспитательного потенциала народных традиций мордвы в формировании здорового образа жизни: в контексте профилактики наркомании и алкоголизма // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – № 2 (14). – С. 110–114.
3. Демографическая ситуация в регионах Приволжского федерального округа [Электронный ресурс] / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия. Саранск, 1999–2016. – URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population/ (дата обращения: 30.01.2015).

4. *Зотикова В. К.* 1 сентября в Мордовии закроют еще 11 школ [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2013. – 19 августа. – URL: <http://www.rg.ru/2013/08/19/regpfo/shkola.html> (дата обращения: 11.09.2016).
5. Мордовии 70 лет : юбил. стат. сб. / Гос. ком. РМ по статистике. – Саранск, 1999. С. 28–29.
6. Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2010 г. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.01.2014)
7. Население наиболее многочисленных национальностей по уровню образования по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2010 г. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 05.02.2015).
8. Население отдельных национальностей по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2002 г. – URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_07.xls (дата обращения: 29.01.2014).
9. Население отдельных национальностей по уровню образования по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2002 г. – URL: <http://www.perepis2002.ru/searchresult.html> (дата обращения: 05.02.2015).
10. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. – М. : Финансы и статистика, 1990. – 45 с.
11. Национальный состав населения Республики Мордовия, владение языками и гражданство (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года) : стат. сб. – Саранск : Мордовиястат, 2013. – 99 с.
12. Национальный состав населения [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2002 г. – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 31.01.2015).
13. Национальный состав и владение языками, гражданство // Всероссийская перепись населения 2010 г. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 31.01.2015).
14. Оценка численности населения Республики Мордовия на 1 ноября 2014 г. [Электронный ресурс] / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия. – URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population/ (дата обращения: 11.01.2015).
15. Смертность населения в трудоспособном возрасте [Электронный ресурс] / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия. – URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population/ (дата обращения: 27.02.2015).
16. Сородичи по языку / гл. ред. Дёрдь Нановски. – Будапешт : Фонд им. Ласло Телеки, 2000. – 602 с.
17. *Разживин В. Ф.* Демографическая политика и демографические процессы в Мордовии // Социально-демографические проблемы Поволжья в этническом измерении : материалы Всерос. науч. конф., г. Саранск, 22–23 мая 2007 г. / МГУ им. Н. П. Огарева ; [отв. ред. проф. Н. М. Арсентьев]. – Саранск : Изд. центр Историко-социол. ин-та им. МГУ им. Н. П. Огарева, 2007. – С. 34–69.
18. *Разживин В. Ф., Широкова И. В.* Народ Мордовии: социокультурная динамика: (первая четверть XX – начало XXI столетия) : моногр. / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2007. – 288 с.
19. Уроки рождения // Столица С. – 2017. – 21 февр. – С. 12–13.
20. Число родившихся по территориям республики [Электронный ресурс] / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия – URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population/ (дата обращения: 30.01.2015).
21. Численность и размещение населения Республики Мордовия (по итогам переписей населения) : стат. сб. – Саранск: Мордовиястат, 2012. – 77 с.
22. Число умерших [Электронный ресурс] / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия : сайт. – URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population/ (дата обращения: 30.01.2015).

References

1. Belyaeva N. F., Kataev O. M. Mesto molodezi v social'noi structure Respubliki Mordoviya v nachale XXI v. (Place of the Youth in the Social Structure of the Republic of Mordovia in the Beginning of XXI century), *Humanities and Education*. 2011. No. 2. P. 82–87. (In Russian)
2. Belyaeva N. F. Ispol'zovanie vospitatel'nogo potenciala narodnykh traditsij mordvy v formirovanii zdorovogo obraza zhizni: v kontekste profilaktiki narkomanii i alkoholizma (The Use of Educational Potential of the Mordva Folk Tradition in the Healthy Lifestyle Formation: in the Context of Prevention of Drug Addiction and Alcoholism). *Humanities and Education*. 2013. No. 2 (14). P. 110–114. (In Russian)
3. Demograficheskaya situatsiya v regionah Privolzhskogo federal'nogo okruga (The Demographic Situation in the Regions of Volga Federal District). Saransk, 1999–2016. URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population/ (data obrashcheniya: 30.10.2015). (in Russian). (In Russian)
4. Zotikova V. K. 1 sentyabrya v Mordovii zakroyut eshche 11 shkol (By the 1st of September 11 Schools Will Be Closed in Mordovia). *Rossiyskaya gazeta*. 2013. 9 August. URL : <http://www.rg.ru/2013/08/19/reg-pfo/shkola.html>. (data obrashcheniya: 11.09.2016). (In Russian)
5. Mordovii 70 let: yubil. stat. sb. Saransk, 1999. P. 28–29. (In Russian)
6. Naselenie naibolee mnogochislennykh nacional'nostej po vozrastnym gruppam i polu po sub'ektam Rossijskoj Federacii (The Population of the Most Numerous Nationalities by Age Groups and Sex in the Regions of the Russian Federation). Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 g. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (data obrashcheniya: 29.01.2014). (In Russian)
7. Naselenie naibolee mnogochislennykh nacional'nostej po urovnyu obrazovaniya po sub'ektam Rossijskoj Federacii (The Population of the Most Numerous Nationalities According to the Level of Education in the Regions of the Russian Federation). Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 g. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm/ (data obrashcheniya: 05.02.2015). (In Russian)
8. Naselenie otdel'nykh nacional'nostej po vozrastnym gruppam i polu po sub'ektam Rossijskoj Federacii (The Population of the Separate Nationalities According to Age and Sex Groups in the Regions of the Russian Federation) [Elektronnyj resurs]. Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 g. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_07.xls (data obrashcheniya: 29.01.2014). (In Russian)
9. Naselenie otdel'nykh nacional'nostej po urovnyu obrazovaniya po sub'ektam Rossijskoj Federacii (The Population of Individual Nationalities According to the Level of Education in the Regions of the Russian Federation). Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 g. URL: <http://www.perepis2002.ru/searchresult.html> (data obrashcheniya: 05.02.2015). (In Russian)
10. Naselenie SSSR: po dannym Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989 g. (The Population of the USSR: According to the Information of the All-Union Population Census 1989). Moskva, 1990, 45 p. (In Russian)
11. Nacional'nyj sostav naseleniya Respubliki Mordoviya, vladenie yazykami i grazhdanstvo (po itogam Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda): stat. sb. (National Composition of the Population of the Republic Mordovia, Knowing the Language and Citizenship (According to the Results of Russian Population Census 2010). Stat. collection). Saransk, 2013, 99 p. (In Russian)
12. Nacional'nyj sostav naseleniya (National Composition of the Population), Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 g. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (data obrashcheniya: 31.01.2015). (In Russian)
13. Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo (National Composition and Knowing the Language, Citizenship), Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 g. 2010. [Electronic resource] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (data obrashcheniya: 31.01.2015). (In Russian)
14. Ocenka chislennosti naseleniya Respubliki Mordoviya na 1 noyabrya 2014 g. (Population Estimate of the Republic Mordovia on the 1st), November 2014. URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population/ (data obrashcheniya: 11.01.2015). (In Russian)
15. Smertnost' naseleniya v trudospobnom vozraste (The Mortality Rate of the Population of Working Age). URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population/ (data obrashcheniya: 27.02.2015). (In Russian)

16. Sorodichi po yazyku (Language Relatives). Ch. ed. Dyord Nanovsky. Budapesht, Fond im. Laszlo Teleki, 2000, 602 p. (In Russian)
17. *Razzhivin V. F.* Demograficheskaya politika i demograficheskie processy v Mordovii (Population Policy and Demographic Processes in the Republic of Mordovia). Social'no-demograficheskie problemy Povolzh'ya v etnicheskom izmerenii. Saransk, 2007, P. 34–69. (In Russian)
18. *Razzhivin V. F., Shirokova I. V.* Narod Mordovii: sociokul'turnaya dinamika: (pervaya chetvert' XX – nachalo XXI stoletiya) (The People of Mordovia Republic: Socio-Cultural Dynamics: (the First Quarter of XX – Beginning of XXI century)): monograf. Saransk, 2007. 288 p. (In Russian)
19. Uroki rozhdeniya (The Lessons of Birth). Stolitsa S. No. 08 (1270). 21 Febrary. 2017. P. 12–13. (In Russian)
20. Chislo rodivshihya po territoriyam respubliki (The Number of Births in the Territories of the Republic) [Elektronnyj resurs]. URL: [http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population/\(data obrashcheniya: 30.01.2015\)](http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population/(data+obrashcheniya:30.01.2015)). (In Russian)
21. Chislennost' i razmeshchenie naseleniya Respubliki Mordoviya (po itogam perepisej naseleniya) (The Number and Distribution of the Population of the Republic Mordovia (According to Results of Population Censuses)). Stat. sb. Saransk, 2012. 77 p. (In Russian)
22. Chislo umershih (The Number of Deaths). URL: [http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population/\(data obrashcheniya: 30.01.2015\)](http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population/(data+obrashcheniya:30.01.2015)). (In Russian)

Поступила в редакцию 2 июня 2017 г.

Сведения об авторе

Беляева Надежда Федоровна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева. Сфера научных интересов: этнопедагогика, празднично-обрядовая культура, брачно-семейные отношения. Автор более 100 научных и учебно-методических материалов. ORCID [http://orcid/ org 0000-0002-7716-7541](http://orcid.org/0000-0002-7716-7541).

Тел.: 8(927)275-02-99

E-mail: belyaevanadezdafeodorovna@mail.ru

About the author

Belyaeva Nadezhda Fedorovna – doctor of historical sciences, professor department of general history of Evseviev Mordovian State Pedagogical Institute. Research interests: ethno-pedagogy, festive-ritual culture, marriage and family relations. The author of more than 100 scientific and educational materials. ORCID [http://orcid/ org 0000-0002-7716-7541](http://orcid.org/0000-0002-7716-7541).

Тел.: 8(927)275-02-99

E-mail: belyaevanadezdafeodorovna@mail.ru

УДК 177.3

Н. В. Жадунова¹, Е. А. Коваль²

¹ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», Саранск, Россия, e-mail: zhadunovan@mail.ru

²Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Саранск, Россия, e-mail: nwifesc@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА: ЗАГРЯЗНЕНИЕ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Актуальность исследования обусловлена тем, что комфортная информационная среда во многом определяет духовное, нравственное и телесное благополучие личности и общества. Однако сегодня на уровне возникновения и управления информационными потоками, обусловленными социальными и политическими процессами, идет «война всех против всех» (*Bellum omnium contra omnes*). Проблема заключается в том, что такая война не всегда обусловлена идеологическими предпосылками, особенно в ситуации, когда речь идет не о государствах или должностных лицах, а об отдельных личностях, не наделенных какими-либо полномочиями. Характер и последствия информационного воздействия в данном случае практически не поддаются системному контролю, поскольку в условиях доступности и открытости интернет-пространства оценивание, а следственно, искажение и «загрязнение» информации происходит уже на этапе передачи от коммуниканта к коммуниканту путем увеличения объема информации, неограниченного ее копирования. Такое увеличение обусловлено беспрецедентным расширением сферы публичности, когда каждый человек в независимости от социального статуса, профессиональных компетенций, ценностных установок имеет возможность создавать и транслировать любую информацию в публичном пространстве и при этом не нести ответственности за последствия своей деятельности.

Целью данного исследования является изучение причин, условий, последствий загрязнения информационной среды, в которой существует современный человек. Основные методы исследования – сравнительный анализ и теоретическое обобщение.

В процессе достижения цели получены результаты и сделаны ключевые выводы: информационное загрязнение среды обитания современного человека приводит к его интеллектуальной и культурной деградации, повышению градуса агрессии в обществе, отказу от нравственных ограничений и в итоге к социальной разобщенности. Информационное загрязнение препятствует формированию «хорошего общества», которое представляет собой достижимый нормативный идеал.

© Жадунова Н. В., Коваль Е. А., 2017

Ключевые слова: информационное загрязнение, информационная война, «хорошее общество», нравственные ограничения, принцип невреждения, принцип предосторожности, информационный императив.

Для цитирования: Жадунова Н. В., Коваль Е. А. Информационная война: загрязнение среды обитания современного человека // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2017. – № 3. – С. 44–54.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (15-03-00414).

Natalia V. Zhadunova¹, Ekaterina A. Koval²

¹Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: zhadunovan@mail.ru

²of Middle-Volga Institute (branch) of Russian State University of Justice (MOJ Russia RPA), Saransk, Russia, e-mail: nwifesc@yandex.ru

INFORMATION WAR: ENVIRONMENTAL POLLUTION OF MODERN MAN

The relevance of the study is due to the fact that a convenient information environment largely determines the spiritual, moral and physical well-being of person and society. However, there is a “bellum omnium contra omnes” at the level of occurrence and management of information streams, which are caused by social and political processes. The problem is that such war is not always caused by ideological preconditions, especially in a situation where subjects of the war aren't state or officials, but citizens who had no any authority. The nature and consequences of the informational interaction in this case are beyond the systematic control. In terms of the ease and openness of the Internet space, evaluation, and consequently, falsifying and «pollution» of information takes place at the stage of transmission from subject to subject, and the volume of information is increases. This increase is due to the unprecedented expansion of the public sphere, where every person, regardless of social status, professional competencies, values, have the ability to create and transmit any information in a public space and does not be responsible for the consequences of their actions.

The goal of this study is to investigate the causes, conditions, consequences of pollution of the information environment in which there is a modern man. The main research methods are comparative analysis and theoretical generalization.

In the process of achieving the goal, the following results and key conclusions were obtained: information pollution of the environment of modern man leads to intellectual and cultural degradation of man, to raise a degree of aggression in society, to rejection of moral constraints and, In the end, to social exclusion. Information pollution prevents the formation of «good society», which is a normative achievable ideal.

Keywords: information pollution, information war, «the good society», moral constraints, the principle of non-harming, precautionary principle, information imperative

For citation : Zhadunova Natalia V., Koval Ekaterina A. Information war: environmental pollution of modern man. Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Humanitarian : actual problems of the humanities and education. 2017. No. 3. P. 44–54.

Acknowledgements: The work was supported by grant RNF (№ 15-03-00414)

Введение

Человек не существует вне информационной среды. В некотором смысле человек и сам является совокупностью информационных данных. Сегодня в научной и научно-популярной литературе можно встретить суждения о том, что современный человек живет в информационном пространстве. Однако такого рода суждения не совсем корректны, поскольку не только современный, но и, например, средневековый или античный человек также существовали и функционировали в информационной среде. Изменяются содержание, форма данной среды, мощности информационных потоков, уровень информационного загрязнения, но, в любом случае, человеческая жизнь всегда имеет измерение в информационной картине мира, а в современных условиях оно осложнено тотальной информационной войной, которая ведется всеми против всех, порождая постоянное информационное загрязнение.

В связи с этим актуальным представляется исследование проблемы информационной войны, являющейся одновременно причиной и следствием загрязнения информационной среды, разрушающей привычную систему ценностей.

Целью исследования является анализ информационного загрязнения среды обитания современного человека, приводящего к интеллектуальной и моральной деградации человека, повышению градуса агрессии в обществе, провоцированию информационной войны, отказу от нравственных ограничений и в итоге к социальной разобщенности.

Изучение существующей по обозначенной проблеме литературы позволяет сделать обобщения, заключающиеся в признании современными зарубежными и отечественными исследователями актуализации вопросов, связанных с трансформацией феномена информационной войны, стимулирующей благодаря развитию ин-

формационно-коммуникационных технологий информационное загрязнение среды обитания человека.

Л. А. Пронина под информационной средой обитания понимает «...часть информационного пространства, ближайшее внешнее по отношению к индивиду информационное окружение, совокупность условий, в которых непосредственно протекает его деятельность» [11]. Исходя из данного определения, качество информационной среды обитания в существенной степени определяет качество человеческой жизни. От того, насколько комфортна информационная среда, зависит духовное, нравственное и телесное благополучие личности и общества.

Специфика информационной среды обитания современного человека, на наш взгляд, определяется такими факторами, как интенсивность информационных потоков и степень загрязнения среды путем увеличения объема информации и неограниченного ее копирования.

Интенсивность информационных потоков отражает объем информации и скорость ее получения и обработки. Современный человек получает и обрабатывает колоссальные объемы информации с большой скоростью. Это позволяет нам воспринимать мир как «глобальную деревню» (термин М. Маклюэна) [8], интеллектуально совершенствоваться, творчески развиваться. Однако не любая информация, поступающая к человеку, является для него полезной или адиафоричной. Вместе с необходимой и нужной информацией мы перерабатываем потоки «информационной грязи».

Понятие «информационное загрязнение» широко используется в текстах научного и научно-публицистического характера, однако ему даются весьма разнообразные определения. Так, И. И. Мазур, О. И. Молдаванов полагают, что информационное загрязнение – это «любая информация, прямо или косвенно противоречащая положениям

природного законодательства; информация, наносящая ущерб природе и рациональному природопользованию» [7, с. 441]. Согласно С. А. Дружилову, это «поток дисгармоничной, хаотической, разрушительной информации, воздействующий на человека, преимущественно, через его зрение и слух» [4, с. 89]. Я. Нельсен называет информационное загрязнение мировым злом [15], Л. Орман считает «загрязненной» неполную, неадекватную, бесцельную информацию [16].

Таким образом, можно предположить, что концептуальное наполнение понятия «информационное загрязнение» позволяет говорить о наличии широкого и узкого смыслов. В широком смысле информационное загрязнение – это любая «лишняя» информация, бесполезная для человека и оказывающая на него негативное влияние. В узком смысле под информационным загрязнением понимается вредная, неадекватная информация, касающаяся взаимоотношений человека и природы. На наш взгляд, данное понятие в силу широкого распространения должно быть отрелексировано на философском уровне.

Методы

Исходя из результатов исследования существующих источников в качестве основных методов изучения заявленной проблематики нами выбраны методы сравнительного анализа и теоретического обобщения. Данный выбор обусловлен необходимостью комплексного изучения феноменов информационной войны и информационного загрязнения, оказывающих разрушительное влияние на жизнь современного человека.

Если попытаться проанализировать явление, которое обозначает понятие «информационное загрязнение», с этической точки зрения, то можно предположить, что «загрязненной» информацией является та, которая существует вне нормативного морального пространства. Поскольку крайне

сложно описать границы моральной нормы, трудноразрешимую проблему представляет собой и выявление критериев, позволяющих однозначным образом классифицировать информацию на «загрязненную» и «незагрязненную». Однако в ряде случаев осуществление подобной дифференциации не составляет труда. Например, дискриминация личности по половому, религиозному или национальному признаку, безусловно, представляет собой информационное загрязнение. Декалог, «золотое правило морали», принцип «не навреди» и т. п. – примеры «чистой» информации, так же, как и непредвзятое, не оценочное изложение фактов, адифоричные суждения.

Результаты

Информационное загрязнение сегодня в силу своей масштабности представляет не меньшую угрозу для человечества, чем ядерная война, голод или глобальное потепление. Все большее число людей получает возможность передачи различной информации массовой аудитории. В Интернете функционируют социальные сети, создаются электронные СМИ, авторами в которых могут быть не только профессиональные журналисты, но и любые пользователи, поскольку существуют функции оставления комментариев, «лайков» и «репостов». Если первоначальное сообщение построено на идее разобщенности (противопоставление «своих» и «чужих»), содержит агрессивную лексику, эмоциональную безапелляционную оценку какого-либо социального явления, личности или сообщества, то с большой долей вероятности появятся ответные «выстрелы» в форме комментариев, не менее агрессивных, чем первоначальное сообщение, к тому же способных увести дискуссию в форме комментариев далеко от первоначальной темы. Таким образом, информация все больше загрязняется при передаче от коммуниканта к коммуниканту.

Отметим, что конфронтации в информационной среде неизбежны: это неотъ-

емлемая составляющая свободы слова. Неизбежны и загрязнения информационной среды, поскольку люди – это не сообщество ангелов, мы загрязняем любую среду, в которой живем: природную, культурную, информационную. Однако современные информационно-коммуникационные технологии, часто используемые без каких-либо нравственных ограничений со стороны пользователей, являются технологическим базисом для ведения информационной войны всех против всех. Любое мнение может быть высказано и соответственно прокомментировано всеми желающими. Однако, на наш взгляд, формы высказываний должны быть определены нормативно. От того, в какой форме подается информация, зависят последствия: состоится содержательная, конструктивная дискуссия или же «информационная перестрелка», которая увеличит масштаб загрязнения информационной среды обитания личности. Ярким примером информационного загрязнения в интернет-пространствах является использование коммуникантами в отношении друг друга таких уничижительных наименований, как «укры», «колорады», «православнущие», «пмг», «либерасты», «майдауны», «крыссияне», «ватники» и т. п. Такого рода наименования подхватываются в информационной среде с энтузиазмом и успешно распространяются, тиражируются, становятся словарными. Последствия таких информационных загрязнений заключаются в том, что в представлении человека формируются определенные ментальные рамки (frameworks), которые, во-первых, складываются в привычку восприятия себя и других через идеологизированные оскорбительные клише; во-вторых, приводят к «этической слепоте» (ethical blindness).

«Этическую слепоту» Гвидо Палаццо и Ульрих Хоффрейдж определяют как такое личностное состояние, когда человек не может выйти за пределы ментальных рамок и принимает решение вопреки своим нрав-

ственным убеждениям [17]. «Этическая слепота» – нравственное заболевание, возникающее в результате поглощения и распространения загрязненной информации. В профилактических целях необходимо осуществлять деятельность в информационной среде с учетом индивидуальных нравственных ограничений.

На наш взгляд, основными нравственными ограничениями, препятствующими информационному загрязнению, являются принципы невреждения и предосторожности, «золотое правило» и информационный императив.

Принцип невреждения активно анализируется не только в нормативной этике, но и в прикладных и профессиональных этиках. «Не навреди» – нравственный императив, известный человечеству с древности, но не теряющий своей актуальности. В информационной среде обитания данный принцип преломляется сквозь призму психологических особенностей восприятия информации личностью. Если есть основания полагать, что сообщение обидит, унизит, спровоцирует агрессию личности или группы людей, то, согласно принципу невреждения, следует воздержаться от создания и трансляции такого сообщения. Это ограничение не позволяет причинять сознательное зло человеку, как, впрочем, и самой информационной среде. Более того, принцип невреждения запрещает отвечать на «загрязненные» сообщения, препятствуя эскалации насилия. Это особенно актуально в интернет-пространстве, где осуществляется профессиональный троллинг, под которым можно понимать деятельность по созданию и распространению провокативного, идеологически ангажированного контента за деньги [13]. Помимо профессиональных активно загрязняют среду и тролли-энтузиасты, однако задача и у «платных», и у «бесплатных» троллей одна: загрязнение информационной среды, повышение градуса агрессии в обществе, прово-

кация, формирование условий для социальной разобщенности. Такая деятельность не ограничивается принципом «не навреди», но, напротив, ориентирована на причинение информационного вреда, следовательно, она осуществляется за пределами моральной нормативности.

Принцип предосторожности на этом фоне приобретает важное значение как система внутреннего противодействия информационному загрязнению (изначально принцип рассматривался применительно к экологической этике) [2], т. е. разграничение информационных потоков, их детальное оценивание и ответственное решение о трансляции той или иной информации с четким осознанием последствий.

Содержание принципа предосторожности относительно экологической проблематики заключается в следующем: «решение неотложных судьбоносных проблем не может зависеть от достаточности знаний относительно природы волнующих нас событий, а при недостатке информации должно ориентироваться на худший из возможных сценариев, предложенных специалистами» [9, с. 7].

Применительно к этическим проблемам, возникающим в информационной войне, принцип предосторожности имеет явную практическую направленность и разворачивается в ситуации неопределенности последствий, наносимого ущерба и необходимости срочного реагирования на информационные «вбросы» и может быть сформулирован следующим образом: «решение неотложных, судьбоносных проблем не может зависеть от кажущейся достоверности источника информации, а при недостатке исходной информации должно ориентироваться на худший из возможных сценариев последствий принятия решения на основе полученных данных» [5, с. 80].

Однако формулировка принципа еще не является гарантией его принятия и соблюдения, не гарантирует снижение уровня ин-

формационного загрязнения и преодоления разобщенности даже в условиях интеллектуальной свободы. Здесь, по нашему мнению, необходимо понимать, что признание ответственности, ее осуществление в первую очередь будет касаться тех, кто добровольно этот принцип и эту ответственность принимает. Так, Ноам Хомский в книге «Новый военный гуманизм: уроки Косова» пишет: «Вероятно, есть смысл... вспомнить некоторые трюизмы. Первый из них заключается в том, что люди изначально несут ответственность за возможные последствия как собственных действий, так и бездействия. Второй состоит в том, что озабоченность моральными вопросами, вероятно, бывает разной, и в одних случаях она способна возыметь положительный эффект на события, а в других — нет (хотя, конечно, это не единственное различие). Отсюда вывод: чем больше возможностей, тем выше ответственность...» [14]. В информационной среде данная закономерность соотношения возможностей и ответственности может иметь, в частности, следующую формулу: степень ответственности блоггеров прямо пропорциональна числу подписчиков.

«Золотое правило» нравственности в контексте анализируемой проблемы может быть представлено в позитивной и негативной формулировке.

1. Поступай с другими пользователями информационной среды так, как хочешь, чтобы поступали с тобой.

2. Никогда не поступай с другими пользователями информационной среды так, как не хочешь, чтобы поступали с тобой.

Согласно А. А. Гусейнову, «золотое правило» — это «...первооснова духовно-практической жизни и в этом качестве оно представляет собой истину, которая как бы светится изнутри и дается в готовом виде» [3]. Тем не менее сегодня в информационной среде «золотое правило» не является очевидным, не светится, но находится

«под колпаком». Более актуален принцип талиона: «око за око», «зуб за зуб», «комментарий за комментарий», «лайк за лайк». Р. Г. Апресян отмечает, что логика развития морального сознания движется от талиона к заповеди любви [1], поэтому талион как нормативное основание сокращения информационного загрязнения, как нравственное ограничение информационной войны не соответствует актуальному уровню морального развития человечества. «Хорошее общество» (не идеальное, но пригодное для существования и развития человека) в современном мире не может быть основано на принципе талиона. Следовательно, каждый поступок (в форме действия или бездействия), совершаемый в информационной среде, необходимо пропускать через фильтр «золотого правила». Отметим, что ни принципы невреждения и предосторожности, ни «золотое правило» не могут привести к тотальному ограничению свободы слова. Нравственные ограничения необходимы для предотвращения злоупотребления такой свободой.

Под информационным императивом можно понимать норму морали, сформулированную по аналогии с категорическим императивом И. Канта применительно к информационной среде обитания современного человека. Метаморфозы категорического императива в прикладной этической сфере не являются новацией. Например, еще в 80-е гг. XX в. Н. Н. Моисеев сформулировал экологический императив, под которым понимал систему ограничений, нарушение которых может явиться необратимыми последствиями для дальнейшего существования как человека, так и всего окружающего мира [10, с. 132].

Информационный императив может быть сформулирован следующим образом: поступай согласно таким нормам, которые любой разумный человек признает в качестве всеобщего закона, и нарушение которых может привести к необратимой деградации информационной среды обитания

человека. В такой формулировке информационный императив имплицитно содержит в себе и принципы невреждения и предосторожности, и «золотое правило». Однако императив имеет свои ограничения: он исключает из сферы действия «неразумных» обитателей информационной среды (младенцы, сумасшедшие), которые могут быть реципиентами действия императива, но не активными субъектами.

Обсуждение

Итак, современные информационно-коммуникационные технологии обостряют все существующие в этой плоскости противоречия, поскольку позволяют каждому пользователю сети Интернет быть не только объектом воздействия, но и субъектом, инициатором этого воздействия. При этом пользователь не берет на себя никаких обязательств в силу дистанционности и часто отсутствия личной идентификации, он не связан нормами какого-либо этического кодекса вообще, кроме индивидуальных нравственных установок, при условии, что таковые имеются. Существующая технология «репостов» в социальных сетях позволяет распространять любую информацию с большой скоростью и без приложения усилий. В подобных условиях расширяются возможности для безответственного поведения, отказа от обдумывания и предотвращения возможных негативных последствий, для манипулирования массовым сознанием на макро- и микроуровнях. Иногда крайне трудно определить, кто именно и по каким причинам явился инициатором распространения информации, под воздействием каких оценок и комментариев окончательно оформился итоговый контент.

Многие пользователи сети рассматривают ее как пространство свободы, бесконтрольного обмена информацией, творческого поиска. Однако Интернет сегодня является и местом масштабного информационного противостояния, часто осуществляемого без нравственных ограничений.

Более того, попытка рационального обоснования необходимости нравственных ограничений коммуникативной деятельности в Интернете может встретить довольно агрессивную отповедь с отсылками к свободе слова и свободе нравственного самоопределения пользователей. А. П. Скрипник отмечает, что «чувство негативной ответственности – вины – обременительно для человеческой психики, и она посредством разных рационализаций стремится освободиться от него. Нужна очень высокая нравственная культура, чтобы не поддаваться на такой соблазн» [11, с. 340]. К сожалению, уровень способности к рационализации часто не соответствует уровню нравственной культуры пользователей, что приводит к информационному загрязнению сети, дискредитации идеи интеллектуальной свободы и втягивания в информационную войну ядовитых пользователей.

Примеры такого «вступления в войну» многочисленны. Приведем один из них. Украинка Анастасия Дмитрук опубликовала видеообращение к русским в стихотворной форме («Никогда мы не будем братьями» <http://www.youtube.com/watch?v=Qv97YeC563Y>), после чего последовал ряд «русских ответов» на данное обращение, среди которых встречаются довольно агрессивные варианты, включая применение обценной лексики (http://www.youtube.com/watch?v=eGe_RrefDQw, <http://www.youtube.com/watch?v=Lm1TYLqzmMc>, <http://www.youtube.com/watch?v=KroD4FFKXWo>, <http://www.youtube.com/watch?v=09Ei2CjtVD8> и др.).

Нормативно-ценностным обоснованием такой информационной «перестрелки», по нашему мнению, является принцип талиона. Принципы невреждения и предосторожности, несмотря на провокативное содержание исходного сообщения, накладывают ограничение не на сам отклик, но на его содержание, стилистику, интонационную

подачу. «Золотое правило» и информационный императив аналогичным образом ограничивают ответную агрессию, не покушаясь на свободу высказывания мнения по поводу полученной информации. Представляется, что с учетом вышеуказанных нравственных ограничений создан отклик Леонида Корнилова [6], квинтэссенцией которого является следующее четверостишие:

Ты нашла во мне виноватого.

Я желаю тебе добра.

Никогда ты не станешь братом мне,

Потому что ты мне – сестра.

Заключение

Таким образом, нравственные ограничения информационной войны, принципы, регулирующие поступки ответственных за распространение информации субъектов, должны быть причиной, поводом к возникновению стремления в обществе в целом и у каждого отдельного его члена к нравственному самоконтролю в процессе создания, передачи, интерпретации информации, неоднозначного и непредсказуемого по последствиям содержания.

Минимизация загрязнения информационной среды обитания современного человека – необходимо условие существования «хорошего общества», в котором каждая личность может развиваться, не опасаясь социальных катаклизмов, авторы которых часто руководствуются самыми благими целями, включая построение идеального общества – рая на земле. Однако идеальное общество принципиально не может быть создано на информационных развалинах. Нравственные ограничения, в частности, принципы невреждения и предосторожности, «золотое правило», информационный императив и другие нормативные инструменты, вероятно, не смогут полностью решить проблему информационного загрязнения. Тем не менее, такие ограничения, сознательно инкорпорированные в личностную систему ценностей, будут спо-

способствовать очищению информационной среды обитания современного человека, а значит и повышению качества жизни, пре-

одолению разобщенности и прекращению ведения информационной войны, как минимум, непрофессиональными военными.

Библиографический список

1. *Апресян Р. Г.* Генезис золотого правила [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=837&Itemid=52.
2. *Апресян Р. Г.* Принцип предосторожности [Электронный ресурс]. – URL: iph.ras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/school3/materials/apressyan2.html.
3. *Гусейнов А. А.* Золотое правило нравственности [Электронный ресурс]. – URL: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/school3/materials/guseinov_gr.html.
4. *Дружников С. А.* «Загрязненность» информационной среды и проблемы психологического здоровья личности // Психологические науки. – 2013. – № 4. – С. 89–92.
5. *Жадунова Н. В., Коваль Е. А.* Солдат информационной войны: десубстантивация и пределы моральной аргументации // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2016. – № 3 (35). – С. 77–83.
6. *Корнилов Л.* Никогда мы не будем братьями? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.avs75.ru/article-993.html>.
7. *Мазур И. И., Молдаванов О. И.* Курс инженерной экологии : учеб. для вузов / под ред. И. И. Мазура. – М.: Высш. шк., 1999. – 447 с.: ил.
8. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. – М.: Фонд «Мир», Академический Проект, 2005. – 496 с.
9. *Марфенин Н. Н.* Принцип предосторожности // Россия в окружающем мире. – 2010. – Вып. 13. – С. 7–13.
10. *Моисеев Н. Н.* Нравственность и феномен эволюции. Экологический императив и этика XXI в. // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 131–139.
11. *Пронина Л. А.* Современная информационная среда как новая форма бытия человека [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. – 2005. – № 4. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-informatsionnaya-sreda-kak-novaya-forma-bytiya-cheloveka>.
12. *Скрипник А. П.* Моральное зло в истории этики и культуры. – М.: Политиздат, 1992. – 351 с.
13. *Туманов Г.* Троллевые игры [Электронный ресурс] // Коммерсант. – 2015. – 28 мая. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2736166>.
14. *Хомский Н.* Новый военный гуманизм: уроки Косова [Электронный ресурс]. – М.: Праксис, 2000. – URL: <http://fb2.traumlibrary.net>.
15. *Nelsen J.* Information pollution [Electronic resource]. – URL: <http://www.nngroup.com/articles/information-pollution>
16. *Orman L.* Fighting information pollution with decision support systems // Journal of MIS. – 1984. – Vol. 1. – No. 2. – P. 64–71.
17. *Palazzo G., Krings F., Hoffrage U.* Ethical blindness // Journal of Business Ethics. – 2012. – No. 109 (3). – P. 323–338.

References

1. *Apresyan R. G.* Genesis of the Golden Rule, URL: http://www.vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=837&Itemid=52. (In Russian)
2. *Apresyan R. G.* Printsip predostorozhnosti (Precautionary Principle), URL: iph.ras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/school3/materials/apressyan2.html. (In Russian)
3. *Guseynov A. A.* Zolotoe pravilo nrvstvennosti (The Golden Rule of Morality), URL: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/school3/materials/guseinov_gr.html. (In Russian)
4. *Druzhilov S. A.* «Zagryaznennost'» informatsionnoy sredy i problemy psi-khologicheskogo zdorov'ya lichnosti («Pollution» of the Information Environment And the Problems of the Psychological Health of the Individual). *Psikhologicheskie nauki*, 2013, No. 4. P. 89–92. (In Russian)
5. *Zhadunova N. V., Koval' E. A.* Soldat informatsionnoy voyny: desubstantivatsiya i predely moral'noy argumentatsii (Soldier of Information War: Desubstantiation and Limits of Moral

- Reasoning), *Gumanitariy: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya*. 2016. No. 3 (35). P. 77–83. (In Russian)
6. Kornilov L. Nikogda my ne budem brat'yami? (We Will Never Be Brothers). URL: <http://www.avs75.ru/article-993.html>. (In Russian)
 7. Mazur I. I., Moldavanov O. I. Kurs inzhenernoy ekologii (The Course of Engineering Ecology): ucheb. dlya vuzov; pod red. I. I. Mazura. Moskva, 1999. 447 p.: il. (In Russian)
 8. Maklyuen M. Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushchego (The Gutenberg Galaxy. The Emergence of the Printing Man). Moskva, 2005. 496 p. (In Russian)
 9. Marfenin N. N. Printsip predostorozhnosti (Precautionary Principle). *Rossiya v okruzhayushchem mire*. 2010. Vyp. 13. P. 7–13. (In Russian)
 10. Moiseev N. N. Nравstvennost' i fenomen evolyutsii. Ekologicheskiy imperativ i etika XXI v. (Morality and the Phenomenon of Evolution. Ecological Imperative and Ethics of the XXI century), *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1994, No. 6. P. 131–139. (In Russian)
 11. Pronina L. A. Sovremennaya informatsionnaya sreda kak novaya forma bytiya cheloveka (Modern Information Environment As a New Form of Human Being). *Analitika kul'turologii*. 2005. No. 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-informatsionnaya-sreda-kak-novaya-forma-bytiya-cheloveka> (In Russian)
 12. Skripnik A. P. Moral'noe zlo v istorii etiki i kul'tury (Moral Evil In the History of Ethics and Culture). Moskva, 1992. 351 p. (In Russian)
 13. Tumanov G. Trolleveye igry (Trolling Games). *Kommersant* ot 28.05.2015. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2736166>. (In Russian)
 14. Khomskiy N. Novyy voennyi gumanizm: uroki Kosova (New Military Humanism: Kosovo Lessons). Moskva, 2000. URL: <http://fb2.traumlibrary.net>. (In Russian)
 15. Nelsen J. Information pollution. URL: <http://www.nngroup.com/articles/information-pollution>. (In Russian)
 16. Orman L. Fighting information pollution with decision support systems. *Journal of MIS*. 1984. Vol. 1. No. 2. P. 64–71. (In Russian)
 17. Palazzo G., Krings F., Hoffrage U. Hoffrage Ethical blindness. *Journal of Business Ethics*. 2012. No. 109 (3). P. 323–338. (In Russian)

Поступила 15 мая 2017 г.

Сведения об авторах

Жадунова Наталья Владимировна – кандидат философских наук, декан факультета дополнительного образования ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Область научных интересов: история этических учений, теоретическая и прикладная этика, экологическая этика, проблемы нравственных ограничений информационной войны, логика, риторика. Автор более 30 научных публикаций, в том числе 2 электронных учебных пособий. ORCID <http://orcid.org/0000-0002-9058-0488>.

Тел.: 8-902-668-88-44

E-mail: zhadunovan@mail.ru

Коваль Екатерина Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Область научных интересов: социальная нормативность, религиозная этика, экологическая этика, проблемы антиномичности. Автор более 50 научных публикаций, в том числе 2 монографий и 3 учебных пособий. ORCID <http://orcid.org/0000-0003-0069-5335>.

Тел.: 8-906-379-06-15

E-mail: nwifesc@yandex.ru

About the authors

Zhadunova Natalia Vladimirovna – candidate of philosophical sciences, Dean of the faculty of additional education of Ogarev Mordovia State University. Research interests: history of ethical teachings, the theoretical and applied ethics, environmental ethics, the problem of moral constraints of the information war, logic, rhetoric. The author of about 30 scientific publications, including 2 electronic textbooks. ORCID [http://orcid/ org 0000-0002-9058-0488](http://orcid.org/0000-0002-9058-0488).

Tel.: 8-902-668-88-44

E-mail: zhadunovan@mail.ru

Koval Ekaterina Alexandrovna – candidate of philosophical sciences, associate professor of law enforcement activities and enforcement proceedings of Middle-Volga Institute (branch) of Russian State University of Justice (MOJ Russia RPA) in Saransk. Research interests: social normativity, religious ethics, environmental ethics, problems of antinomy. The author of more than 50 scientific publications, including 2 monographs and 3 textbooks. ORCID [http://orcid/ org 0000-0003-0069-5335](http://orcid.org/0000-0003-0069-5335).

Tel.: 8-906-379- 06-15

E-mail: nwifesc@yandex.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРЕВОДА: «МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ»

В статье актуализируется ключевая, но концептуально не разработанная проблема соотношения философии и перевода, что обусловлено современными сдвигами и переменами как в философии, так и в переводоведении. Автор выделяет основные причины, способствующие глубоким преобразованиям гуманитарных смыслов, представляющих особый интерес и актуальность. В первую очередь, это общий антиномичный характер современного общества, направленный на вытеснение привычных экзистенциальных установок. Вторых, амбивалентность социокультурной глобализации, интенсифицирующая междисциплинарные взаимодействия в сфере науки. Целью исследования является философская рефлексия переменных факторов гуманитарного познания. В центре рассмотрения находится экспликация понятий «философия и перевод». Перевод трактуется автором как категория социальной философии. Основные точки роста представлений о перемещении одного из центральных в лингвистике понятий в фокус широкого междисциплинарного научного обсуждения и восхождения к категории социальной философии видятся в его изменившейся роли и функции. Автор рассматривает перевод как возрастающий по важности фактор воспроизводства разнообразия культуры, стимулирующий умножение творческого потенциала личности. Делается вывод, что интерпретация перевода как фактора, выделяющегося своим существенным влиянием на человека, требует его рассмотрения методами социальной философии. Предлагается методология анализа значимых социокультурных явлений на базе диалектической идеи. В качестве основного метода исследования используется дуальная оппозиция «философия – перевод». Такой подход включает необходимость пристального внимания к отношениям целого и его значимых частей, что усиливает актуальность анализа отношений между ними. В свете такого рассмотрения делается ключевой вывод, что философские категории втягиваются в науку из реальных отношений.

Ключевые слова: социальная философия, перевод, рефлексия, понимание, воспроизводство культуры, смысл, интерпретация, дуальная оппозиция, развитие, общество.

Для цитирования: Рябова М. Э. Философские основания перевода: «Между Сциллой и Харибдой» // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2017. – № 3. – С. 55–63.

Marina E. Ryabova

Russian New University. Moskva, Russia, e-mail: ryabovame@mail.ru

PHILOSOPHICAL UNDERPINNINGS OF TRANSLATION “BETWEEN SCYLLA AND CHARYBDIS”

In the article crucial but conceptually undeveloped problem of the correlation between philosophy and translation that is due to the modern moves and changes in the theory of translation as well as in philosophy is updated. The author outlines the main reasons that contribute to profound transformations of humanitarian meanings of particular interest and relevance. First is the general antonymous nature of modern society aimed at supplantation of the familiar existential attitudes. Second is the ambivalence of sociocultural globalization that intensifies interdisciplinary interaction in the sphere of science. The aim of the research is the philosophical reflection of the variables of humanitarian cognition. The explication of “philosophy and translation” concepts

© Рябова М. Э., 2017

is in the center of consideration. Translation is interpreted by the author as a category of social philosophy. Key points of evolution growth of ideas about moving the concept of “translation” into the center of a broad interdisciplinary scientific discussion and the ascent to the category of social philosophy can be seen in the changed role and the function of translation. Translation is viewed as an increasingly important factor in the reproduction of the variety of culture, stimulating the growth of the creative potential of the individual. The translation is considered as a factor that outstands for its significant impact on the society as a whole that requires its consideration by means of social philosophy. The methodology of analysis of significant sociocultural phenomena on the basis of a dialectical idea is proposed. The dual opposition “Philosophy – Translation” is used as a main method of research. This approach includes the need for careful attention to the relationship between the whole and its important parts, which increases the relevance of their relations analysis. In the light of this consideration it is proved that philosophical categories are drawn into science from real relationships.

Keywords: social philosophy, translation, reflection, understanding, meaning, cultural reproduction, dual opposition, interpretation, development, society.

For citation: Ryabova M. E. Philosophical Underpinnings of Translation “Between Scylla and Charybdis”. Humanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Humanitarian : actual problems of the humanities and education. 2017. No. 3. P. 55–63.

Введение

Сегодняшнее коммуникационное общество создало предпосылки для качественных изменений во всевозможных сферах деятельности человека. Задача быть на волне своего времени становится приоритетной во всех профессиональных отраслях, решение которой обеспечивается получением разнообразной информации из любого уголка мира. Оптимальное владение ею и эффективное оперирование составляют ведущий потенциал социума, что актуализирует проблему преодоления языкового барьера и выводит ее за рамки только лингвистических наук. В современном гуманитарном дискурсе переводческая проблематика все активнее перемещается в центр широкого междисциплинарного научного обсуждения. Общий контекст такого внимания составляет философия, фокусирующая дискуссии в область смысла, обозначенную еще К. Леви-Строссом как «образа мышления» и «манеры изложения мыслей» [7, с. 6]. Продолжая мысль К. Леви-Стросса, добавлю, что любой образ мышления любого народа неразрывно соотносится с современной социальной реальностью и, эксплицируясь через язык, через разнообразие

языков, звучит как нарастающий вызов переводу.

Исторический опыт показывает, что философия многим обязана переводу (с греческого на латынь, с латыни на национальные языки: Декарт, Гоббс, Лейбниц и т. д.). Н. С. Автономова трактует перевод как особого рода познание, инструмент формирования философских понятий [1, с. 12]. «Для того, чтобы философия могла возникнуть, каждый раз нужны, помимо определенных социальных условий, внутреннее побуждение, тяготение, определенное направление умствования и, разумеется, та интенсивная работа претворения чужого в свое, которая и находит свое наиболее яркое выражение в переводе» [1, с. 7]. Разделяя высказанную позицию, следует обратить внимание, что хотя перевод составляет важную часть мыслительного пространства философии, однако указанная проблематика ни в переводоведении, ни в философии не разработана на должном уровне. Впрочем, это вполне понятно и может быть объяснено тем, что само переводоведение признается молодой наукой, возникновение которой больше принято связывать с развитием прикладной лингвистики [15].

Очевидно, что тема взаимосвязей между философией и переводом маркирована произошедшими сдвигами и переменами как в обществе, так и в философии. Осмысление этих изменений, в той или иной форме влияющих на формирование личности, и составляет основную задачу данной статьи.

Материалы и методы

Поиск наилучшего решения при снятии когнитивных трудностей в понимании иноязычной информации обуславливает необходимость обращения к философским основаниям перевода в канве современной социокультурной реальности, предполагая разносторонний анализ философских и переводческих взаимосвязей в методологическом пространстве «между Сциллой и Харибдой». Выдвижение метода дуальной оппозиции в качестве ведущего в исследовании несет в себе мировоззренческую значимость. Специфика обоих полюсов может быть охарактеризована как базис, материя для бытия, и одновременно как образ для мысли. Налицо внутренне противоречивый процесс, который перерастает в диалог в результате усиления социокультурного многообразия. Исходная пара оппозиции «Сцилла – Харибда» представлена многозначностью интерпретаций не только каждой из названных сторон, но и собственно отношением между философией и переводом.

Философское осмысление перевода осуществлялось в герменевтическом аспекте (теория понимания и интерпретации), с позиций теории познания, философии коммуникации и многих других направлений, опирающихся, в первую очередь, на психолингвистические и культурологические данные. Вместе с тем в современной научной мысли наметилась собственно философия перевода, рефлектирующая эти философские подходы, проясняя метафорическую оппозицию «Сцилла – Харибда», за которой стоят философия и перевод. Такой методологический подход схватывает диалектическую связь между философией и

переводом, так как артикулирует условия его возможности существования. А. Ахиезер подчеркивает: «Конкретизация сферы Между исходной дуальной оппозиции – основа нахождения новых, более содержательных смыслов в процессе освоения усложняющегося мира» [3, с. 411]. Одним из таких смыслов является вывод, что актуализация переводческой проблематики возникает в кризисные моменты общества как реакция национальных культур на парадигмальные социокультурные сдвиги.

Впервые на сопряженность перевода и национального языка в историческом контексте указал Ж. Деррида [5, с. 114–133], однако эта тема оказалась детально не разработанной. Здесь важно отметить, что связка национального языка и перевода возникает не случайно, а реализуется в языковом взаимодействии. Мысль Ж. Дерриды направлена на проблему личной идентичности, выражающейся в языке и определяющейся через язык. Продолжая идею Ж. Дерриды о языковой идентичности, накладывая ее на современную ситуацию сближения культур, следует отметить статику монолингвизма и динамику многоязычия.

Языковая онтология перевода определена некоторыми внутренними причинами: механистической формой деятельности и творческой активностью субъекта производить новое, ведущее к качественному прорыву в социокультурной сфере, которая может рассматриваться фундаментом в развитии личности и всего общества. Эти основания настолько сложно переплетены, что четко разделить их невозможно. «Полноценно функционировать в информационном усложняющемся обществе сможет лишь человек, достигший высокого уровня творчества, обладающий такими качествами, как инициативность, ответственность, способность самостоятельно выйти за пределы ранее усвоенной культуры, информации, сделать правильный выбор, принять позитивное решение» [11, с. 51].

Задаваясь вопросом о сущности перевода, опущу в рамках данной статьи многочисленные его дефиниции, а лишь отмечу, что трактовка перевода только в качестве технического процесса передачи смысла с одного языка на другой определенно его упрощает, примитивизирует. Две линии понимания перевода – чисто утилитарное решение повседневных задач, например для адекватности понимания в бытовых ситуациях, – с одной стороны, и потенциальная эвристичность творчества – с другой, – ведут к пониманию перевода глубочайшим неоднозначным креативным процессом, важнейшей формой познания социокультурной действительности через интерпретации заложенного смысла. Тем самым, лавируя между узким и широким истолкованием перевода, следует признать его двойственность, где одна сторона представляет собой обобщающее творчество, а другая – ремесленный повтор. Привлечение категории интерпретации при рассмотрении перевода в широком смысле качественно усиливает его предметную область. Обозначенная двойственность перевода в самом общем виде репрезентирует лингвистическую точку зрения. В отличие от нее постановка проблемы перевода в философской артикуляции не касается техники перевода, а подразумевает перевод как эмерджентный социокультурный феномен, погружающий субстанциональную сущность «Сциллы – Харибды» в знакомую диалектическую схему «часть – целое». Ее полюса функционируют по общим друг для друга законам, хотя каждый в своей, имманентной ему форме, занимает определенную нишу в общественной практике, играя свою значимую роль в эволюционном движении социальной реальности. Опираясь на гипотезу Сепира и Уорфа, хотя и не разделяя ее полностью, провозгласившую, что структура мышления определяется структурой языка, следует признать наличие разных уровней перевода, где язык выступает средством ин-

терпретации. Сказанное со всей очевидностью подводит к выводу, что не существует точного соответствия, взаимозаменяемости при переводе с одного языка на другой. В связи с этим У. Куайн выдвинул сентенцию о неопределенности любого перевода, что объясняется другим способом структурирования объективной реальности и вариативностью возможностей ее репрезентации [6]. Поэтому постижение поля несовпадения (непонимания априори) языка и культуры наполняет их новыми смыслами и расширяет интерпретациями ценностей, хотя и поднимает проблему адекватности восприятия и понимания.

Результаты и обсуждение

Перевод не только способ трансляции иноязычного смысла. В равной степени он есть средство легитимации новых феноменов, черпаемых из чужой культуры. Соприкосновение с другой культурой происходит по модели «принимаю – отвергаю». В процессе такой активности совершается «осознание своей культуры как одной из многих, отдельной, особенной» [12, с. 49]. Приведенная цитата фактически объясняет механизм становления личности. Широкий спектр компонентов для сравнения приводит к осознанию несхожести видения мира, что потенциально содержит в себе ситуацию конфликта. Как известно, конфликт есть форма противоречия, разрешение которого выступает ключевым источником движения. Проникая в глубинный пласт смысла иноязычного текста, автором которого является носитель чужой культуры, человек пропускает его через себя, преодолевает устоявшиеся представления о социальной реальности. Проиллюстрируем сказанное: *Rosen finde ich auch süß.* – Розы я тоже считаю красивыми. В приведенном примере прилагательное *süß* выполняет эмоционально-оценочную функцию, передать которую при переводе является первоочередной задачей, в связи с чем оценочная информация, буквально переводимая как

«сладкий», заменяется на более близкую в языке перевода «красивый».

Разрешение противоречия между воззрениями разных культур связано с саморазвитием личности, с одной стороны, и взаимообогащением культур – с другой. Для понимания этого явления полезен следующий пример, заимствованный у Тер-Минасовой [12, с. 29–30]. Она описывает диалог англичанки и официантки в немецком городе Бамберг. Официантка не могла понять, какой именно чай заказывает англичанка, которая просила обычный чай. Постоянно переспрашивая и доведя ее до раздражения, официантка, наконец, выяснила суть заказа. Проблема заключалась в том, что *black tea* для англичан противопоставляется не зеленому чаю, а означает чай с молоком. Обычно принятый чай для англичан – это чай с молоком – и мысль, что в Германии норма (обычный чай) не ассоциируется с молоком, англичанке не приходила в голову.

Перевод в философской постановке вопроса не сводится лишь к преодолению иноязычной чужеродности, а подразумевает снятие экстралингвистической инаковости мировоззрения. Другой способ мышления, или иноязычие [10], есть не просто единица коммуникации, где перевод выступает способом передачи информации, а один из ключевых механизмов личностного роста, движущая сила развития общества. Исключительная важность перевода, тесно соприкасающегося с философскими категориями мышления и интерпретации смысла, заключается в расширении границ логики различных культурных общностей. Однако замечать взаимосвязь между логикой инаковых культур и понимать ее закономерности – не одно и то же. Сказанное подтверждается эмпирическими кросс-культурными психологическими исследованиями. Экспериментальные данные Г. С. Триандиса показали, как и почему культурные различия в базовых установках влияют на социальное

поведение человека, его сознание, чувства и действия. В частности, он приводит пример с корпорацией «Дженерал моторс», которая занялась продажей автомобилей марки «Нова» в Латинскую Америку, упустив из внимания, что «*No Va*» означает для латино-американцев – «не ездит». Выбор имени с негативной коннотацией для автомобиля в Латинской Америке привел к миллионным убыткам корпорации [13, с. 354]. Урок, который следует извлечь из этого примера состоит в том, что при взаимодействии с представителями других культур следует не просто ставить себя на место другого, а учитывать различия в языках и образах сознания. Как известно, культуры могут настолько отличаться друг от друга, что действие, считающееся неэтичным в одном этносе, может оказаться вполне естественным делом в другом. Сказанное наглядно пояснит еще одна заимствованная у Г. С. Триандиса ситуация с английским бизнесменом, который был приглашен на прием в Лиму (Перу). В момент звучания музыки он попытался пригласить соседку на танец, но получил отказ. Мотивом отказа были два аргумента: 1) звучала не танцевальная музыка, а национальный гимн страны, и 2) соседка оказалась не «мадам», а епископом Лимы [13, с. 321]. Использование собственной культуры в качестве основы в восприятии другой культуры ведет к ошибкам идентичности.

Итак, отсутствие изоморфных характеристик в языках может вызывать трудности интерпретации культурной специфики. Инновационные работы в психологии позволяют высказать суждения, что сам интерес к проблеме разнообразия означает признание ценности различий между представителями этнических культур и необходимость развития новых способов мышления. Японский психолог Д. Мацумото соотносит усвоение особенностей чужих обычаев и традиций с культурными фильтрами, которые служат контекстуальным фундаментом меж-

личностных взаимоотношений. Ученый формулирует иерархию культурных сред, обладающих как гибкой (толерантной), так и негибкой (конфликтной) сущностью, которые с психолингвистической точки зрения задают комбинации действий людей с различными культурными предпосылками [9, с. 129]. Важный предварительный вывод в контексте проблематики данной статьи заключается в том, что поле деятельности иноязычия потенциально опасно расколом, опасным для общества. Современная наука и философия отвечают на это исследованиями, посвященными проблемам возрастающего риска, которые несет сама человеческая деятельность. Выходит значительное количество работ, отражающих эту проблематику [4; 14; 17]. В свете этих работ не требуется доказательств, что широко понимаемое иноязычие свидетельствует о выходящих за рамки знаковости обстоятельствах, дифференцирующих общество, раскалывающих его на какие-то группы, сообщества, процессы, сталкивающие и в потенции разрушающие друг друга. За этим следует искать некоторую глубокую социокультурную причину, детерминированную этнической психологией адекватного/искаженного восприятия. Отсюда правомерна гипотеза, что в основе иноязычия лежит возможность рассмотрения общества как системы значимых знаковых различий, несущей в себе вероятность логических катастроф и всяческого рода опасностей.

Осознание «чужеродности», влияющей на качественные изменения личности, наращивает проблемность общества, его противоречивость. Проблема видится не в том, что существует много разных языков, но в том, что ситуация иноязычия динамично меняется, усложняется. Переход от одного языка к другому порождает видоизмененные значения и, увеличивая семантическую нагрузку на личность, развивает новые формы логики. Соотнесение различных картин мира, структур мышления требует

напряжения сознания при переходе от уровня одной области смыслов к уровню другой области. «Изучаемый наукой реальный мир един, но в то же время не гомогенен и существуют разные уровни (или типы) реальности, связанные друг с другом, но друг к другу не сводимые», – подчеркивает В. А. Лекторский [8, с. 6]. Допущение о соприкосновении разноструктурных семантических систем позволяет помыслить некоторую дистанцию, зазор между ними, который снимается благодаря переводу. Однако испытание «чужим» не приводит к абсолютному совпадению результатов движения от целого к частям и наоборот. Возможно лишь приближенное решение, так как между ними неизбежен зазор. Преодоление языковых и культурных барьеров придает переводу важную роль в когнитивных процессах познающего внешний мир человека. Перевод в качестве способа связи с чужим есть интерпретация смыслов, лаборатория инноваций в философском смысле. Интерпретация разворачивается посредством принятия роли другого, реконструируя уникальные особенности каждого конкретного случая. Диалектический характер перевода-интерпретации отличает его от перевода-ремесла. Суть перевода-ремесла заключается в восприятии его как некоторой отрасли практической деятельности, целью которой является решение утилитарных задач. Возведение перевода на уровень интерпретации, поднимает его до интеллектуального творчества, своего рода искусства, неизмеримо более широкого, чем перевод-ремесло.

Полярные толкования перевода отразились в существовании двух крайних по отношению друг к другу направлений в теории перевода, берущих начало еще с античности. Оба типа перевода (перевод-ремесло и перевод-интерпретация) зарождаются практически одновременно и идут параллельно по жизни, обогащая переводческую традицию, постепенно меняя роль

и статус переводчика. Например, отсутствие изоморфизма между разными языками сопряжено с переводческим дуализмом, проявляющимся в оппозиции буквального и свободного перевода. Иллюстрацией сказанному служит возникновение понятия «верный переводчик», подтекст употребления которого обладает негативной коннотацией. Метод «слово в слово» сфокусирован на дословной передаче исходного текста на язык перевода, что вызывало его критическую оценку в противовес творческому воспроизведению смысла и сюжета оригинала. Широко известен также афоризм «предатель перелагатель», достаточно ясно эксплицирующий отношение к переводческому методу передачи лишь смысла исходного текста, не сохраняющего форму. Несхожесть каждой из сторон реализуется в принципиально различном подходе к восприятию и передаче смысла переводимого. Например, предложение *Hab ich Sie gebeten, mich zu operieren?* можно перевести: 1) Просил я вас меня оперировать? 2) Разве я просил мне операцию делать? Нетрудно заметить, что смысл немецкого предложения передан в обоих переводах, но стратегия его прочтения и подачи разная.

Одним из первых, кто подметил и научно обосновал этот переводческий дуализм, был Ф. Шлейермахер [16]. В 1990-х гг. к этой теме вновь обращается Л. Венути, вводя новые обозначения разных типов перевода [18, с. 240–244]. Буквальный перевод он называет осваивающим, а отступающий от слов и формы оригинала именуется отчуждающим. Предложенные термины емко характеризуют цели каждого из методов и в некотором роде «примиряют» их друг с другом. Не ставя задачей разбор плюсов и минусов этих подходов к переводу, отмечу, что каждый из них ангажирован солидным количеством сторонников, как и оппонентов, и достаточно тесно взаимосвязан с другим. Я бы сказала, что один есть частный случай второго. Очевидно одно, несмотря

на амбивалентность обоих методов, перевод-интерпретация со всей определенностью доминирует.

Бытие перевода эксплицируется в логическом пространстве между разнообразием возможных вариантов интеллектуального творчества в сфере интенсивного взаимодействия разных культур и рефлектирует как социальная проблема, схватывающая человеческое существование. В процессе перевода человек поднимается на ступень мышления. Тем самым двойственность перевода содержит намек на социально-философскую проблему, требующую отдельного рассмотрения.

Философская рефлексия перевода в мультиязычном пространстве выводит к механизмам самореференции личности. В процессе перевода каждый человек, принимая вызов времени и ситуации, делает шаг в интеллектуальном развитии, повышает свой уровень способностей и эмоциональной тонкости. Как полагал А. Ахизер, «способности субъекта есть его реализуемая потребность и возможность выходить за рамки собственного «Я», сложившегося содержания культуры и отношений, для выхода на более эффективный уровень воспроизводственной деятельности» [2, с. 129]. Тем самым перевод даже в узком понимании, как перевод-ремесло, представляет собой сложный феномен, не ограничивающийся переложением смысла с одного языка на уровне слова, а есть эволюция разума, так как изучая новый язык, постигаешь новую ментальность, осваивая другую картину мира, осуществляешь прорыв в мышлении через разнообразие культур и восприятие чужого образа языкового сознания. Есть много свидетельств (У. Ламберт, Э. Пол и др.) тому, что когнитивная гибкость и креативность коррелируют с сохранением индекса интеллекта.

Модель отношений философии и перевода можно рассматривать, с одной стороны как воплощение индивидуальной неповторимости, с другой – всеобщности. Система

языка выражает специфику национального мировосприятия. Поэтому адекватность понимания, как и точность перевода, есть вопрос репрезентации общего в частном. Этот неоднозначный процесс пронизан диалектической идеей: во-первых, происходит индивидуальное изменение и, во-вторых, через индивидуальное развивается коллективное, массовое. Вхождение человека в социокультурные контексты жизни дает в конечном счете новый стимул исторической динамике личности и общества в целом.

Заключение

Соизмерение философии и перевода дает подступ к постижению общества в двух рациональных конфигурациях, име-

ющих подвижные границы. Вне всяких сомнений, этот тезис требует отдельного разбора. Однако в рамках данной статьи такая цель не стоит, здесь важно лишь обозначить, что проблема соотношения философии и перевода простых решений не имеет. Перспективы изменений в интеллектуальном пространстве «Сциллы – Харибды» демонстрируют динамику движения между разными формами познания социальной реальности и фокусируются на формировании личности в контексте кардинальных трансформаций. Взгляд на мир сквозь призму философии и перевода требует пересмотра многих вопросов, круг которых постоянно расширяется и ждет своего решения.

Библиографический список

1. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 704 с.
2. Ахиезер А. С. Между циклами мышления и циклами истории // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 3. – С. 122–132.
3. Ахиезер А. С. Труды. – М. : Новый хронограф, 2006. – 480 с.
4. Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2002. – № 5. – С. 10–19.
5. Деррида Ж. Есть ли место переводу. Философия на национальном языке // *Логос*. – 2011. – № 5–6. – С. 114–133.
6. Куайн У. Слово и объект. – М. : Праксис: Логос, 2000. – 386 с.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология / [пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова]. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
8. Лекторский В. А. Возможны ли науки о человеке? // *Вопросы философии*. – 2015. – № 5. – С. 3–15.
9. Мацумото Д. Психология и культура. – 3-е изд. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2002. – 416 с.
10. Рябова М. Э. Иноязычие как фактор развития личности и общества // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 2. – С. 167–176.
11. Рябова М. Э. Человек как субъект усложняющихся коммуникаций // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*. – 2008. – № 1. – С. 50–57.
12. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. – М. : Слово/Slovo, 2008. – 344 с.
13. Триандис Г. К. Культура и социальное поведение. – М. : Форум, 2007. – 382 с.
14. Федотова В. Г. Хорошее общество. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
15. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М. : Наука, 1988. – 215 с.
16. Шлейермахер Ф. О разных методах перевода // *Вестник Московского университета*. – 2000. – Серия 9. – № 2. – С. 127–145.
17. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // *Мир России*. – 2003. – Т. 12. – № 1. – С. 3–35.
18. Venuti L. Strategies of translation // Baker M. *Encyclopedia of translation studies*. – London and New York : Routledge, 1998. – P. 240–244.

References

1. Avtonomova N. S. Poznanie i perevod. Opiti filosofii yazika (Cognition and Translation. The Philosophy of Language). Moskva, 2008. 704 p. (In Russian)

2. *Akhiezer A. S. Mezhdru ciklami mishleniya i ciklami istorii (Between Cycles of Thought and Cycles of History), Obschestvennye nauki i sovremennost.* 2002. No. 3. P. 122–132. (In Russian)
3. *Akhiezer A. S. Trudi (Works).* Moskva, 2006. 480 p. (In Russian)
4. *Beck U. Politicheskaya dinamika v globalnom obschestve riska (Political Dynamics in a Global Risk Society), Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnie otnosheniya.* 2002. No. 5. P. 10–19. (In Russian)
5. *Derrida J. Est li mesto perevodu. Filosofiya na nacionalnom yazike (Is There a Place for Translation. Philosophy in the National Language).* Logos. 2011. No. 5–6. P. 114–133. (In Russian)
6. *Quine W. Slovo i object (Word and Object).* Moskva, 2000. 386 p. (In Russian)
7. *Levi-Strauss C. Structurnaya antropologiya (Structural Anthropology).* Moskva, 2001. 512 p. (In Russian)
8. *Lektorskiy V. A. Vozmozhni li nauki o cheloveke? (Are Human Sciences Possible?). Woprosi filosofii.* No. 5. P. 3–15. (In Russian)
9. *Matsumoto D. Psihologiya i kultura (Psychology and Culture).* 3rd ed, Sankt-Peteburg. 2002, 416 p. (In Russian)
10. *Ryabova M. E. Inoyazichie kak factor razvitiya lichnosti i obschestva (Foreign Language as a Factor in the Development of the Individual and Society).* *Obschestvennye nauki i sovremennost.* 2008, No 2. P. 167–176. (In Russian)
11. *Ryabova M. E. Chelovek kak subject uslozhnyauschihsya kommunikaziy (Human as a Subject of Increasingly Complex Communications).* *Izvestiya visshih uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region.* 2008. No. 1. P. 50–57. (In Russian)
12. *Ter-Minasova S. G. Voyna i mir yazikov i kultura (War and the World of Languages and Cultures).* Moskva. 2008. 344 p. (In Russian)
13. *Triandis G. K. Kultura i socialnoe povedenie (Culture and Social Behaviour).* Moskva, 2007. 382 p. (In Russian)
14. *Fedotova V. G. Khoroshee obschestvo (Good Society).* Moskva, 2005, 544 p. (In Russian)
15. *Schweitzer A. D. Teoriya perevoda: status, problemi, aspekti (Theory of Translation: Status, Problems, Aspects).* Moskva, 1988. 215 p. (In Russian)
16. *Schleiermacher F. O raznih metodah perevoda (About Different Methods of Translation), Vestnik Moskovskogo universiteta.* Seriya 9. 2000. No. 2. P. 127–145. (In Russian)
17. *Janickiy O. N. Sociologiya riska: kluchevie idei (Sociology of Risk: Key Ideas).* *Mir Rossii.* 2003. V. 12. No. 1. P. 3–35. (In Russian)
18. *Venuti L. Strategies of translation.* Baker M. *Encyclopedia of translation studies.* London and New York. 1998. P. 240–244. (In English)

Поступила в редакцию 20 ноября 2016 г.

Сведения об авторе

Марина Эдуардовна Рябова – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода АНО ВО «Российский новый университет» (г. Москва). Сфера научных интересов: социальная философия, философия языка, социолингвистика. Автор более 220 научных и учебно-методических публикаций. ORCID <http://orcid.org/0000-0001-8728-3629>. ResearcherID: P-4104-2015.

Тел.: 8 925 782 28 38

E-mail: ryabovame@mail.ru

About the author

Marina Eduardovna Ryabova – doctor of philosophic sciences, full professor, professor of the department of the Theory and Practice of Translation of Russian New University (Moscow). The author of more than 220 scientific publications. ORCID <http://orcid.org/0000-0001-8728-3629> ResearcherID: P-4104-2015.

Тел.: 8 925 782 28 38

E-mail: ryabovame@mail.ru

А. А. Сомкин

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»,
Саранск, Россия, e-mail: alexsomkin@mail.ru

ЦЕЛОСТНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ КАК ОБЪЕКТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА: ОСОБЕННОСТИ ИХ ПОЗНАНИЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

*Человек – высший продукт земной природы.
Человек – сложнейшая и тончайшая система.*
И. Павлов

Статья посвящена рассмотрению особенностей исследования целостных социальных систем на основе выявления их типологической специфики, которая, по мнению автора, состоит: 1) в наличии новых интегративных качеств, не присущих составляющим ее элементам в отдельности; 2) в способности к самостоятельному функционированию и развитию.

Выделены и исследованы два комплекса существенных признаков, характеризующих качественное отличие целостных социальных систем. А. Общие признаки целостных социальных систем: 1) наличие общественных отношений как особого типа связей между элементами системы (политических, правовых, моральных и др.); 2) наличие объективного и субъективного факторов; 3) сознательная самоорганизация; 4) особая иерархичность; 5) относительная автономность от природы; 6) операциональная замкнутость; 7) социальное и биологическое самовоспроизводство; 8) нелинейность развития («зигзагообразность»); 9) вариативность развития. Б. Особенные признаки, выражающие специфику целостной личности: 1) сознательная самоуправляемость; 2) ролевая включенность в систему социальных связей; 3) включенность в систему социальных ценностей конкретного общества; 4) социальная регулятивность поведения (моральная, правовая, религиозная и административно-управленческая); 5) наличие типологических и индивидуальных характеристик; 6) наличие индивидуальной свободы и социальной ответственности; 7) способность к перестройке уровней функционирования; 8) психологическая и социальная открытость (диссипация); 9) способность к «внутренней» и «внешней» социальной оценке; 10) социальная трансцендентность; 11) процессуруемость; 12) самореферентность и семантическая замкнутость; 13) рефлексивность; 14) контингентность и коммуникативность; 15) способность к вербальной и другим формам коммуникации; 16) индивидуальный уровень развития интеллекта, способностей и профессиональных навыков.

Ключевые слова: системно-целостный подход, целостная социальная система, личность, общество, социальная философия.

Для цитирования: Сомкин А. А. Целостные социальные системы как объект системного анализа: особенности их познания и типологические черты // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2017. – № 3. – С. 64–77.

© Сомкин А. А., 2017

THE HOLISTIC SOCIAL SYSTEMS AS AN OBJECT OF SYSTEMATIC ANALYSIS: THE SPECIALTIES OF THEIR COGNITION AND THE MAIN TYPOLOGICAL FEATURES

In the article the typological specifics of the holistic systems as the base of their study is revealed, that in the author's opinion consists: 1) in the presence of the new integrative qualities, not inherent to the forming their elements separately; 2) in abilities of the independent operation and development.

Two complexes of the essential features, characterized the qualitative difference of the holistic social systems. A. The general features of the holistic social systems: 1) the presence of the social relations as the special type of the relationships between system elements (political, legal, moral and others); 2) the presence of the objective and subjective factors; 3) the conscious self-organization; 4) the special hierarchiness; 5) the relative autonomy from the nature; 6) the operational lock-in; 7) the social and biological self-reproduction; 8) in-linealness of the development («zigzagness»); 9) the variantness of the development. B. The special features, expressing the specifics of the integrated personality: 1) the conscious self-controllability; 2) the role-includness in the system of the social relationships; 3) the includness in the social valued system of the concrete society; 4) social adjustness of behaviour (moral, legal, religious and administrative-managementive); 5) the presence of the typological and the individual features; 6) the presence of the individual liberty and social responsibility; 7) the ability of the operation level realignment; 8) psychological and social openness (dissipation); 9) the ability to «the internal» and «the external» social estimation; 10) the social transcendentness; 11) the processness; 12) the self-reference and semantic lock-in; 13) the reflexiveness; 14) the contiguousness and communicativeness; 15) the ability of the verbal and the other forms of communication; 16) the individual level of developments of the intellect, abilities and professional skills.

Keywords: the system-holistic approach, the holistic social system, personality, society, social philosophy.

For citation: Somkin Aleksandr A. The holistic social systems as an object of systematic analysis: the specialties of their cognition and the main typological features. Humanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Humanitarian : actual problems of the humanities and education. 2017. No. 3. P. 64–77.

Введение

Впервые размышления о системности мироустройства и о понятии «система» (от греч. *συστημα* – целое, составленное из частей) встречаются еще в трудах древнегреческих мыслителей (Платон, Аристотель, стоики), трактовавших его в онтологическом смысле как «мировой порядок» или «целостность бытия». Уже тогда в их рассуждениях появляется категориальная пара «часть – целое», выражающая процесс становления научного мышления, осознающего органическую структурность бы-

тия: многокомпонентность материального (в том числе социального) мира и неразрывную взаимосвязь его составных элементов по принципу «целое больше, чем сумма его частей» (Аристотель).

Дальнейшее развитие античные представления получили в системно-онтологических концепциях Б. Спинозы и Г. В. Лейбница, а также в биологической классификации К. Линнея, пытавшегося обосновать естественную (в противовес телеологической) интерпретацию системности мира.

В Новое время ученые и философы начали использовать понятие «система» при изучении методов построения и систематизации научного знания: причем диапазон этого применения расширился от абсолютного отрицания системного характера научно-теоретического познания, например Э. Б. де Кондильяком, до попыток выведения общеприципов логико-дедуктивной сущности системы знания И. Г. Ламбертом и т. д.

Принципы системной природы знания активно разрабатываются и в более позднюю эпоху представителями немецкой классической философии: согласно И. Канту, научное знание есть система, в которой целое доминирует над составляющими его частями; Ф. Шеллинг и Г. Гегель трактуют системность познания как важнейшее требование диалектического мышления и т. д.

Повышение интереса к понятию «система», сделавшее его одним из ключевых категорий современной науки, относится к середине XIX в., когда К. Маркс и Ч. Дарвин применили системный подход к изучению столь сложных целостных (органических) объектов, как общество и биологическая эволюция. Хотя, безусловно, предпосылки такого понимания начали формировать еще в немецкой классической философии, представители которой подвергли радикальной критике принципы механистического* мировоззрения, выдвинув на первый план задачу перехода к новым формам научного мышления и методам познания. Экономическое учение К. Маркса и эволюционная теория Ч. Дарвина развили эти предпосылки и реализовали их на конкретном историческом материале. Методологически важным в их построениях был принципиальный отказ от механицизма и элементаризма, т. е. от идеи поисков «предельных», далее не делимых субстанций, из которых можно вывести сущность целого.

* С развитием науки в XVII–XIX вв. в философии и естествознании стали преобладать механистические и редукционистские идеи, на основе которых любая система трактовалась как совокупность частей, а ее свойства выводились из анализа составляющих ее элементов.

Вместе с тем, следует отметить, что в классической науке системный подход как критическая рефлексия на аналитико-синтетический метод познания сформировался лишь на рубеже XIX–XX вв. Он опирался на органицистские концепции системы (например, функциональные аналогии между процессами организма и общества у Г. Спенсера; структуралистская концепция языка Ф. де Соссюра и др.). Первоначально данная методология и ее теоретическое обоснование встречали серьезное непонимание и даже неприятие, особенно в среде представителей гуманитарного направления. Нередко системный подход отождествлялся с «систематизацией» как процедурой формального структурирования накопленных знаний в отдельных научных областях.

Только в 50-е гг. XX в. данный подход получил признание в рамках становившейся теории систем и разработки методологии системных исследований. Впервые данное положение в качестве методологического принципа сформулировал Л. фон Бергаланфи (термин «системность» был введен им в 1933 г. в рамках «общей теории систем» (ОТС)), когда столкнулся с решением некоторых проблем биологии, требовавших ее создания [30]. А еще раньше, в 20-е гг. XX в. попытки создания системных концепций обобщающего характера были предприняты в трудах таких выдающихся русских ученых, как А. А. Богданов, который в своей тектологии обосновывает необходимость исследования любого объекта с «организационной точки зрения» [5–6], и В. И. Вернадский – при разработке концепции «ноосферы» [7]. С их точки зрения, законы организации системы носят всеобщий характер и проявляются в разнообразных конкретных системах, в том числе в наиболее сложных – целостных социальных системах (человек и социум).

Активизация в настоящее время мультиуровневых эмпирических и теоретических системных исследований превратила изучение систем в особое направление развития современной науки, главными задачами которого на сегодняшний день являются выведение и систематизация ключевых принципов системного подхода к объектам познания и построение адекватного категориального аппарата.

Методы

Однако развитие системной парадигмы столкнулось с серьезными проблемами в процессе ее применения в социогуманитарном познании. Эти трудности обусловлены прежде всего спецификой как самого предмета, так и методов исследования: а) объектом познания здесь выступает единство материального и идеального, объективного и субъективного (человек является не только живым организмом, но и обладает сознанием (идеальным)); б) объект познания совпадает с субъектом (люди сами творят свою историю и сами ее познают); в) социально-гуманитарное познание имеет дело с закономерностями, которые во многом носят вероятностный характер; г) оно связано с индивидуализированным объектом (каждый конкретный человек уникален; исторические события – неповторимы); д) носит диалоговый характер; е) имеет гетерогенный характер (существуют разные виды социального познания: социально-философское, социологическое, экономическое, политологическое, историческое и др., неодинаково отражающие социальную реальность); ж) преимущественно занимается изучением качественных сторон исследуемых объектов [17, с. 12]; з) неразрывно связано с определенной системой социальных ценностей; и) носит абстрактный характер (здесь исключительно велика роль мышления, его форм, принципов и методов).

Направленность на постижение духовного мира человека раскрывается (в противоположность естественно-научному

анализу природных фактов) посредством особого герменевтического метода. «Гуманитарные науки, – писал выдающийся отечественный мыслитель М. М. Бахтин, – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи в естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), т. е. создает текст (хотя бы и потенциально)» [3, с. 477–478]. Следовательно, текст, включает ученый, есть «первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [3, с. 484].

Безусловно, духовные процессы и состояния не имеют таких четко выделенных элементов (подсистем), какими обладают объекты физического мира. И все же нужно признать, что и «духовная субстанция» сама в себе имеет различия и гетерогенную структуру: к таковым, например, относятся различаемые уже античными философами компоненты психики – мышление, рассудок, эмоции, воля и др., или подсознание, сознание и сверхсознание в современной психологии («Я», «Оно», «Сверх-Я» у З. Фрейда); тема, сюжет, композиция, образительные средства как компоненты в общем-то целостного художественного произведения (текста), анализируемого в литературоведении и др.

Таким образом, проблема соотношения в рамках «целое – часть» сохраняет значение для социогуманитарного познания [19]. При этом применение структуризации в процессе изучения сложных социальных систем должно обязательно учитывать их сущностные отличия от явлений материальных, заключающихся в особых отличительных чертах их целостности (т. е. интегративного единства, означающего, что целое больше составляющих его элементов) и функционирования на основе целерациональной, ценностно регулируемой деятельности, преобразующей сам субъект активности и окружающий мир (т. е. характеризующейся развитием).

Результаты и обсуждение

Выявление специфических признаков системного подхода детерминировано тем, что вкладывается в само понятие «система». В настоящее время нет общепризнанной терминологически однозначной дефиниции «система». Это приводит к тому, что разные авторы выводят на первый план те или иные содержательные системные характеристики и качества. Так, под системой понимается «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии и единстве» (Л. Берталани); «множество элементов, поставленных в отношении друг к другу, необходимое и достаточное для наличия функционального свойства данного множества» (В. Сагатовский); «множество элементов с соотношением между ними и между их атрибутами» (А. Холл, Р. Фейджин); «взаимосвязь самых различных элементов», «все, состоящее из связанных друг с другом частей» (Ст. Бир); «отображение входов и состояний объекта в выходах объекта» (М. Месарович); и даже такие, как «нечто, что может изменяться с течением времени, любая совокупность переменных... свойственных реальной логике» (Р. Эшби) и просто «понятие, служащее для воспроизведения в знании целостного объекта» (И. Блауберг) и др.

По мнению А. И. Умова и Г. В. Штакера, все определения понятия «система» можно в основе свести к двум двойственным друг к другу относительно преобразования «свойство – отношение» определениям. При этом во избежание порочного круга в дефиниции не должно быть никаких ссылок на целостность и сложность: 1) «система – это любой объект, в котором имеет место некоторое отношение, обладающее заранее определенным свойством» и 2) «система – это любой объект, в котором имеет место некоторые свойства, находящиеся в заранее заданном отношении» [25, с. 7–8]. Можно сказать, что в первом случае системное отношение реализуется на вещах, во втором – на свойствах.

Кроме приведенных выше существует множество других трактовок, соответствующих этим требованиям. Например, из 34 вариантов понятия «система», которые приводит В. Н. Садовский [18, с. 93–99], такие ссылки отсутствуют в 24 из них. С этой точки зрения «система» представляет собой точечное свойство. Иными словами, объект может либо рассматриваться, либо не рассматриваться как система. Но он не может быть в большей или в меньшей степени таковым. Напротив, мы можем говорить о большей или меньшей целостности или сложности систем, обладающих в данном случае линейным характером.

Дальнейшее развитие системных идей привело к появлению новых понятий (напр., адаптивность, интегративный эффект, обратная связь, равновесие, система, структура, функция, целеполагание и целенаправленное поведение, целостность, элемент и др.), для которых основное различие лежало уже не в плоскости «часть – целое», а в рамках взаимоотношений «система – окружающий мир».

Согласно общепринятой точке зрения материальный мир (ограниченный доступными на сегодняшний день пространственно-временными масштабами) включает в качестве подсистем: 1) неорганическую (неживую) материю; 2) органическую (живую) природу; 3) социальную материю (общество), которые возникают на разных этапах исторического развития и приобретают особые свойства относительно предшествующих уровней.

В социально-философском смысле такой подход позволяет нам рассматривать и самое социальное бытие (личности и общества) как особого рода систему. Это означает, что мы можем выделять в нем различные уровни и подуровни, выявлять разнообразные связи, т. е. разные структуры, рассматривая их как особого рода закономерности, которые можно познавать. Так, в современной науке принята следующая

типология систем по характеру связи между их элементами. Суммативные (аддитивные) – это системы, в которых связь между элементами носит случайный, преходящий характер. Иначе говоря, системность здесь выражена очень слабо и не оказывает существенного влияния на данный объект, чьи свойства равны сумме свойств его элементов (например, куча кирпичей, горсть земли, корзина яблок и т. д.). В то же время при некоторых условиях связь этих суммативных систем может укрепляться, и они способны перейти на иной уровень системной организации.

Целостные системы характеризуются тем, что здесь внутренние связи элементов дают такое системное качество, которого не существует ни у одного из них по отдельности [4]. Собственно говоря, принцип системности применяется именно к целостным системам. Среди них по различным основаниям можно выделить следующие: по характеру связи между частями и целым – неорганические и органические; по формам движения материи – механические, физические и химические, биологические, социальные; по отношению к движению – статичные, динамичные; по видам изменений – нефункциональные, функциональные, развивающиеся; по характеру обмена со средой – открытые, закрытые, изолированные; по отношению к энтропийному процессу – энтропийные и антиэнтропийные; по степени организации – простые и сложные; по характеру внутренней детерминации – однозначно-детерминированные и вероятностные; по уровню развития – низшие и высшие; по характеру происхождения – естественные, искусственные, смешанные («человек – машина», «наблюдатель – прибор – объект» и т. п.); по направлению развития – прогрессивные и регрессивные и др.

В качестве исходного мы принимаем следующее определение системы: «Конкретная система – есть относительно ограниченная, упорядоченная и противоречивая

совокупность компонентов данного типа и их связей, которая, закономерно возникая, изменяясь и взаимодействуя с окружающим миром, сохраняется относительно устойчивой к внешним влияниям и к своим внутренним изменениям в определенном пространственно-временном интервале» [27, с. 12].

Под компонентом здесь понимается относительно обособленная часть системы, выполняющая в ней определенную функцию. Каждый компонент обладает сложным строением и сам может выступать в качестве системы (подсистемы). Элемент – далее неразложимый компонент системы при данном способе ее рассмотрения. Критериальное свойство элемента – его необходимое непосредственное участие в создании системы: без него система не может существовать. Функция – определенный вид воздействия какого-либо элемента в системе на другие элементы, обеспечивающий ее устойчивое существование. Структура представляет собой упорядоченную совокупность внутренних устойчивых связей в системе. Обычно она имеет основу – главную внутреннюю связь, которая играет обуславливающую роль в системном образовании, превращая разрозненные элементы в целостное единство.

Нас же интересуют целостные системы биологического и социального уровней. Целостность понимается здесь как принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств образующих ее элементов, и, как следствие, свойства целого не выводимы из них. Так, В. Г. Афанасьев определяет целостную систему как совокупность объектов, взаимодействие которых обуславливает наличие новых, интегративных качеств, не свойственных отдельно взятым образующим ее компонентам [1, с. 29–30].

Под целостной социальной системой мы будем понимать высокоорганизованную самоуправляемую саморазвивающуюся совокупность взаимодействующих социальных субъектов (личность – социальная группа

– общество), формирующих особую социокультурную реальность и соответствующий ей тип общественных отношений, посредством которых она обеспечивает воспроизводство своих элементов, структурно и функционально идентичных ей, находящихся в отношениях единства и оппозиционности друг с другом, самой системой и окружающей средой [22, с. 35–36].

Провести социально-философский анализ такой системы – значит раскрыть ее сущность, характерные черты, внутренние и внешние связи. Осуществить это возможно на основе системно-целостного подхода, который применительно к изучаемым нами объектам включает в себя ряд аспектов:

– системно-интегративный (т. е. установить главное интегративное качество, обеспечивающее целостность социальной системы);

– системно-структурный (т. е. раскрыть специфику внутренней организации социальной системы и взаимосвязь ее частей, в том числе, связи с более общим целым, подсистемой которого оно выступает);

– системно-компонентный (т. е. проанализировать состав, количественную и качественную характеристики компонентов социальной системы, их координацию и субординацию);

– системно-функциональный (т. е. показать функционирование социальной системы и ее элементов как единого целого);

– системно-генетический (т. е. установить источник возникновения и формирования социальной системы);

– оценочно-параметрический (т. е. дать характеристику современного состояния социальной системы в качестве таковой);

– эволюционно-прогностический (т. е. определить тенденции и перспективы развития и перехода социальной системы на новый уровень);

– социально-ценностный (т. е. выявить структуру социально значимых ценностей и отношений).

Мы будем вести рассуждение преимущественно в рамках первых четырех аспектов, которые Э. Г. Юдин называет морфологическими [28, с. 101]. Кроме того, при исследовании целостных социальных систем необходимо помнить, что их элементы находятся в неоднозначно-линейных связях между собой. Например, в обществе важным фактором выступают принципы целесообразности и особые культурно-человеческие отношения (моральные, правовые, религиозные и т. д.). Это порождает представление о господстве случайности и хаотичности в них. Можно сказать, что существующие социальные системы являются сочетанием обдуманного установлений человека-конструктора и стихийно возникающих порядков. Причем сложность и значимость последних возрастает с масштабом социальной системы, с повышением информационной связанности ее элементов и интенсивности взаимоотношений [10]. Одновременно снижаются контроль и управляемость системы извне.

Усложнение общественных задач, рост масштабов организаций, повышение взаимосвязанности нашего мира наряду с растущей демократизацией отношений требуют иного взгляда на социальную самоорганизацию [21; 23]. Оба аспекта социальной системы – контролируемый и спонтанный, искусственный и естественный – должны учитываться в совокупности. Внимание переключается от взаимодействия объекта со средой к его внутренней структуре, от элементов системы к связям между ними, от статичной устойчивости к неравновесию. Подобные позиции ярко выражены в работах Ф. Варелы, У. Матураны (автопозийные системы, биологическая теория познания), прослеживаются в психологии и психиатрии (Г. Бейтсон, В. Вацлавик, Ж. Пиаже), в кибернетике (Н. Винер, Г. Паск, И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен, Г. фон Ферстер), в работах по искусственному интеллекту (У. Мак-Калло,

У. Питтс, А. Тюринг), в социологии (М. Зелени, Н. Луман, П. Хейль).

К особому классу целостных социально-биологических систем относятся: человек, индивид, личность, процесс социальной деятельности, социальная группа, общество и т. д. Многие авторы, исследуя такие сложные системы, пытаются выделить какое-то одно главное качество, вокруг которого разворачивают дальнейшие рассуждения. Так, в концепции устойчивого развития на первый план выходит способность общественной системы к выживанию и постоянно поддерживаемому экономическому, политическому, социальному и культурному развитию на основе сохранения биосферы как основы жизни на Земле, связанное с удовлетворением потребностей как современных, так и будущих поколений, с высоким качеством жизни (А. Д. Урсул [26]), с оптимальным и сбалансированным управлением (С. В. Макара [13]) и т. д.

Сторонники воспроизводственной теории (А. Турен [34], В. Я. Ельмеев [8] и др.), основы которой были заложены еще К. Марксом, описывают существование и функционирование социума как процесс непрерывного обновления посредством самовоспроизводства.

Представители концепции информационного общества (Д. Белл [29], К. К. Колин [9], Э. Тоффлер [33] и др.) утверждают, что производство знаний и информационных технологий превращается в ключевой фактор социального прогресса. Более того, уже самое современное общество характеризуется такими понятиями, как «информационное пространство», «информационная культура», «информационный язык» (эсперанто, McLanguage), «информационная война», «информационный террор», «информационная безопасность», «виртуальная реальность» и т. д.

Все большую актуальность получают сегодня идеи изучения социальных систем с точки зрения процессов самоорганизации

(К. Майнцер [12], Г. Николис, И. Пригожин [14], Р. Е. Ровинский [16] и др.). Ряд исследователей полагает фундаментальным признаком общества его функциональную самодостаточность (Ф. Варела, У. Матурана [31], Н. С. Стаховская [24] и др.). Сторонники еще одной точки зрения отстаивают в качестве основного критерия целостных социальных систем их способность к самоуправляемости, осуществляемую на основе информационной связности ее элементов (В. Г. Афанасьев [2], А. Н. Кочергин [11], Ф. И. Перегудов, Ф. П. Тарасенко [15], А. А. Шаров [32] и др.) и т. д.

Такое многообразие подходов к исследованию целостных социальных систем обусловлено, на наш взгляд, попытками однозначного объяснения их природы и жизнедеятельности (см., например, [20]). Признавая в целом важность данных разработок для социально-философского анализа личности и общества, мы вместе с тем считаем, что данные концепции не являются исчерпывающими, а выдвигаемые одно или несколько из перечисленных свойств социальных систем – достаточными – в раскрытии их сущности. Для познания столь сложных систем, по нашему мнению, необходимо выделить два комплекса сущностных признаков.

А. Общие признаки целостных социальных систем:

1) наличие общественных отношений (особого типа связей между элементами социальной системы, возникающих в различных сферах человеческой деятельности (политической, экономической, правовой, культурной, моральной и др.), определяющих ее специфику, качественные характеристики и структуру;

2) наличие объективного и субъективного факторов (объективных исторических и общественных законов развития и субъективных желаний и стремлений отдельных людей);

3) сознательная самоорганизация (умение аккумулировать изменения до некоторой критической точки с последующим

переходом на более высокий качественный уровень в процессе микроэволюции (организации элементов в единую систему, по И. Пригожину) и макроэволюции (последующего самовоспроизведения системы, по А. М. Хазену));

4) особая иерархичность (в такой системе можно выделить несколько уровней организации – от молекулярного до клеточного, от клеточного до организменного и от организменного до социально-личностного уровня);

5) относительная автономность от природы (способность успешно адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды и преобразовывать ее в соответствии со своими нуждами);

6) операциональная замкнутость (относительная независимость поведения и реагирования целостной системы на внешние раздражители – один и тот же внешний сигнал приводит к разным поведениям и, наоборот, одинаковые реакции могут быть вызваны разными внешними воздействиями);

7) социальное и биологическое самовоспроизводство (способность к самообновлению через развитие социальных институтов);

8) нелинейность развития («зигзагообразность») (система поочередно проходит через состояния повышения/понижения социальной организованности и единства (например, состояния экономического кризиса/стабильности);

9) вариативность развития (одновременное наличие нескольких альтернативных вариантов развития).

Б. Особенные признаки, выражающие специфику целостной личности:

1) сознательная самоуправляемость (способность самостоятельно функционировать оптимальным образом на разных иерархических ступенях в качестве элемента социальной группы или общества в целом);

2) ролевая включенность в систему соци-

альных связей (вхождение в систему общественных отношений на основе выполнения определенных социальных функций-ролей);

3) включенность в систему социальных ценностей конкретного общества (усвоение определенной системы ценностей конкретного общества в качестве ее носителя по отношению, например, к гражданам другой социальной группы, региона, страны и т. д.);

4) социальная регулятивность поведения (накладываемые обществом или социальной группой моральные, правовые, религиозные, административно-управленческие и другие ограничения);

5) наличие типологических (присущих всем людям как представителям человеческого рода) и индивидуальных (имеющихся только у конкретной личности) характеристик;

6) наличие индивидуальной свободы и социальной ответственности (способность разумно соизмерять свои поступки и прогнозировать их последствия как для себя, так и для общества в целом);

7) способность к перестройке уровней функционирования (ориентация на обучение и самосовершенствование);

8) психологическая и социальная открытость (диссипация) (обмен веществом, энергией и информацией с окружающей природной и социальной средой);

9) способность к «внутренней» и «внешней» социальной оценке (способность соотносить свои действия и действия своей группы с неким ценностным идеалом);

10) социальная трансцендентность (способность выходить за пределы данного («наличного») бытия в условия иного, совершенно нового существования (в прошлое, будущее, в параллельные фантастические миры и т. п.));

11) процессируемость (способность приводить в движение (процессировать) совокупность надындивидуальных* мате-

* Они формировались в течение длительного исторического периода, на основе труда множества людей предшествовавших эпох. Каждое новое поколение получает их уже в «готовом виде» и вносит свой вклад в их сохранение, дальнейшее развитие и последующую передачу.

риальных и духовных образований (орудия труда, язык, наука, искусство, религия, моральные нормы и т. д.);

12) самореферентность и семантическая замкнутость (т. е. восприятие окружающего мира происходит на основе поиска внутренних референтов (соответствий), спецификации реальности и привнесения в нее своего особого смысла, обусловленного принадлежностью к той или иной культурной модели (например, получение, закрепление, развитие и передача навыков жизнедеятельности от одного поколения к другому));

13) рефлексивность (способность к (само)познанию на основе создания моделей окружающей среды и алгоритмов взаимодействия с ней, в том числе и собственной модели социальной системы);

14) контингентность (вариативность описаний социальной системой самой себя и окружающей среды вследствие неоднозначности, разнонаправленности и непредсказуемости развития социального мира (даже включая вероятность самоуничтожения));

15) способность к вербальной и другим формам коммуникации (высокий уровень обмена информацией как между элементами социальной системы, так и между другими системами, чья связанность формируется на основе интерпретации ее смысла);

16) индивидуальный уровень развития интеллекта, способностей и профессиональных навыков (включает в себя природные задатки и приобретенные умения решать определенные социальные задачи и соответствовать определенным социальным ролям).

Следует также иметь в виду, что существование целостных социальных систем характеризуется еще и такими понятиями, как неточность, гибкость, диффузность, случайность, расплывчатость и т. д., разрабатываемых в рамках теории «нежестких» феноменов.

Все перечисленные признаки находятся в тесном взаимодействии и взаимовлиянии.

Их деление на две группы (социальные и личностные) носит относительных характер и проведено исключительно в исследовательских целях. Социальная система – это комплексное, разветвленное образование, не раскрываемое в аспектных описаниях, а целостная, хотя и сложно дифференцированная структура. В ней одновременно действует множество разнонаправленных, а порой и взаимоисключающих сил и тенденций, основными из которых являются стремление к единству (т. е. сохранение целостности) и оппозиционности (т. е. противоборство элементов внутри социальной системы, равно как и систем между собой, доходящее порой до (само)уничтожения).

Заключение

На основе системно-целостного подхода показана иерархия материального мира и уровней его существования: неорганическая и живая природа и общество. Они образуют единую систему (ограниченную пространственно-временными рамками), включающую в себя эти уровни в качестве подсистем, которые начинаются на разных исторических этапах и приобретают специфические свойства относительно предшествующих уровней.

Такая трактовка сущностных основ бытия определила возможность типологии систем по характеру связей в них на два основных типа: суммативные (аддитивные), в которых свойство системности выражено слабо и целостные, характеризующиеся тем, что внутренние связи элементов дают новое системное качество, которым не обладает ни один из входящих в систему элементов.

Методологической основой системно-целостного исследования личности и общества как целостных социальных систем являются: системный подход, учет специфики целостных социально-биологических систем, признание интегративного единства биологического, социального и психического компонентов. Дана единая интерпретация базовых философских по-

нятий «конкретная система», «компонент», «элемент», «функция» и «структура».

Показано, что для исследования целостной системы необходимо раскрыть: сущность (главное интегративное качество, обеспечивающее целостность социальной системы), структуру (специфику внутренней организации социальной системы и взаимосвязь ее частей), компоненты (состав, их количественную и качественную характеристики, координацию и субординацию), функции (функционирование социальной системы и ее элементов как единого целого), генезис (источник возникновения и формирования), а также дать характеристику современного состояния социальной системы в качестве таковой, определить тенденции ее развития и перехода на новый уровень и выявить структуру социально значимых ценностей и отношений.

Выделены сущностные признаки целостных социальных систем, которые условно поделены на две подгруппы.

А. Общие признаки целостных социальных систем: 1) наличие общественных отношений как особого типа связей между элементами социальной системы (политических, экономических, правовых, культурных, моральных и др.); 2) наличие объективного и субъективного факторов; 3) сознательная самоорганизация; 4) особая иерархичность; 5) относительная автономность от природы; 6) операциональная зам-

кнутость; 7) социальное и биологическое самовоспроизводство; 8) нелинейность развития («зигзагообразность»); 9) вариативность развития.

Б. Особенные признаки, выражающие специфику целостной личности: 1) сознательная самоуправляемость; 2) ролевая включенность в систему социальных связей; 3) включенность в систему социальных ценностей конкретного общества; 4) социальная регулятивность поведения (моральная, правовая, религиозная, административно-управленческая); 5) наличие типологических и индивидуальных характеристик; 6) наличие индивидуальной свободы и социальной ответственности; 7) способность к перестройке уровней функционирования; 8) психологическая и социальная открытость; 9) способность к «внутренней» и «внешней» социальной оценке; 10) социальная трансцендентность; 11) процессуруемость; 12) самореферентность и семантическая замкнутость; 13) рефлексивность; 14) контингентность; 15) способность к вербальной и другим формам коммуникации; 16) индивидуальный уровень развития интеллекта, способностей и профессиональных навыков.

Следует иметь в виду, что целостность социальной системы обеспечивается всем комплексом системных признаков, и ее существование прямо связано с процессами преодоления оппозиционности как важнейшего условия ее развития.

Библиографический список

1. *Афанасьев В. Г.* Моделирование как метод исследования социальных систем // Системные исследования. Ежегодник. 1982. – М. : Наука, 1982. – С. 26–46.
2. *Афанасьев В. Г.* Социальная информация. – М. : Наука, 1994. – 199 с.
3. *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи. – М. : Худож. лит., 1986. – С. 473–500.
4. *Блауберг И. В.* Проблема целостности и системный подход. – М. : Эдиториал УРСС, 1997. – 450 с.
5. *Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука : в 2 кн. – М. : Экономика, 1989. – Кн. 1. – 304 с.
6. *Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука : в 2 кн. – М. : Экономика, 1989. – Кн. 2. – 351 с.

7. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 576 с.
8. Ельмеев В. Я. Воспроизводство общества и человека. – М. : Мысль, 1988. – 235 с.
9. Колин К. К. Россия и мир на пути к информационному обществу // Открытое образование. – М., 2006. – № 4 (57). – С. 89–96.
10. Кочергин А. Н. Информация как используемая определенность // Известия Московского государственного индустриального университета. – 2008. – № 4 (13). – С. 18–25.
11. Кочергин А. Н. Информациогенез как процесс порождения информации // Известия Смоленского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 221–235.
12. Майнцер К. Сложность и самоорганизация // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 48–61.
13. Макаре С. В. Основы экономики природопользования. – М. : Ин-т междунар. права и экономики, 1998. – 192 с.
14. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. – М. : Наука, 1979. – 512 с.
15. Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П. Введение в системный анализ. – М. : Высш. шк., 1989. – 360 с.
16. Ровинский Р. Е. Синергетика и процессы развития сложных систем // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 162–169.
17. Савкин Н. С. Социальное познание. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2002. – 64 с.
18. Садовский В. Н. Основания общей теории систем: Логико-методологический анализ. – М. : Наука, 1974. – 279 с.
19. Сомкин А. А. Системный подход и актуальные проблемы современного образования (философский анализ) // Интеграция образования : науч.-метод. журн. – 2008. – № 2(51). – С. 107–112.
20. Сомкин А. А. Учение А. Дж. Баама о целостной личности и современном обществе. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – 84 с.
21. Сомкин А. А. Интегративные процессы в современном научном познании (на пути к новой парадигме) // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2009. – № 8. – С. 147–153.
22. Сомкин А. А. Целостная личность и социум: единство и оппозиционность. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 292 с.
23. Сомкин А. А., Сомкина А. Н. Парадигмальный подход в современной философии // Наука и культура России. – 2014. – Т. 1. – С. 115–117.
24. Стаховская Н. С. О структурном и функциональном статусе культуры в социальной системе // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 2001 / под ред. Д. М. Гвишиани, В. Н. Садовского и др. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – С. 334–359.
25. Уемов А. И., Штаксер Г. В. К проблеме построения измерительной шкалы для определения степени целостности систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 2002 / под ред. Д. М. Гвишиани, В. Н. Садовского и др. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–33.
26. Урсул А. Д. Глобальные процессы, безопасность и устойчивое развитие // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 17–22.
27. Фролов Д. Е., Малкин В. И. Активность личности студента (аксиологическая концепция в комплексном социологическом исследовании). – М. : Универсум, 1994. – 383 с.
28. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. – М. : Наука, 1978. – 392 с.
29. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. – New York : Basic Books, Inc., 1973. – 875 p.
30. Bertalanffy L. von. General Systems Theory: Foundations, Development, Applications. – London : Allen Lane The Penguin Press, 1971. – XXII – 311 p.
31. Maturana H. K., Varela F. O. Autopoiesis and cognition: the realization of the living. – Dordrecht, Holland ; Boston : D. Reidel Pub. Co, 1980. – 141 p.
32. Sharov A. A. Biosemiotics: a functional-evolutionary approach to the analysis of the sense of information // Biosemiotics: The Semiotic Web / T. A. Sebeok and J. Umiker-Sebeok (eds.). – Berlin : Mouton de Gruyter, 1991. – P. 345–373.

33. *Toffler A.* The Third Wave. – New York : Bantam Books, 1991. – 544 p.
34. *Touraine A.* Production de la societe. – Paris : Fayard, 1993. – 467 p.

References

1. *Afanasev V. G.* Modelirovanie kak metod issledovaniya sotsialnykh sistem (Modeling as a Method of Research of Social Systems). *Sistemnyie issledovaniya. Ezhegodnik.* 1982. Moskva, 1982. P. 26–46. (In Russian)
2. *Afanasev V. G.* Sotsialnaya informatsiya (Social Information). Moskva, 1994. 199 p. (In Russ)
3. *Bahtin M. M.* Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukakh. Opyit filosofskogo analiza (The Problem of Text in Linguistics, Philology and the Humanities. Experience of Philosophical Analysis). *M. M. Bahtin. Literaturno-kriticheskie stati.* Moskva, 1986. P. 473–500. (In Russian)
4. *Blauberger I. V.* Problema tselostnosti i sistemnyiy podhod (The Problem of the Integrity and Systematic Approach). Moskva, 1997. 450 p. (In Russian)
5. *Bogdanov A. A.* Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka: v 2 kn. (Tectology. The General Organizational Science). Moskva, 1989. Kn. 1. 304 p. (In Russian)
6. *Bogdanov A. A.* Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka: v 2 kn. (Tectology. The General Organizational Science). Moskva, 1989. Kn. 2. 351 p. (In Russian)
7. *Vernadskiy V. I.* Biosfera i noosfera (Biosphere and Noosphere). Moskva, 2004. 576 p. (In Russian)
8. *Elmееv V. Ya.* Vosproizvodstvo obschestva i cheloveka (The Reproduction of Society and Human). Moskva, 1988. 235 p. (In Russian)
9. *Kolin K. K.* Rossiya i mir na puti k informatsionnomu obschestvu (Russia and the World on the Way to an Information Society). *Otkryitoe obrazovanie.* 2006. No. 4 (57). P. 89–96. (In Russian)
10. *Kochergin A. N.* Informatsiya kak ispolzuemaya opredelyonnost (Information as the Use of Certainty). *Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo industrialnogo universiteta.* 2008. No. 4(13). P. 18–25. (In Russian)
11. *Kochergin A. N.* Informatsiogenez kak protsess porozhdeniya informatsii (Informatsiogenez as the process of generating the information). *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2011. No. 1. P. 221–235. (In Russian)
12. *Mayntser K.* Slozhnost i samoorganizatsiya (Complexity and Self-Organization). *Voprosy filosofii.* Moskva, 1997. No. 3. P. 48–61. (In Russian)
13. *Makar S. V.* Osnovy ekonomiki prirodopolzovaniya (Fundamentals of Environmental Economics). Moskva, 1998. 192 p. (In Russian)
14. *Nikolis G., Prigozhin I.* Samoorganizatsiya v neravnovesnykh sistemakh (Self-Organization in Nonequilibrium Systems). Moskva, 1979, 512 p. (In Russian)
15. *Peregudov F. I., Tarasenko F. P.* Vvedenie v sistemnyiy analiz (Introduction to System Analysis). Moskva, 1989. 360 p. (In Russian)
16. *Rovinskiy R. E.* Sinergetika i protsessy razvitiya slozhnykh sistem (Synergetics and Processes of Development of Complex Systems). *Voprosy filosofii.* 2006. No. 2. P. 162–169. (In Russian)
17. *Savkin N. S.* Sotsialnoe poznanie (Social Cognition). Saransk, 2002. 64 p. (In Russian)
18. *Sadovskiy V. N.* Osnovaniya obshchey teorii sistem: Logiko-metodologicheskiy analiz (Foundations of the General Theory of Systems: Logical-Methodological Analysis). Moskva, 1974. 279 p. (In Russian)
19. *Somkin, A. A.* Sistemnyiy podhod i aktualnyie problemyi sovremennogo obrazovaniya (filosofskiy analiz) (System Approach and Actual Problems of Modern Education (Philosophical Analysis)). *Integratsiya obrazovaniya: nauch.-metod. zhurn.* 2008. No. 2 (51). P. 107–112. (In Russian)
20. *Somkin A. A.* Uchenie A. Dzh. Baama o tselostnoy lichnosti i sovremennom obschestve (The doctrine of A. J. Bahm on the whole personality and modern society). Saransk, 2008. 84 p. (In Russian)
21. *Somkin A. A.* Integrativnyie protsessy v sovremennom nauchnom poznanii (na puti k novoy paradigme) (Integrative Processes in Modern Scientific Knowledge (on the Way to a New Paradigm)). *Gumanitariy : aktualnyie problemyi gumanitarnoy nauki i obrazovaniya.* 2009. No. 8. P. 147–153. (In Russian)

22. *Somkin A. A.* Tselostnaya lichnost i sotsium: edinstvo i oppozitsionnost (The Integrated Personality and Society: Unity and Oppositeness). Saransk, 2010. 292 p. (In Russian)
23. *Somkin A. A., Somkina A. N.* Paradigmalnyi podhod v sovremennoy filosofii (Paradigmatic Approach in Modern Philosophy). *Nauka i kultura Rossii*. 2014. T. 1. P. 115–117. (In Russian)
24. *Stahovskaya N. S.* O strukturnom i funktsionalnom statuse kulturyi v sotsialnoy sisteme (On the Structural and Functional Status of Culture in the Social System), *Sistemnyie issledovaniya. Metodologicheskie problemyi*. Ezhegodnik. 2001. Moskva, 2003. P. 334–359. (In Russian)
25. *Uyomov A. I. Shtakser G. V.* K probleme postroeniya izmeritelnoy shkalyi dlya opredeleniya stepeni tselostnosti sistem (To the problem of constructing a measuring scale for determining the degree of integrity of systems). *Sistemnyie issledovaniya. Metodologicheskie problemyi*. Ezhegodnik. 2002. Moskva, 2004. P. 7–33. (In Russian)
26. *Ursul A. D.* Globalnyie protsessyi, bezopasnost i ustoychivoe razvitiye (Global Processes, Security and Sustainable Development). *Vek globalizatsii*. 2008. No. 1. P. 17–22. (In Russian)
27. *Frolov D. E., Malkin V. I.* Aktivnost lichnosti studenta (aksiologicheskaya kontseptsiya v kompleksnom sotsiologicheskom issledovanii) (Activity of the Student's Personality (Axiological Concept in a Complex Sociological Study)). Moskva, 1994. 383 p. (In Russian)
28. *Yudin E. G.* Sistemnyiy podhod i printsip deyatelnosti: Metodologicheskie problemyi sovremennoy nauki (System Approach and Principle of Activity: Methodological Problems of Modern Science). Moskva, 1978. 392 p. (In Russian)
29. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York, 1973. 875 p. (In English)
30. *Bertalanffy L. von.* General Systems Theory: Foundations, Development, Applications. London, 1971. XXII – 311 p. (In English)
31. *Maturana H. K., Varela F. O.* Autopoiesis and cognition: the realization of the living. Dordrecht, Holland; Boston, 1980. 141 p. (In English)
32. *Sharov A. A.* Biosemiotics: a functional-evolutionary approach to the analysis of the sense of information. *Biosemiotics: The Semiotic Web*. Berlin, 1991. P. 345–373. (In English)
33. *Toffler A.* The Third Wave. New York, 1991. 544 p. (In English)
34. *Touraine A.* Production de la societe. Paris, 1993. 467 p. (In English)

Поступила в редакцию 18 июня 2017 г.

Сведения об авторе

Сомкин Александр Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. Сфера научных интересов: социальная философия, концепция целостной личности. Автор более 150 научных и учебно-методических публикаций. ORCID <http://orcid.org/0000-0003-1962-9725>.

Тел.: 8-927-19-52-249

E-mail: alexsomkin@mail.ru

About the author

Somkin Aleksander Alekseevich – doctor of philosophical sciences, professor of the department of English language for professional communication of Ogarev Mordovia State University. Research interests: social philosophy, the conception of the integrated personality. The author of more than 150 scientific publications. ORCID <http://orcid.org/0000-0003-1962-9725>.

Tel.: 8-927-19-52-249

E-mail: alexsomkin@mail.ru

Психология

Psychology

ISSN 2078-9823

УДК 159.953

С. Н. Никишов¹, И. С. Осипова², Е. Г. Пронькина³

¹ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», Саранск, Россия, e-mail: serg-n79@yandex.ru

²ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», Саранск, Россия, e-mail: isosipova@yandex.ru

³ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», Саранск, Россия, e-mail: epronkina94@mail.ru

ФАКТОРЫ ВЕРБАЛЬНОГО ВЫРАЖЕНИЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Статья посвящена рассмотрению проблемы выражения автобиографических воспоминаний в речевом общении, которая лежит в плоскости сразу нескольких областей психологии: психологии памяти, психологии личности и психологии общения. Субъект, повествуящий о своей жизни, обращается к содержанию автобиографической памяти, которая рассматривается как подсистема долговременной памяти, оперирующая воспоминаниями о лично значимых событиях и состояниях. Автобиографическая память существует в виде автобиографического рассказа. Авторы статьи исследуют такой аспект проблемы, как факторы, оказывающие влияние на осуществление автобиографического рассказа. К таким факторам относят: особенности субъекта выражения (возраст, пол, этническая принадлежность, личностные особенности и др.), особенности адресата выражения (возраст, пол, функциональные характеристики и др.), особенности ситуации взаимодействия. Данные особенности отражаются как на количественных, так и на качественных характеристиках автобиографического рассказа. Особо подчеркивается сложность выражения автобиографических воспоминаний, которая может быть связана с внутриличностными барьерами, недостаточным словарным запасом, спецификой функционирования автобиографической памяти. Отмечается важность изучения проблемы для практики, поскольку адекватное выражение автобиографических воспоминаний способствует личностному здоровью и психологическому благополучию.

Ключевые слова: автобиографическая память, автобиографические воспоминания, автобиографический рассказ, выражение, речь, личность, общение.

Для цитирования: Никишов С. Н., Осипова И. С., Пронькина Е. Г. Факторы вербального выражения автобиографических воспоминаний // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2017. – № 3. – С. 78–87.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-36-01038 «Автобиографическая память: возрастные, гендерные и личностные особенности».

© Никишов С. Н., Осипова И. С., Пронькина Е. Г., 2017

AUTOBIOGRAPHICAL MEMORIES: FACTORS OF VERBAL EXPRESSION

The article is devoted to the problem of the expression of autobiographical memories in speech communication. Today this problem centers around such fields of psychology as psychology of memory, personality psychology, communication psychology. The subject, who tells about his life, appeals to the content of autobiographical memory. The autobiographical memory is construed as long-term memory subsystem, which operates the memories about of significant events and states for personality. Autobiographical memory is the form of autobiographical narrative. The authors analyze such aspect of the problem as factors affecting to the autobiographical narrative. These factors include: the characteristics of subject (age, gender, ethnicity, personality traits, etc.), the characteristics of recipient (age, gender, functional characteristics etc.), the characteristics of interaction situation. These characteristics are reflected both in quantitative and qualitative peculiarities of autobiographical narrative. The authors emphasize the complexity of autobiographical memories expression, which may be associated with intrapersonal barriers, lack of vocabulary, the specificity of autobiographical memory functioning. The study of the problem is very important for practice. Relevant expression of autobiographical memories promotes personal health and psychological well-being.

Keywords: autobiographical memory, autobiographical memories, autobiographical story, expression, speech, personality, communication.

For citation : Nikishov Sergey N., Osipova Irina S., Pronkina Elena G. Autobiographical memories: factors of verbal expression. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Humanitarian : actual problems of the humanities and education. 2017. No. 3. P. 78–87.

Acknowledgements: The study was funded by Russian Foundation for Humanities upon grant No. 16-36-01038 «Autobiographical memory: age peculiarities, gender differences, personal characteristics».

Введение

Вопрос, который рассматривается в данной статье, лежит в плоскости психологии памяти, психологии личности и психологии общения. Так как автобиографическая память существует в «повествовательной» форме, в форме автобиографического рассказа, и эпизод не становится достоянием памяти человека до тех пор, пока он не выражен в слове, то особого внимания заслуживает проблема вербального выражения автобиографических воспоминаний, а точнее вербального выражения автобиографических воспоминаний для Другого.

Важность изучения данной проблемы велика как для науки, поскольку позволяет выделить новое поле для исследования,

так и для практики, поскольку выражение воспоминаний способствует психологическому здоровью и благополучию, а их подавление, в частности негативных воспоминаний, еще больше усиливает отрицательно эмоционально окрашенные состояния. Кроме того, в связи важностью вопроса формирования и развития психологической культуры личности, проблемы повышения уровня развития умений и навыков выражения автобиографических воспоминаний, встает необходимость разработки специальных программ по обучению выражению воспоминаний, о чем еще много лет назад писал знаменитый адвокат А. Ф. Кони, говоря о необходимости введения в школах «преподавания о воспоминании» [13, с. 683].

Методы

Методологическими и теоретическими предпосылками исследования выступили: научные идеи и факты У. Найссера, М. Конвея, Б. Росса, Дж. Робинсона, Дж. Кулика, Э. Тульвинга, касающиеся феноменологии, функций и закономерностей функционирования автобиографической памяти; концепция автобиографической памяти как высшей психической функции В. В. Нурковой; понятие об общении как субъект-субъектном взаимодействии (А. А. Бодалев, Г. М. Андреева, Л. А. Петровская, К. М. Романов, А. У. Хараш); представление о самораскрытии как личностной представленности человека в общении (S. Jourard, P. Lasakow, P. Cozby, V. Derlega, J. Berg).

В качестве основного метода исследования выступил метод теоретического анализа литературы по проблемам общения, самораскрытия в общении, функционирования автобиографической памяти.

Результаты

Выражение психического состояния это одна из важнейших функций общения и, одновременно, одна из личностных потребностей субъекта. Она актуализируется в личностно значимых ситуациях и выражается в актах представления Другому (Другим) содержания собственной психической жизни, которые ориентированы на получение подтверждения и принятия со стороны Другого (Других) [19].

Выражение в речевой форме автобиографических воспоминаний для Другого, можно рассматривать как представление Другому (Другим) содержания воспоминаний, с целью получения подтверждения и принятия со стороны Другого (Других). Представить содержание собственного воспоминания задача сложная. Во-первых, потому что некоторые воспоминания носят интимный характер и рождают внутриличностные барьеры, препятствующие его выражению: «В этот час и наш герой, – потому уж позвольте мне, Настенька, рассказывать

в третьем лице, затем что в первом лице все это ужасно стыдно рассказывать...» [10, с. 130–131]. Во-вторых, потому что человек не владеет достаточным словарным запасом, необходимым для такого описания воспоминания, которое бы стало понятно Другому. Случается, что автобиографический рассказ не может состояться, потому что человек не может грамотно его развернуть, используя разнообразные языковые средства. Это приводит к неправильному пониманию его со стороны собеседника. В-третьих, потому что некоторые события плохо сохранились в памяти, например из-за их недостаточного повторения или намеренного вытеснения. Например мы не можем вспомнить и описать какой-нибудь обычный день из нашего не очень далекого прошлого, или наша память хранит больше информации о положительных событиях, потому что отрицательные события из жизни мы стараемся забыть.

Еще одним важным моментом, о котором хотелось бы сказать отдельно, является то, что воспроизводя какое-либо событие из нашего прошлого, мы постоянно видоизменяем его, вносим какие-либо детали, обобщаем, меняем отношение к нему. В. М. Аллахвердов отмечает, что осознанные человеком конструкты постоянно приходится корректировать [1, с. 28]. Г. Эббингауз, подчеркивает, что воспоминания людей редко воспроизводят то многообразие, с которым они были пережиты в реальности; они носят только приблизительный характер [22]. Меняется человек, меняются и его автобиографические воспоминания, а значит, меняется содержательно автобиографический рассказ.

Исследователи рассматривают три группы факторов, детерминирующих процессы самораскрытия в общении: особенности субъекта выражения, особенности адресата и особенности ситуации взаимодействия. Существенное влияние на выражение автобиографических воспоминаний могут оказывать такие особенности субъекта, как

возраст, пол, этническая принадлежность, личностные особенности и т. д.

Наши исследования показывают, что практически для всех возрастных групп «пик воспоминаний» приходится на актуальный возраст, за исключением пожилых людей, у которых «пик воспоминаний» приходится не на пожилой возраст, а на период средней зрелости [16]. Это говорит о том, что большее количество возрастных групп чаще всего вспоминают и могут вербализовать автобиографические воспоминания о событиях из относительно недалекого для них прошлого. Но в одной возрастной группе у них будет больше выражена потребность рассказать о таких событиях, а в другой меньше, поскольку это будет связано с возрастными особенностями самораскрытия.

Т. Н. Курилова отмечает, что потребность в выражении себя, своего внутреннего мира развивается у человека в ходе познания и социального общения [14]. Е. В. Зинченко подчеркивает, что увеличение интенсивности самораскрытия и его переключение с родственников на сверстников происходит в процессе взросления ребенка – от дошкольного к старшему школьному возрасту [11, с. 87]. Интенсивность самораскрытия в зрелом возрасте, по сравнению с юношеским, практически не меняется, а вот в пожилом, в связи с выходом на пенсию и переживанием чувства одиночества, вновь интенсивность самораскрытия возрастает. Ф. Генауд и К. Шнарленбергер считают, что это происходит из-за ухудшения здоровья и возрастающей неуверенности в собственных силах [8].

Проблематика гендерных различий в изучении автобиографической памяти также, как и в вопросе особенностей самораскрытия мужчин и женщин, носит весьма актуальный характер, вместе с тем ученые представляют противоречивые результаты исследований. Бесспорно то, что автобиографические повествования у женщин более эмоциональные и яркие (причем независимо от знака эмоций:

женщины воспроизводят более позитивные и более негативные воспоминания), чем у мужчин. Да и стремление выговориться и исповедоваться больше свойственно женщинам (исследования О. Брушлинской и И. Воскресенского подчеркивают высокую эмоциональность представительниц женского пола, их выраженную потребность в поддержке, и как следствие, стремление выговориться, исповедоваться [5]). Между тем следует, скорее, говорить не о том, в каких объемах происходит самораскрытие или о том, у кого чаще возникает данная потребность, а о том, что мужчины и женщины по-разному кодируют сообщения в процессе общения.

Пристальное внимание на проблему гендера с лингвистической точки зрения обращали такие зарубежные ученые, как Ф. Маутнер, О. Есперсен, У. Лабов, П. Традгилл, Р. Лакофф и др. Можно говорить о существовании особенностей в мужском и женском речевом поведении, которые могут быть объяснены различными факторами социально-культурологического характера. П. Традгилл отмечает, что женщины склонны использовать более престижные варианты произношения. Они, в отличие от мужчин, стремятся повысить свое место в социальной иерархии общества [26]. Идею о правильности женской речи, выдвинутую У. Лабовым, подтверждают своими исследованиями С. У. Филипс и А. Рейнолдс, замечая, что речь мужчин содержит больше сокращений, чем женская [24]. Отечественные лингвисты и социолингвисты, в частности Е. И. Горошко, отмечают, что на характер и частоту различий между мужской и женской речью влияют такие факторы, как возраст, образование, язык, стресс, изолированность от общества [9].

В целом же в ассоциативном поведении полов больше сходства, чем различия [3]. Эту идею в своем исследовании подтверждает Е. А. Бабенкова, которая изучая гендерный фактор в поэтическом тексте, приходит к выводам о том, что:

а) не прослеживается закономерность в расслоении поэтических тем на мужские и женские, но существуют специфические методы трактовки разных тем авторами мужчинами и женщинами;

б) гендерные различия в построении текстового содержания с течением времени уменьшаются, что может быть частично объяснено фактом развития феминистского движения в мире;

в) наиболее эффективное выделение гендерных признаков осуществляется с учетом фактора авторской индивидуальности. При исследовании гендерного фактора в текстовой эмоциональности отмечается не свойственность ему четких типологических характеристик. Эмоциональность реализуется в русле индивидуальности [2].

Личностные характеристики также влияют на процесс воспроизведения автобиографических воспоминаний для Другого. Е. В. Зинченко отмечает, что существует положительная корреляционная связь между экстраверсией и открытостью, а интроверты испытывают трудности в процессе общения и взаимодействия [11]. Г. Ю. Масоловой было обнаружено, что испытуемые, часто обращающиеся к событиям собственного детства, характеризуются низким уровнем самопринятия и саморукводства [15]. Низкая степень открытости в социальных контактах, по мнению Е. В. Зинько, является следствием нереалистичной самооценки и уровня притязаний, сопряженных с выраженным понижением уверенности в себе, стратегией подчинения во взаимодействии с окружающими [12].

Большое влияние на разнообразные аспекты нашей жизни и психики оказывает культура. Не исключением является и автобиографическая память. Люди, являющиеся представителями различных культурных групп, по-разному выражают радость и страдание, любовь и ненависть, для них время течет по-разному, по-разному представляются мир и люди,

живущие в нем. Так, авторский коллектив в составе М. Л. де ла Мата Бенитеса, А. Сантамарии, Л. Руис и Т. Хенсен отмечает наличие культурных различий при выборе способа нарративной организации личных воспоминаний [23]. К. Н. Василевская подчеркивает, что при проведении сравнительного исследования мысленных воспроизведений взрослых американцев европейского и китайского происхождения обнаруживаются значительные различия в их содержании. Например, было выявлено, что американцы в своих рассказах заостряют внимание на своих переживаниях, а китайцы большое внимание уделяют социальным контактам и «значимым другим» [6]. А. Торн выяснил, что американские слушатели отдадут предпочтение историям, в которых извлечение «жизненного урока» описывается с позиции победителя, а не побежденного [25]. В российской культуре, наоборот, сильна «жалобная» традиция, которая, по мнению Е. В. Николаенко, представляет собой этноспецифическое средство, которое упорядочивает негативный жизненный материал (опыт переживания человеком социально и психологически трудных событий, ситуаций и состояний) в дискурсивной практике [17].

Процесс общения и самораскрытия находится и под влиянием особенностей адресата выражения (пол, возраст, социальный статус, функциональные характеристики и т. п.).

Исследования, проведенные М. В. Бородиной, свидетельствуют о том, что существуют различия в содержании мотивации самораскрытия лицам разных возрастных групп. Самораскрытие юношей и девушек по отношению к родителям носит ярко выраженный деловой характер, а по отношению к сверстникам может быть как исповедальным, так и развлекательным [4]. Т. П. Скрипкина отмечает, что для обсуждения планов на жизнь и способов их осуществления юноши и девушки предпочитают

обращаться к отцу, для решения житейских проблем – к матери; для обсуждения досуга, поиска понимания и сочувствия – к друзьям; к учителю обращаются, чтобы поведать о планах в учебе или будущей работе [20].

Многочисленные исследования убеждают нас в том, что женщины обладают большими способностями, в отличие от мужчин, вызвать человека на самораскрытие. Это делает женщин более привлекательными собеседниками в процессе самораскрытия, осуществления автобиографического рассказа. Они смогут выслушать, посочувствовать, дать совет.

Наши переживания, по мнению Ф. Е. Василюка, получают возможность «освобождать переорганизацию», если человек находит того собеседника, кто способствует этому «освобождению» [7]. Адресат выражения должен обладать так называемыми функциональными характеристиками: вовлеченность – невовлеченность; зависимость – независимость слушателя от говорящего или говорящего от слушающего; этическая объективность; эмоциональная отзывчивость; принятие.

Помимо особенностей субъекта и адресата выражения, на процесс самораскрытия влияет и специфика обстановки, в которой происходят общение и взаимодействие. Так, весьма важно для реализации самораскрытия то, как люди расположены в пространстве в процессе общения (смотрят или не смотрят друг на друга, на каком расстоянии находятся друг от друга и т. п.), в какое время происходит взаимодействие (утро, день, вечер, ночь), как долго оно длится. А. П. Чехов в рассказе «О любви» так описывает обстановку, способствующую выражению автобиографического рассказа главного героя: «Было похоже, что он хочет что-то рассказать... Теперь в окна было видно серое небо и деревья, мокрые от дождя, в такую погоду некуда было деваться и ничего больше не оставалось, как только рассказывать и слушать» [21, с. 5].

Обсуждение

Выражение в речевой форме автобиографических воспоминаний для Другого, можно рассматривать как представление Другому (Другим) содержания воспоминаний, которое может осложняться различными факторами: внутриличностными барьерами, бедным словарным запасом, спецификой функционирования автобиографической памяти.

Особенности субъекта выражения, такие, как возраст, пол, этническая принадлежность, личностные особенности, будут оказывать влияние на выражение автобиографического воспоминания. Возрастные различия осуществления автобиографического рассказа будут проявляться в его объемах (потребность в самораскрытии имеет возрастные особенности проявления), а также качественных характеристиках, связанных с особенностями развития речи, мышления и самосознания субъекта выражения. Гендерные особенности выражения автобиографических воспоминаний связаны с особенностями кодировки сообщения, которая отличается у мужчин и женщин. Культурные различия прослеживаются при выборе способа нарративной организации личных воспоминаний. Личностные особенности связаны со стилями выражения внутреннего мира, зависимыми от типа темперамента, уровня самооценки и уровня притязаний.

Особенности адресата выражения такие, как возраст, пол, функциональные характеристики, также будут оказывать влияние на выражение автобиографического воспоминания. Для каждой ситуации взаимодействия и представления автобиографического воспоминания для Другого нужны различные сочетания половых, гендерных и функциональных характеристик этого Другого. Адресат должен стать понимающим собеседником, гибким в общении, умеющим учитывать индивидуальные особенности субъекта выражения,

способствуя его самораскрытию в общении.

Особенности ситуации взаимодействия, выражающейся в правильной организации пространства и времени, важное условие разворачивания автобиографического рассказа.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что автобиографический рассказ, являющийся, по мнению В. В. Нурковой, одной

из самых распространенных единиц общения [18], может быть рассмотрен как выражение автобиографического воспоминания для Другого, на содержание и структуру которого могут оказывать влияние особенности субъекта выражения (возраст, пол, этническая принадлежность, личностные особенности и т. д.), особенности адресата (пол, возраст, социальный статус, функциональные характеристики и т. п.), особенности ситуации взаимодействия.

Библиографический список

1. *Аллахвердов В. М.* Двенадцать заповедей психологии // *Аллахвердов В. М., Агафонов А. Ю., Вишнякова Е. А.* [и др.]. Экспериментальная психология познания. Когнитивная логика сознательного и бессознательного. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. – С. 22–30.
2. *Бабенкова Е. А.* Гендерный фактор в поэтическом тексте. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – 108 с.
3. *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социоллингвистика. – М. : Российский гуманитарный университет, 2001. – 439 с.
4. *Бородина М. В.* Мотивация самораскрытия личности в юношеском возрасте : дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2001. – 234 с.
5. *Брушлинская О.* Женщина, семья, религия // *Человек один не может / сост. И. М. Ачильдиев.* – М. : Совет. Россия, 1989. – С. 150–159.
6. *Василевская К. Н.* Индивидуально-типологические особенности автобиографической памяти : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2008. – 26 с.
7. *Васильюк Ф. Е.* Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования). – М. : Смысл, 2005. – 191 с.
8. *Генауд Ф., Шнаренбергер К.* Межличностная близость и старение или пожилые люди и их отношения // *Реферативный журнал.* – 1995. – № 1. – С. 17.
9. *Горошко Е. И.* Особенности мужского и женского вербального поведения (психоллингвистический анализ) // *Гендер: язык, культура, коммуникация : материалы первой междунар. конф.* – М., 1999. – С. 34–35.
10. *Достоевский Ф. М.* Бедные люди; Белые ночи; Неточка Незванова; Униженные и оскорбленные / вступ. ст. П. А. Николаева. – М. : Худож. лит., 1986. – 591 с.
11. *Зинченко Е. В.* Самораскрытие и его обусловленность социально-психологическими и личностными факторами : дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2000. – 256 с.
12. *Зинько Е. В.* Особенности межличностного общения при различных формах сочетания самооценки и притязаний по параметру адекватности // *Общение – 2006: на пути к энциклопедическому знанию : материалы конф. / Психологический институт РАО.* – М. : Академия имиджологии, 2006. – С. 235–245.
13. *Кони А. Ф.* Память и внимание // *Психология внимания / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова.* – М. : ЧеРо, 2001. – С. 672–716.
14. *Курилова Т. Н.* Характеристика самовыражения // *Вопросы самовоспитания и самообразования.* – Рязань : БИПИ, 1976. – С. 153–156.
15. *Масолова Г. Ю.* Воспоминания о детстве и психологические характеристики личности // *Материалы XII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов».* – М., 2005. – Т. 2. – С. 256–257.
16. *Никшинов С. Н., Осипова И. С.* К вопросу о функционировании автобиографической памяти людей пожилого возраста // *Российский научный журнал.* – 2014. – № 3 (41). – С. 119–124.
17. *Николаенко Е. В.* Психологическая интерпретация феномена жалобы в русской культуре: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2008. – 25 с.

18. *Нуркова В. В.* Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода // Развитие личности. – 2010. – № 1. – С. 74–92.
19. *Осипова И. С.* Вербальные способы выражения психического состояния в юношеском возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2009. – 24 с.
20. *Скрипкина Т. П.* Доверительность в отношениях с окружающими как специфическая характеристика общения в ранней юности // Общение и формирование личности школьника. – М. : Педагогика, 1987. – 152 с.
21. *Чехов А. П.* О любви. – М.: Азбука-классика, 2012. – 384 с.
22. *Эббингауз Г.* Смена душевных образований // Психология памяти / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – С. 224–230.
23. *Mata Benitez M. L. de la, Santamaria Santigosa A., Ruiz Ramos. L., Hansen Tia G. B.* Autobiographical memory, narrative and self-construal. A cross-cultural study // Revista Mexicana de Psicologia. – 2011. –Vol. 28 (2). – P. 183–191.
24. *Philips S. U., Reynolds A.* The interaction of variable syntax and discourse structure in women's and men's speech // Language, gender and sex in comparative perspective. – Cambridge University Press, 1988. – P. 71–94.
25. *Thorne A.* Putting the person into social identity // Human Development. – 2004. – Vol. 253. – P. 1–5.
26. *Trudgill P.* Sociolinguistics. An Introduction. – Middlesex, 1974. – 184 p.

References

1. *Allahverdov V. M.* Dvenadcat' zapovedej psihologiki (Twelve Commandments of Psychologic), (Allahverdov V. M., Agafonov A.Yu., Vishnyakova E.A. and others. Experimental Psychology of Cognition. Cognitive Logic of the Conscious and the Unconscious). Saint Petersburg, 2006. P. 22–30. (In Russian)
2. *Babenkova E. A.* Gendernyj faktor v poeticheskom tekste (The Gender Factor in the Poetic Text). Saransk, 2003. 108 p. (In Russian)
3. *Belikov V. I., Krysin L. P.* Sociolingvistika (Sociolinguistics). Moskva, 2001, 439 p. (In Russian)
4. *Borodina M. V.* Motivaciya samoraskrytiya lichnosti v yunosheskom vozraste: dis. ...kand. psihol. nauk (Motivation of Self-Disclosure of a Person in Adolescence: dissertations of a candidate of psychological sciences). Rostov-na-Donu, 2001. 234 p. (In Russian)
5. *Brushlinskaya O., Voskresenskij I.* Zhenshchina, sem'ya, religiya (Woman, Family, Religion). Chelovek odin ne mozhet (A Person Can Not Exist Alone). Sost. I. M. Achil'skiy; diev. Moskva, 1989, P. 150–159. (In Russian)
6. *Vasilevskaya K. N.* Individual'no-tipologicheskie osobennosti avtobiograficheskoy pamyati : avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk (Individual-Typological Features of Autobiographical Memory: the author's abstract of dissertations of the candidate of psychological sciences). Moskva, 2008, 26 p. (In Russian)
7. *Vasilyuk F. E.* Perekhivanie i molitva (opyt obshchepsihologicheskogo issledovaniya) (Experience and Prayer (Experimental of General Psychological Research). Moskva, 2005. 191 p. (In Russian)
8. *Genaud F., Shnarenberger K.* Mezhlichnostnaya blizost' i starenie ili pozhilye lyudi i ih otnosheniya (Interpersonal Intimacy and Ageing or Older People and Their Relationships), Referativnyj zhurnal. 1995. No. 1. P. 17. (In Russian)
9. *Goroshko E. I.* Osobennosti muzhskogo i zhenskogo verbal'nogo povedeniya (psiholingvisticheskij analiz) (Features of Male and Female Verbal Behavior (Psycholinguistic Analysis). Gender: yazyk, kul'tura, kommunikaciya. Materialy pervoj mezhdunarodnoj konferencii. Moskva, 1999. P. 34–35. (In Russian)
10. *Dostoevskij F. M.* Bednye lyudi; Belye nochi; Netochka Nezvanova; Unizhennyye i oskorblennyye (Poor Folk, White nights, Netochka Nezvanova, The Insulted and Humiliated), Vstup. st. (Introductory article) P. A. Nikolaeva. Moskva, 1986. 591 p. (In Russian)
11. *Zinchenko E. V.* Samoraskrytie i ego obuslovlennost' social'nymi faktorami: dis. ...kand. psihol. nauk (Self-Disclosure and its Dependence of Social-Psychological and Personal Factors: the dissertation of the candidate of psychological sciences). Rostov-na-Donu, 2000. 256 p. (In Russian)

12. Zin'ko E. V. Osobennosti mezhluchnostnogo obshcheniya pri razlichnyh formah sochetaniya samoocenki i prityazaniy po parametru adekvatnosti (The Features of Interpersonal Communication in Various Forms of Combining Self-Esteem and Aspiration on the Adequacy Parameter). Obshchenie – 2006: na puti k ehnciklopedicheskomu znaniyu: Materialy konferencii 19–21 oktyabrya 2006. Psihologicheskij institut RAO (Communication-2006: On the Way to Encyclopedic Knowledge: Conference materials October 19–21, 2006. Psychological Institute of the Russian Academy of Education). Moskva, 2006. P. 235–245. (In Russian)
13. Koni A. F. Pamyat' i vnimanie (Memory and Attention), Psihologiya vnimaniya (Psychology of Attention). Moskva. P. 672–716. (In Russian)
14. Kurilova T. N. Harakteristika samovyrazheniya (Characteristic of Self-Expression), Voprosy samovospitaniya i samoobrazovaniya, Ryazan. 1976. P. 153–156. (In Russian)
15. Masolova G. YU. Vospominaniya o detstve i psihologicheskie harakteristiki lichnosti (Memories of Childhood and Psychological Characteristics of a Person), Materialy XII Mezhdunarodnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh «Lomonosov». T. 2. (Materials of the XII International Conference of Students, Graduate Students and Young Scientists «Lomonosov». Volume 2). Moskva, 2005. P. 256–257. (In Russian)
16. Nikishov S. N., Osipova I. S. K voprosu o funkcionirovanii avtobiograficheskoy pamyati lyudej pozhilogo vozrasta (To the Question of the Autobiographical Memory Functioning in Elderly), *Rossijskij nauchnyj zhurnal*. 2014. No. 3 (41). P. 119–124. (In Russian)
17. Nikolaenko E. V. Psihologicheskaya interpretaciya fenomena zhaloby v russoj kul'ture: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk (Psychological Interpretation of the Phenomenon of Complaint in Russian Culture: the author's abstract of the dissertations of the candidate of psychological sciences). Rostov-na-Donu, 2008. 25 p. (In Russian)
18. Nurkova V. V. Rasskazyvat' o sebe, rasskazyvat' sebya, rasskazyvat' soboj: avtobiograficheskij narrativ s pozicij kul'turno-deyatelnostnogo podhoda (Tell About Yourself, Tell Yourself: Autobiographical Narrative From the Standpoint of Cultural-Activity Approach), *Razvitie lichnosti*. 2010. No. 1. P. 74–92. (In Russian)
19. Osipova I. S. Verbal'nye sposoby vyrazheniya psihicheskogo sostojaniya v junosheskom vozraste: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk (Verbal Ways of Expression the Psychological State in Adolescence: the author's abstract of the dissertations of the candidate of psychological sciences). Moskva, 2009. 24 p. (In Russian)
20. Skripkina T. P. Doveritel'nost' v otnosheniyah s okruzhayushchimi kak specificheskaya harakteristika obshcheniya v rannej yunosti (Confidence in Relations with Surrounding Persons as a Specific Characteristic of Communication in Early Adolescence), Obshchenie i formirovanie lichnosti shkol'nika (Communication and Formation of the Student's Personality). Moskva, 1987. 152 p. (In Russian)
21. Chekhov A. P. O lyubvi (About love). Moskva, 2012. 384 p. (In Russian)
22. Ebbinghaus G. Smena dushevnyh obrazovanij (Change of Mental Formations), Psihologiya pamyati (Psychology of memory). Moskva, 2008. P. 224–230. (In English)
23. Mata Benitez M. L. dela, Santamaria Santigosa A., Ruiz Ramos. L., Hansen Tia G.B. Autobiographical Memory, Narrative and Self-Construal. A Cross-Cultural Study, *Revista Mexicana de Psicologia*. 2011. Vol. 28 (2). P. 183–191. (In English)
24. Philips S. U., Reynolds A. The Interaction of Variable Syntax and Discourse Structure in Women's and Men's, Language, Gender and Sex in Comparative Perspective, Cambridge University Press. 1988. P. 71–94. (In English)
25. Thorne A. Putting the Person into Social Identity. 2004. Vol. 253. P. 1–5. (In English)
26. Trudgill P. Sociolinguistics. An Introduction. Human Development. Middlesex. 1974. 184 p. (In English)

Поступила 20 февраля 2017 г.

Сведения об авторах

Никишов Сергей Николаевич – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный

университет им. Н. П. Огарёва». Сфера научных интересов: психология памяти, психология общения. Автор более 50 научных и учебно-методических публикаций. ORCID <http://orcid.org/0000-0002-1573-6825>.

Тел.: (8342) 270712

E-mail: serg-n79@yandex.ru

Осипова Ирина Станиславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва». Сфера научных интересов: психология общения, психология личности. Автор более 80 научных и учебно-методических публикаций. ORCID <http://orcid.org/0000-0001-9987-7803>.

Тел.: (8342) 270712

E-mail: isosipova@yandex.ru

Пронькина Елена Геннадьевна – магистрант 2-го года обучения направления подготовки «Психология» ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва». Сфера научных интересов: общение, личность, познавательные процессы. Автор 11 научных публикаций. ORCID <http://orcid.org/0000-0003-0204-7665>.

Тел.: (8342) 270712

E-mail: epronkina94@mail.ru

About the authors

Nikishov Sergey Nikolayevich – candidate of psychological sciences, chair of the department of psychology of Ogarev Mordovia State University, Saransk. Research interests: psychology of memory, communication psychology. The author has more than 50 scientific and educational publications. ORCID <http://orcid.org/0000-0002-1573-6825>.

Тел.: (8342) 270712, (8342) 242590

E-mail: serg-n79@yandex.ru

Osipova Irina Stanislavovna – candidate of psychological sciences, assistant of professor of the department of psychology of Ogarev Mordovia State University, Saransk. Research interests: communication psychology, personality psychology. The author has more than 80 scientific and educational publications. ORCID <http://orcid.org/0000-0001-9987-7803>.

Тел.: (8342) 270712, (8342) 242590

E-mail: isosipova@yandex.ru

Pronkina Elena Gennadyevna – student in the master's programme in psychology of Ogarev Mordovia State University, Saransk. Research interests: communication, personality, cognitive processes. The author has 11 scientific publications. ORCID <http://orcid.org/0000-0003-0204-7665>.

Тел.: (8342) 270712, (8342) 242590

E-mail: epronkina94@mail.ru

П. Д. Миничкин

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева»,
г. Саранск, Россия, e-mail: mini4ckin.paw@yandex.ru

ИСТОКИ СИМВОЛИЗМА В ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена раскрытию истоков символизма как направления в философии, литературе, культуре в целом для выяснения сущности этнической культуры. Автором принята попытка научной разработки понятия символа с учетом мифологических представлений, накопленного опыта европейской и американской философии в исследовании сущности и смысла знаков, символов, знаков-символов, романтизма, теории русского символизма. Символ такой же древний, как и человеческое сознание. Его осмысление проходит сложную эволюцию. Начало заложено в мифологическом представлении. Оригинальная трактовка смысла знака представлена в творчестве американского философа Ч. У. Морриса. Взгляды Морриса нашли свое продолжение в теории знака Э. Гуссерля. Истоком символизма в культуре XIX–XX вв. стал романтизм. Но часто представление человека о роли изначального замысла, который он закладывает в некий объект и дальнейший процесс переосмысления понятия (опредмечивание-распредмечивание), оказывается исключительным участником на этом смысловом поле. Символические представления человека и общества в процессе исторического развития наполняются изменяющимся или новым смыслом. Для прочтения истинного смысла в символе следует учитывать множество факторов, структурированных в «символическом поле» этнической культуры.

Ключевые слова: культура, этническая культура, миф, символ, смысл, знак, романтизм, символизм, идентификация, опредмечивание-распредмечивание

Для цитирования: Миничкин П. Д. Истоки символизма в этнической культуре // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2017. – № 3. – С. 88–95.

Pavel D. Minichkin

Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia
e-mail: mini4ckin.paw@yandex.ru

ORIGINS OF SYMBOLISM IN ETHNIC CULTURE

The article is devoted to the origins of symbolism as a whole in the direction of philosophy, literature and culture in general to clarify the nature of ethnic culture. The author attempts to develop scientific concepts taking into account the character of mythological concepts, experience of European and American philosophy in the research of the essence and meaning of signs, symbols, characters, symbols, Romanticism, Russian symbolism theory. The symbol is as old as human consciousness. Its comprehension goes complex evolution. The beginning was founded in the mythological representation. The original interpretation of the sign meaning is represented in the work of the American philosopher Charles W. Morris. Morris's looks found their continuation in Husserl's theory of sign. Romanticism became the origin of the symbolism in the culture of XIX–XX centuries. But often the person's representation about the role of the original plan, which he lays in an object and further the process of rethinking the notion (objectification-disobjectification), is the exclusive participant at this semantic field. Symbolic representation of the individual and society in the process of historic development are filled with changing or new

© Миничкин П. Д., 2017

meaning. To read the true meaning of the symbol should be taken taking into account many factors. It sounds the idea of «symbolic» field.

Keywords: culture, ethnic culture, myth, symbol, meaning, sign, romanticism, symbolism, identity, objectification-disobjectification

For citation: Minichkin Pavel D. Origins of symbolism in ethnic culture. Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Humanitarian : actual problems of the humanities and education. 2017. No. 3. P. 88–95.

Введение

Специфика этнической культуры – одна из самых мало исследуемых проблем отечественной культуры, прежде всего ее особенность в мифологических основаниях. В каждой этнической культуре есть особая форма исторического предания – миф. Он всегда присутствует как в индивидуальном, так и в общественном сознании. В мифе создается целостная картина бытия человека: в истории, мире и даже в вечности. Миф представляет собой форму социальной памяти ее носителей: этноса, нации, культурной общности, народа, государства.

В начале XXI в. возникает интерес к происхождению, своеобразию современных культур народов и этнических групп. Обращаясь к наследию народной культуры, современные люди хотят найти ответы на многие вопросы жизни, требующие решения. Культура так называемого традиционного (доиндустриального) общества позволила человеку найти гармонию с окружающим миром, прикоснуться к его таинствам, ответить на вопрос о своем месте в мире. С древности люди стремились найти такой язык, который смог бы обозначить общность, неразрывное единство вещей и явлений в окружающем их мире, полном тайн и загадок. В процессе развития мыслительной деятельности формировались обобщенные образы как логическая основа абстрактных понятий, в том числе понятие символа [10, с. 255].

Методы

Материалами для исследования послужили труды отечественных и зарубежных философов, в которых представлены взгляды на сущность и смысл знаков, символов, знаков-символов, природу мифа. При на-

писании статьи использовались следующие методы: по глубине рассмотрения темы исследования – анализ и описание, по методам сбора информации – анализ трудов различных философов.

Результаты

По мнению философа А. Ф. Лосева, миф, включающий в себя образно-символические описания действительности, представляет собой картину мира, имеющую определенную структуру, при этом ее бытийность подтверждается субъективными переживаниями. Миф играет роль веры субъекта в подлинность всего видимого и невидимого. Иными словами, миф становится мировоззрением людей определенной исторической вехи человечества [7].

М. К. Мамардашвили, характеризуя миф, считал его непротиворечивым образом культуры. «Миф, ритуал и т. д. отличаются от философии и науки тем, что мир мифа и ритуала есть такой мир, в котором нет непонятого, нет проблем...» [8, с. 13].

Миф всеобъемлющ, разнообразен, он неотъемлемая часть бытия человека. Он есть в каждой культуре. Финно-угорская культура органично вписана в систему российской культуры в целом.

Вопросам происхождения и осмысления понятий «символ» и «аллегория», начиная с античности, уделяли особое внимание представители немецкой классической философии (Г. В. Ф. Гегель, И. В. Гете, И. Кант, Ф. Шлегель и др.) [9, с. 78].

На основе их исследований немецкий философ, основатель «философской герменевтики» Г.-Г. Гадамер делает вывод, что символ – это то, что воздействует на человека не только через свое содержание, но

через свою «предъявимость». Последнее в свою очередь обозначает обнаружение того, чего нет в данный момент, но что присутствует в мире. Кроме того, мыслитель считал, что «хотя оба понятия – «аллегория» и «символ» – принадлежат к различным сферам, они близки друг другу общностью структур репрезентации чего-то через нечто иное» [1, с. 117].

Важно подчеркнуть, что с символом связана метафизическая связь видимого и невидимого. Особого внимания заслуживает место символа к эстетической культуре. Символическое обозначает бытие, в котором присутствует гармоничное сочетание идеала и внешнего выражения сущности предмета. Это характерно для произведения искусства, в нем символ – это неразрывная связь чувственного и сверхчувственного. В отличие от символа аллегория – это связь чувственного с нечувственным. Как подчеркивал И. Кант в «Критике способности суждения», символическое является изображением, а не просто обозначением. «Это понятие символического изображения – один из самых блестящих результатов мышления Канта», – заключает Г.-Г. Гадамер [1, с. 119–120].

В искусстве как части этнической культуры «символ» – универсальная эстетическая категория, сопоставимая с категориями «художественный образ» и, с другой стороны, – «знак», «аллегория». Иными словами, это знаковый образ, неисчерпаемый своей многозначностью. Два элемента органично слиты в структуре символа – предметный образ и сущностный смысл. Через каждый элемент структуры этнической культуры любое частное явление предметного и духовного мира дается картина целостного мира. Смысл символа многослоен, что и создает противоречивые «пути» его познания. Поэтому и результаты, выводы исследования символов, как правило, могут быть несовпадающими. Многое зависит от самого воспринимающего символы – знаки, т. е.

от исследователя. Смысл не дан, он – задан: он не может быть выражен однозначной логической (мыслительной) формулой. У каждой этнической общности есть свои представления о мире, что образует систему этнодифференцирующих символов [6, с. 145], играющих роль важных индикаторов этнического самосознания.

Символ такой же древний, как и человеческое сознание. Его осмысление проходит сложную эволюцию. Начало заложено в мифологическом представлении. Здесь предполагается символ как нерасчлененное тождество его формы и смысла. Уже в античной культуре (Платон, Плотин, Прокл) проявляется стремление к разным интерпретациям символа – его формы и смысла. Так, Платон разработал вторичную символическую по смыслу философскую мифологию, отвергая тем самым дофилософскую мифологию. Прокл, возражая Платону, указывал на несводимость смысла мифологического символа к логической форме. На более поздних этапах развития культуры – европейского немецкого романтизма – миф снова был отождествлен с символом как тождество идеи и образа (Шеллинг, Шлегель). И. В. Гете отходит от мистического понимания символа, считая все формы природного и человеческого творчества знаковыми символами, выражающими жизненные вечные начала.

Оригинальная трактовка смысла знака представлена в творчестве американского философа Ч. У. Морриса. Он считает, что через реакции на знаки определяется поведение человека, а значение знаков – через функционирование в качестве организатора поведения человека. Все сферы человеческой деятельности Моррис классифицирует в зависимости от типа господствующих в обществе рассуждений и формулирует основные понятия и принципы семиотики [11].

Взгляды Морриса нашли продолжение в теории знака Э. Гуссерля. По его мнению, знак как признак и знак как выражение – это

две разные вещи. Оповещение (указание) – это задача знака как признака, придание значения – задача знака как выражения. У знака-признака значения нет. Его суть состоит в том, что какие-либо предметы оповещают о существовании других определенных предметов. Убежденность в бытии одних переживается как мотивация убежденности в бытии других. Знак-выражение обращен не к факту существования чего-либо, а к значению [3]. В рассуждениях философа, «значение» = «смысл» и «знак». Таким образом, понятие «знак» отождествляется им с понятием «смысл». Э. Гуссерль считает, что значение предмета – это то же самое, что и смысл предмета.

Посредством знака или знаковой системы можно отобразить смысл. Например, А, Б, В, Г – знаки русского алфавита, TM – знак товарной марки, \$ – знак доллара. Также знак может выступать в различных видах – как знак-образ (карта, фотография, рентген-снимок), знак-признак, знак-символ (дикий козел – символ города Самары, лиса – символ г. Саранска).

Приведенные рассуждения европейских, американских философов и культурологов актуальны для нашего исследования пониманием историчности, этнических особенностей культуры, которые являются итогом рефлексии сознания и научного познания современности.

Накопленный опыт европейской и американской философии в исследовании сущности и смысла знаков, символов, знаков-символов использован нами в рассуждениях об истоках символизма как целеного направления в философии, литературе, культуре в целом, и в частности в этнической культуре.

Истоком символизма в культуре XIX–XX вв. стал романтизм. Термин «романтизм» многозначен. Нам важно подчеркнуть в его значении, что это такой тип художественного творчества, в котором главное – не воспроизведение реальности,

а ее пересоздание. Это творчество, которому свойственны фантастика, гротеск, символика. Стремление к обновлению и совершенству – основа романтического мирозерцания. Романтиков привлекали в этнической культуре народные предания, народное творчество, яркие картины природы, жизнь, быт, нравы разных стран и народов. Романтизм – наследник традиций Средневековья и Ренессанса.

Отсюда ясно, почему в различных жанрах романтического искусства огромное значение придается внутреннему, субъективному в человеке, бесконечности индивида, личности. Сущность романтизма – в интересе к тайнам движения души, интуитивному и бессознательному в личности. В романтической литературе, искусстве, театре человек – малая вселенная, микрокосмос.

Романтики (Дж. Вико, И. Г. Гердер) глубоко интересовались неповторимостью народов, их первостепенными чертами характера, духа, культуры. Бесконечности разнообразия местных, исторических особенностей романтизмом придается сущностный философский смысл – в ней усматривается богатство единого мирового целого – универсума.

Отрицанием всего обыденного, обращением к «сверхчувственному» романтизм XIX – начала XX в. (неоромантизм) стал теоретической основой символизма (в России – творчество Д. С. Мережковского, З. П. Гиппиус, Ф. К. Сологуба, А. А. Блока, Вяч. И. Иванова и др.). Многие сущностные черты романтизма были преемственно восприняты символизмом. «Символика – система символов, символизм – искусство, основанное на символах. Оно вполне утверждает свой принцип, когда разоблачает сознанию вещи как символы, а символы как мифы», – пишет Вяч. И. Иванов [5].

Обсуждение

В современном мире, на фоне быстрых изменений, в условиях глобализации, стандартизации, унификации культуры встают

предметные проблемы, связанные с непониманием начала этнических культур. Этим в последнее время объясняются интерес и обращение человеческого сознания к прошлому каждого народа. В попытке вернуться к «моменту истины» происходит разнонаправленное понимание многих основ прошлого и настоящего. Однако они включают в себя и такие моменты, как смысловая нагрузка в определении понятия. Именно момент интерпретации являет нам всю сложность исторического понимания в сегодняшнем мире. Мы можем лишь отчасти предполагать, что могло бы символизировать то или иное смысловое понятие. Поэтому процесс опредмечивания-распредмечивания происходит далеко не сразу, так как необходимо пройти через материю времени, которая имеет множество смысловых понятий. Он органично включает рефлексию символизации и десимволизации. Методологический потенциал понятия символизации и десимволизации – в интегративном понимании символа как элемента исторически конкретного целого, целостной картины мира, как смысловой целостности. Оба понятия близки по смысловой нагрузке, но не совпадающие по времени.

Все сферы человеческой деятельности направлены на выявление человеком своей роли в мире. Происходит долгий процесс конструирования своей, общей идентичности. Для такого процесса у личности, общества есть целый набор инструментов, которые не ограничиваются материальными, духовными практиками. Не стоит забывать об эмоциональной трактовке мироощущения. Формирование такого момента наблюдается в специфике правил общества, индивиду, которые устанавливают гражданство «духовной истины», приобщение к общим идеям и общее представление о мире, своем народе. Такие представления следует рассматривать через момент изменения времени, человека, народа, так как на временном

отрезке меняется восприятие «истинной» части исторического образа. Другие важные представления воспринимаются через призму народных праздников, через выявление синкретичности, сакральной смысловой нагрузки, лежащей на предмете, в рамках которой изучаются история, литература, события.

Общество не единственный участник процесса идентификации. Общество с его оригинальным понятийным аппаратом о предметах и их функциях контролируется другим социальным агентом – традициями и обычаями, которые не в меньшей степени производят представления об обществе в целом и человеке в частности. Но часто представление человека о роли изначального замысла, который он закладывает в некий объект и дальнейший процесс переосмысления понятия (опредмечивание-распредмечивание), оказывается исключительным участником на этом поле (смысловое поле).

Знаковые моменты в постижении могут иметь двоякий характер представления: первый – условный, второй – реальный. При этом они обладают своими опредмеченными функциями коммуникации: как стилиевой, наглядной, так и созерцающей внутренней, т. е. эмоционально познающей.

Символическая особенность заключена в практичности своего применения, несмотря на внешнюю мифичность и сказочность. Символ – не материальный сам по себе, но и не чисто духовный контекст, он – это то, что существует на стыке представления человека о себе, символе и мироздании в свой момент времени. Возникает необходимость в «поклонении» символу для поддержания как жизни в мире, вселенной, так и коллектива, личности. Таким образом, даже самый материальный символ, направленный на материальную среду, никогда не представлял чистый вид материи, поскольку в таком виде не вписывался бы в глобальный ритуально-мифологический контекст.

Символические представления человека и общества в процессе исторического развития наполняются изменяющимся или новым смыслом. Процесс познания «истинной» моментности легко включается в картину мира современника. Несмотря на наличие огромного материала, направленного на понимание этого момента, в виде многовековой истории, в виде языка, несмотря на различные социальные моменты, опыт поколений и личности, нахождение истинного в данном вопросе не так просто.

По мнению американского философа-прагматика Дж. Дьюи, с помощью языка, знаков и символов происходит распространение и усвоение обобщенного опыта. Как утверждает мыслитель, «символы находятся в зависимости от коммуникации и одновременно являются средствами развития коммуникации... Сами события не поддаются подобной передаче, смыслы же можно передавать при помощи знаков. Таким образом (индивидуальные) желания и импульсы обретают общий для всех смысл, будучи преобразованы в устремления и цели, которые являются носителями обычных, общепонятных смыслов и потому олицетворяют новый тип отношений, трансформирующий совместную деятельность в сообщество интересов и начинаний» [4, с. 111–112].

Для названия одного и того же у общества есть множество понятий, которые, на первый взгляд, тождественны, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что расхождение их огромно. Следовательно, прочитав истинный смысл в символе очень сложно, для этого надо воспринимать его с учетом множества факторов. В значительной степени такое положение обусловлено тем, что мы все дальше от источника не только по времени, но и по идентификации, которая, безусловно, у наших предков была иная. Мы пытаемся воссоздать первичное строение лишь по представлению о нем.

Выделим некоторые аспекты исследуемого вопроса. Первый непосредственно ос-

нован на идентификации себя, мира и символа. Является ли наше время преемником прошлого, или мы откидываем некоторые события в истории для идеализации прошлого и создаем мифическое представление о нем? Безусловно, мы преемники многовековой истории, однако изменились жизнь, представления о мире и, как результат, появилась двойственность в мышлении, способности жизни. Для воплощения идеи («символического поля») существуют различного рода события, направленные на процесс гармонизации, и в частности общегосударственные, региональные праздники. Однако сложно не заметить, что происходит этот момент от некой идеализации: как должно быть и какой смысл закладывается в то или иное событие. «Символическое поле» есть система, отражающая акты раскодирования этносом своего мирозерцания, мировосприятия, в конечном счете мировоззрения в определенных формах: тотемах, фетишах, знаках, кодах, символах, в слове (язык), образах, иконе, лабиринте, орнаменте, костюме, ритуалах, обрядах.

Заключение

Трудно апеллировать к современности через прошлое, но также сложно – к прошлому через настоящее. Это и есть момент постижения опредмечивания-распредмечивания не только материальных, но и духовных объектов. В современном обществе нет единства в отношении того, как следует называть и понимать момент «истинного постижения». Так как у многих групп существуют свои постижения, своя доктрина в понимании вопроса, кардинально отличающиеся концепции часто идут параллельно, что указывает на неопределенность критерия. Сам процесс идентификации и постижения символа в культуре этноса изначально не определен. Исходя из этого, мы констатируем, что постижение изначального смысла не способствует идентификации, но сам процесс идентификации способствует постижению правильного вектора

действия. Поиск не имеет определенности. Неопределенность может преодолеваться усилиями ученых в выработке целостной концепции о человеке как субъекте процесса опредмечивания-распредмечивания символов.

Смысл символа образно раскрывается в соответствующем мифе. Истинное симво-

лическое искусство прикасается к области религии. Можно говорить о символизме и религиозном творчестве как взаимопроникающих сферах творчества. Символы восприняты современным человечеством целостно сформированными и систематизированными как результат историко-культурной памяти.

Библиографический список

1. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод : Основы философской герменевтики / пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 699 с.
2. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета ; коммент. Ю. Р. Селиванова. – М. : Академ. Проект, 2008. – 767 с.
3. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. 2. Исследования по феноменологии и теории познания [Электронный ресурс]. – URL : http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/02.htm, свободный. – Загл. с экрана.
4. *Дьюи Дж.* Общество и его проблемы / пер. с англ. И. И. Мюрберг [и др.] – М. : Идея-Пресс, 2002. – 160 с.
5. *Иванов Вяч. И.* Две стихии в современном символизме [Электронный ресурс]. – URL : https://web.stanford.edu/class/slavic272/.../anov_dve%20stihii1908.pdf.
6. *Левкович В. П., Панкова Н. Г.* Социально-психологические аспекты проблемы этнического сознания // Социальная психология и общественная практика. – М., 1985. – С. 138–153.
7. *Лосев А. Ф.* Миф. Число. Сущность. – М. : Мысль, 1994. – 920 с.
8. *Мамардашвили М. К.* Появление философии на фоне мифа // М. К. Мамардашвили. Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки / под общ. ред. Ю. П. Сенокосова. – М.: Лабиринт, 1996. – С. 11–24.
9. *Миничкин П. Д.* Актуализация символического капитала финно-угорского мира в современных культурных практиках Республики Мордовия : дис. ... канд. культурологии. – Саранск, 2016. – 181 с.
10. *Миничкин П. Д., Сиротина И. Л.* Символы в традиционных культурах финно-угров России. Проблемы повышения качества жизни населения в регионах Российской Федерации : IV Сухаревские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Саранск, 29 января 2015 г. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – С. 255–263.
11. *Моррис Ч. У.* Основания теории знаков [Электронный ресурс]. – URL : http://www.bim-bad.ru/docs/morris_semiotics.pdf, свободный. – Загл. с экрана.

References

1. *Gadamer H.-G.* *Istina i metod: Osnovy filosofskoj hermenevtiki* (Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics). Moskva, 1988. 699 p. (In Russian)
2. *Hegel G. W. F.* *Fenomenologija duha* (Phenomenology of Spirit). Moskva, 2008. 767 p. (In Russian)
3. *Husserl E.* *Logicheskie issledovanija*. T. 2. *Issledovanija po fenomenologii i teorii poznaniija* (Logical investigations. Vol. 2. Research on the Phenomenology and Theory of Knowledge) [Electronic resource]. Access : http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/02.htm, free. Caps. screen. (In Russian)
4. *Dewey J.* *Obshhestvo i ego problemy* (Society and its Problems). Moskva, 2002. 160 p. (In Russian)
5. *Ivanov V. I.* *Two Elements in Modern Symbolism*. Access : https://web.stanford.edu/class/slavic272/.../anov_dve%20stihii1908.pdf. (In Russian)
6. *Levkovich V. P., Pankova N. G.* *Social'no-psihologicheskie aspekty problemy jetnicheskogo soznaniija* (Socio-Psychological Problems of Ethnic Consciousness). *Social'naja psihologija i obshhestvennaja praktika*. Moskva, 1985. P. 138–153. (In Russian)
7. *Losev A. F.* *Mif. Chislo. Sushhnost'* (Myth. Number. Essence). Moskva, 1994. 920 p. (In Russian)

8. *Mamardashvili M. K.* Pojavlenie filosofii na fone mifa (The Emergence of Philosophy Against the Background of the Myth). In: Mamardashvili M. K. Neobhodimost' sebja. Lekcii. Stat'i. Filosofskie zametki (Necessity themselves. Lectures. Article. Philosophical notes). Moskva, 1996. P. 11–24. (In Russian)
9. *Minichkin P. D.* Aktualizacija simvolicheskogo kapitala finno-ugorskogo mira v sovremennyh kul'turnyh praktikah Respubliki Mordovija (Actualization of Symbolic Capital of the Finno-Ugric World in Contemporary Cultural Practices of Mordovia Republic: PhD thesis (culturology), Saransk, 2016. 181 p. (In Russian)
10. *Minichkin P. D., Sirotina I. L.* Simvoly v tradicionnyh kul'turah finno-ugrov Rossii. Problemy povyshenija kachestva zhizni naselenija v regionah Rossijskoj Federacii (Symbols in the Traditional Cultures of the Finno-Ugric Peoples of Russia. Problems of Improving the Quality of Life in the Russian Regions: IV Sukharevskie readings: Proc. scientific-practical. conf. with int. participation. Saransk, January 29. 2015). Saransk, 2015. P. 255–263. (In Russian)
11. *Morris Ch. W.* Osnovaniya teorii znakov (Sign Theory Grounds). URL: http://www.bim-bad.ru/docs/morris_semiotics.pdf, free. Caps. screen. (In Russian)

Поступила в редакцию 23 марта 2017

Сведения об авторе

Миничкин Павел Дмитриевич – кандидат культурологии, преподаватель кафедры художественного образования Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева. Сфера научных интересов: исследование знаково-символических систем в культурных практиках. Автор 13 публикаций. ORCID <http://orcid.org/0000-0002-6575-4474>.

Тел.: (8342) 33-93-17

E-mail: mini4ckin.paw@yandex.ru

About the author

Minichkin Pavel Dmitrievich – candidate of culturology, lecturer of Art Education Faculty of Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseveva. Saransk City. Scientific field: Research of sign-symbolic system in cultural practices. Number of 13 publications. ORCID <http://orcid.org/0000-0002-6575-4474>.

Тел.: (8342) 33-93-17

E-mail: mini4ckin.paw@yandex.ru

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ЭТНОТОЛЕРАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И МОРДВЫ)

Статья посвящена проблеме формирования и развития этнической толерантности подростков. Этническая толерантность является одним из ключевых этнопсихологических феноменов, которые привлекают внимание не только исследователей, но и широких кругов общественности. Авторы отмечают, что современное состояние общества характеризуется повышением уровня межэтнической ксенофобии, религиозно-этнического экстремизма. Снижение уровня межэтнической и социальной нетерпимости, в целом, возможно только при условии воспитания детей и юношества в атмосфере понимания, адекватного отношения к иным способам жизни, к иным культурным паттернам поведения, формирования толерантного сознания как стабильной личностной характеристики. Формирование и развитие у школьников навыков толерантного поведения по отношению к этническим «другим» является на сегодняшний день важной частью образовательно-воспитательного процесса.

Авторами проведено эмпирическое исследование на базе МОУ «Средняя образовательная школа № 40» г. Саранска. В исследовании принимали участие 90 подростков 9-х классов. Данные констатирующего этапа исследования свидетельствуют о том, что подростки склонны к проявлению культурных предрассудков, негативных этнических стереотипов и этнической интолерантности.

На формирующем этапе исследования авторами была разработана программа развития этнической толерантности подростков. Программа состояла из 11 занятий. На контрольном этапе исследования была проведена повторная диагностика при помощи диагностических методик, использованных на констатирующем этапе исследования. Результаты диагностики и математической обработки данных показали развитие навыков межкультурного понимания и взаимодействия подростков, прошедших тренинговый этап исследования. После реализации программы заметно увеличилось число подростков с высоким уровнем этнической толерантности и уменьшилось количество испытуемых с низким уровнем этнической толерантности.

Ключевые слова: этническая толерантность, интолерантность, этнотолерантное поведение, стереотипы, подростки, констатирующий эксперимент, формирующий эксперимент, тренинг толерантности.

Для цитирования: Баляев С. И., Ионова М. С. Развитие навыков этнотолерантного поведения у старших подростков (на примере русских и мордвы) // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2017. – № 3. – С. 96–106.

DEVELOPMENT OF SKILLS OF ETHNOTOLERANT BEHAVIOR IN OLDER ADOLESCENTS (ON THE EXAMPLE OF RUSSIANS AND MORDVINS)

The article is devoted to the problem of formation and development of ethnic tolerance of adolescents. Ethnic tolerance is one of the key ethnopsychological phenomena that attract the attention not only of researchers but also of the general public. The authors note that the current state of society is characterized by an increase in the level of interethnic xenophobia, religious-ethnic extremism. The decrease in the level of interethnic and social intolerance, in general, is possible only if the children and young people are brought up in the atmosphere of understanding, an adequate attitude to other ways of life, to other cultural patterns of behavior, and the formation of tolerant consciousness as a stable personal characteristic. Formation and development of students' skills of tolerant behavior towards ethnic «others» is an important part of the educational and upbringing process today.

The authors conducted an empirical study on the basis of the Municipal Educational Institution «Secondary School No. 40» in the city of Saransk. 90 teenagers of the 9th grade took part in the study. The findings of the current stage of the study indicate that adolescents tend to display cultural prejudices, negative ethnic stereotypes and ethnic intolerance.

At the formative stage of the study, the authors developed a program for the development of ethnic tolerance of adolescents. The program consisted of 11 lessons. At the control stage of the study, repeated diagnostics were carried out using diagnostic techniques used at the ascertaining stage of the study. The results of diagnostics and mathematical processing of data have shown the development of skills of intercultural understanding and interaction of adolescents who have completed the training stage of the study. After the implementation of the program, the number of teenagers with a high level of ethnic tolerance markedly increased and the number of subjects with a low level of ethnic tolerance decreased.

Keywords: ethnic tolerance, intolerance, ethnotolerant behavior, stereotypes, adolescents, ascertaining experiment, forming experiment, training of tolerance

*For citation : Balyaev Sergey I., Ionova Maria S. Development of skills of ethnotolerant behavior in older adolescents (on the example of Russians and Mordvins). *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Humanitarian : actual problems of the humanities and education. 2017. No. 3. P. 96–106.*

Введение

Социально-экономические и политические трансформации, как правило, актуализируют проблему отношения к «другому», «иному», «чужому». Социальная напряженность повышает поляризацию ценностей людей, конкуренцию между группами, конкретными индивидами за обладание ограниченными ресурсами, в результате чего взаимодействие людей друг с другом становится конфликтным. Проблема воспитания толерантности, этнической толерантности в частности, – это насущная проблема любого современного цивилизованного общества,

представляющего интересы разнородных групп и общностей. Многие российские ученые занимаются проблемой воспитания толерантности, такие, как: А. Г. Асмолов, Р. Р. Валитова, Г. Д. Дмитриев, Е. Ю. Клепцова, Г. У. Солдатова и др. [1; 2; 4; 5; 8; 9]. Решение проблемы, связанной с принятием «иного», возможно только при условии воспитания уже в личности подрастающего поколения установок гармоничного этнокультурного поведения и общения с представителями других этносов и культур. Нарождающиеся этноtolерантные сознание и поведение должны стать устойчивыми

свойствами личности. В силу возрастных особенностей подростки и юношество не всегда обладают необходимыми знаниями и навыками этнотолерантного взаимодействия [3].

Наиболее сенситивным к усвоению социально значимых ценностей является пубертатный возраст. В этом возрасте формируются этнические установки подростка, следовательно, именно на данном этапе развитие навыков этнокультурного толерантного взаимодействия особо ценно и значимо [6; 7; 10]. Формирование и развитие навыков этнотолерантного поведения прямо связаны с привитием готовности к действию в рамках этнокультурных норм взаимодействующих, предполагают совершенствование практики гармоничного межкультурного диалога. Несмотря на то, что теоретические вопросы воспитания толерантности достаточно проанализированы в психолого-педагогической литературе, они не получили необходимого последовательного продолжения в практике школьных педагогов и психологов.

Методы

Объектом нашего эмпирического исследования явилась этническая толерантность подростков. Предметом исследования выступило развитие этнической толерантности подростков в процессе тренинговых занятий. Цель эмпирического исследования – изучение особенностей развития этнической толерантности подростков и разработка программы тренинговых занятий по обучению навыкам конструктивного межкультурного понимания и взаимодействия. Задачами эмпирического исследования явились: подбор комплекса методик, направленных на исследование этнической толерантности подростков и осуществление диагностики исходного уровня этнической толерантности подростков; разработка и апробация программы тренинговых занятий, направленных на развитие этнической толерантности подростков; вы-

явление динамики этнической толерантности подростков.

Гипотеза исследования: предполагаем, что использование тренинговых занятий по обучению навыкам конструктивного межкультурного понимания и взаимодействия будет способствовать развитию этнической толерантности подростков. С целью проверки гипотезы исследования нами была проведена опытно-экспериментальная работа, которая включала в себя следующие этапы:

- 1) констатирующий – выявление исходного уровня этнической толерантности подростков;
- 2) формирующий – составление и реализация программы развития этнической толерантности подростков;
- 3) контрольный – повторное исследование этнической толерантности подростков с помощью методик, которые были использованы на констатирующем этапе исследования.

Исследование проводилось на базе МОУ «Средняя образовательная школа № 40» г. Саранска. В исследовании принимали участие 90 подростков 9-х классов. Возраст испытуемых – 14 – 15 лет. В исследовании участвовали подростки разных национальностей: 51 – русские, 39 – мордва. Цель констатирующего исследования заключается в изучении этнической толерантности подростков.

Задачи констатирующей части исследования: подобрать методики и выявить исходный уровень этнической толерантности подростков; сформулировать выводы, разработать и апробировать тренинг развития этнической толерантности подростков. Нами были подобраны и использованы следующие методики: методика «Шкальный опросник для исследования этнической идентичности детей и подростков» О. Л. Романовой, методика «Экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой,

Таблица 1

Данные по методике «Шкальный опросник для исследования этнической идентичности детей и подростков» О. Л. Романовой / Data on the method «A school questionnaire for the study of ethnic identity of children and adolescents» by O. L. Romanova

Направленность вопросов / Questions	Число учащихся / Number of pupils	
	абс.	%
Чувство принадлежности к своей этнической группе / Feeling of belonging to your ethnic group	57	63,3
Значимость национальности / Importance of nationality	72	80,0
Взаимоотношения этнического большинства и меньшинства / Relations of ethnic majority and minority groups	60	66,6
Использование того или иного языка / Use of a language	18	20,0

О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой, методика «Диагностика толерантного поведения. Незаконченные предложения» У. А. Кухаревой. В ходе эмпирического исследования применялся метод математической обработки данных – угловое преобразование Фишера.

Результаты

Полученные по методике О. Л. Романовой данные свидетельствуют о том, что этническая идентичность оказалась не ярко выражена у 63,3 %, но для опрошенных подростков была отмечена важность национальности при общении – 80 %. Также учащиеся отметили, что для них важны взаимоотношения с этническими группами – 66,6 %. Пятая часть подростков считает, что использование разных языков играет

огромную роль при межэтническом взаимодействии – 20 %. Полученные по методике О. Л. Романовой данные представлены в табл. 1.

«Экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой состоит из 22 утверждений, относящихся как к общим установкам толерантного отношения к окружающему миру и другим людям, так и к конкретным ситуациям в различных сферах социального взаимодействия, в которых проявляются толерантность и интолерантность человека. Исследуется отношение к некоторым социальным группам (меньшинствам, психически больным людям, нищим), коммуникативные установки (уважение к мнению оппонентов, готов-

Таблица 2

Данные по методике «Экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой / Data on the method «Express Questionnaire» Index of Tolerance « by G. U. Soldatova, O. A. Kravtsova, O. E. Khukhlaeva, L. A. Shaigerova

Предмет оценки / Subject of evaluation	Высокий уровень / High level		Средний уровень / Average level		Низкий уровень / Low level	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Этническая толерантность / Ethnic tolerance	21	23,4	42	46,6	27	30,0
Социальная толерантность / Social tolerance	27	30,0	39	43,4	24	26,6
Толерантность как черта личности / Tolerance as a personality trait	24	26,6	36	40,0	30	33,4

ность к конструктивному решению конфликтов и продуктивному сотрудничеству). Специальное внимание уделено анализу этнической толерантности – интолерантности (отношению к людям иной расы и национальности, предпочитаемой дистанции для представителей других культур и т. п.). Данные методики представлены в табл. 2.

По данным методики «Индекс толерантности» можно отметить, что низкий уровень толерантности имеет 30 % учащихся, средний – 46,6 % и высокий – 23,3 %. Такие результаты говорят, что основному числу учащихся характерны сочетание как толерантных, так и интолерантных черт. Социальная толерантность сформирована у большинства опрошенных, но требуется дальнейшая работа для повышения уровня толерантности. Низкий уровень этнической толерантности обнаружен у 30 % учащихся, что говорит о нетерпимости к другим национальностям, наличии предрассудков и других негативных установок на межкультурное взаимодействие.

Методика «Диагностика толерантного поведения. Незаконченные предложения» У. А. Кухаревой содержит 6 незаконченных предложений. Учащийся должен закончить предложение. Результаты позволяют сде-

лать вывод об уровне сформированности толерантности подростков: высокий и невысокий уровни толерантности, а также высокий и невысокий уровни интолерантности. Данные методики представлены в табл. 3.

По данным методики У. А. Кухаревой число учащихся, не имеющих сформированной этнической толерантности, – 30 %. Эти учащиеся проявляют негативное отношение к «чужим» этническим группам. Данные подтверждаются результатами по другим, обозначенным выше методикам.

Также выявлены подростки с различными уровнями этнической и социальной толерантности (этническая толерантность сформирована, а социальная – не сформирована). Такие учащиеся отличаются принятием людей иных национальностей, но при этом демонстрируют признаки враждебного отношения к представителям иных социальных групп. Общие толерантные представления и установки у большинства опрошенных оказались сформированы. В целом, подростки демонстрируют принятие разнообразных социокультурных групп, но при этом склонны разделять некоторые предрассудки, использовать сложившиеся стереотипы в отношении представителей тех или иных культур.

Таблица 3

Данные по методике «Диагностика толерантного поведения. Незаконченные предложения» У. А. Кухаревой / Data on the method «Diagnosis of tolerant behavior. Unfinished sentences» by U. A. Kukhareva

Предмет оценки / Subject of evaluation	Высокий уровень толерантности / High level of tolerance		Невысокий уровень толерантности / Low level of tolerance		Высокий уровень интолерантности / High level of intolerance		Невысокий уровень интолерантности / Low level of intolerance	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Этническая толерантность / Ethnic tolerance	21	23,4	42	46,6	9	10,0	18	20,0
Социальная толерантность / Social tolerance	30	33,4	36	40,0	12	13,3	12	13,3
Общая толерантность / Common tolerance	27	30,0	33	36,6	15	16,7	15	16,7

Таким образом, проведенное исследование показало, что у большинства подростков проявляется средний уровень этнической толерантности. Однако 30 % подростков имеют фактически признаки этнической интолерантности. В качестве основной технологии развития этнической толерантности выделяются психологические тренинги.

При составлении программы развития этнической толерантности был реализован и апробирован тренинг «Жить в мире с собой и другими» Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой, О. Д. Шаровой, в котором приняли участие прежде всего подростки с низким и средним уровнем этнической толерантности МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 40» г. Саранска [8].

Цель программы – формирование этнической толерантности по отношению к другим этническим группам. Занятия проводились два раза в неделю. Программа состоит из трех блоков. В ходе тренинга были использованы следующие приемы: беседы, лекция, ролевые игры, групповые и индивидуальные задания, упражнения с элементами экспериментирования.

Задачи тренинга:

1) ознакомить старшеклассников с понятиями «толерантность» и «толерантная личность», критериями и социальными проявлениями толерантности и нетерпимости;

2) показать значение толерантного поведения при взаимодействии с людьми других этносов, а также в различных жизненных сферах;

3) развивать воображение, способность к эмпатии, сопереживанию и сочувствию, доверие, достоинство и самопознание как элементы толерантности в контексте отношений «Я» и «Другие».

Реализация тренинговой программы включала несколько этапов, каждый из которых предполагал освоение умений и

навыков этнотолерантного поведения в контексте конкретных психотехнических упражнений. Например, на первом занятии «Толерантность: что это?» создавались условия для доверительного и искреннего общения участников мероприятия, а также знакомство подростков с понятием «толерантность». На занятии выполнялись упражнения: «Снежный ком», «Сосед справа, сосед слева», «Чем мы похожи», «Комплименты», «Что такое толерантность».

На втором занятии участники сообща создавали ассоциативный ряд слов, образов, согласующихся с понятием «толерантность». Реализуются следующие психотехнические упражнения с привлечением способностей к воображению: «Общий ритм», «Эмблема толерантности», «Пантомима толерантности», «Лукошко». Тренинг рассчитан на занятия. Средняя продолжительность одного занятия – 60 минут.

На контрольном этапе опытно-экспериментальной работы была оценена эффективность реализованной программы развития этнической толерантности подростков.

Цель контрольного эксперимента – изучение развития этнической толерантности подростков по завершению формирующего эксперимента. Для этого были проведены те же методики, которые использовались на констатирующем эксперименте.

Полученные данные свидетельствуют об изменениях. Этническая идентичность к собственной группе повысилась с 63,3 до 83,3 %, а значимость национальности при общении наоборот снизилась с 80,0 до 56,6 %. Взаимоотношения этнического большинства и меньшинства изменились с 66,6 до 86,6 %, а использование разных языков повысилось с 20 до 30 %.

Статистическая проверка значимости полученных изменений проводилась с помощью углового преобразования Фишера. Полученные данные отражены в табл. 4–6.

Таблица 4

Сравнительные данные по методике «Шкальный опросник для исследования этнической идентичности детей и подростков» О. Л. Романовой / Comparative data on the method «A school questionnaire for the study of ethnic identity of children and adolescents» by O. L. Romanova

Направленность вопросов / Orientation of questions	Количество учащихся / Number of pupils				φ
	Констатирующий этап / Ascertaining stage		Контрольный этап / Control phase		
	абс.	%	абс.	%	
Чувство принадлежности к своей этнической группе / Feeling of belonging to your ethnic group	57	63,3	75	83,3	1,782*
Значимость национальности / Importance of nationality	72	80,0	51	56,6	1,979*
Взаимоотношения этнического большинства и меньшинства / Relations of ethnic majority and minority groups	60	66,6	78	86,6	1,870*
Использование того или иного языка / Use of a language	18	20,0	27	30,0	0,899

Примечание / Note: *1,64 ($p \leq 0,05$).

Анализ табл. 4 показывает, на этапе контрольного эксперимента в группе выявлены статистически достоверные различия на

уровне $p \leq 0,05$. По остальным показателям статистически достоверных различий не выявлено.

Таблица 5

Сравнительные данные по методике «Экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой / Comparative data on the method «Express questionnaire» Index of Tolerance» by G. U. Soldatova, O. A. Kravtsova, O. E. Khukhlaeva, L. A. Shaigerova

Уровень этнической толерантности / Level of ethnic tolerance	Количество учащихся / Number of pupils				φ
	Констатирующий этап / Ascertaining stage		Контрольный этап / Control phase		
	абс.	%	абс.	%	
Высокий / High	7	23,4	16	53,4	2,440*
Средний / Average	14	46,6	12	40	0,519
Низкий / Low	9	30	2	6,6	2,474*

Примечание / Note: *2,31 ($p \leq 0,01$).

По данным исследования можно сказать, что низкий уровень толерантности изменился с 30,0 до 6,6 %, средний – не изменился, а высокий увеличился с 23,4 до 53,4 %. Данные результаты свидетельствуют, что этническая толерантность подростков повысилась. Анализ табл. 5

показывает, что на этапе контрольного эксперимента в группе по показателям «Высокий уровень», «Низкий уровень» выявлены статистически достоверные различия на уровне $p \leq 0,01$. По остальным показателям статистически достоверных различий не выявлено.

Сравнительные данные по методике «Диагностика толерантного поведения. Незаконченное предложения» У. А. Кухаревой / Comparative data on the method «Diagnosis of tolerant behavior. Unfinished sentences» by U. A. Kukhareva

Уровень этнической толерантности / Level of ethnic tolerance	Количество учащихся / Number of pupils				φ
	Констатирующий этап / Ascertaining stage		Контрольный этап / Control phase		
	абс.	%	абс.	%	
Высокий уровень толерантности / High level of tolerance	21	23,4	45	50,0	2,184*
Невысокий уровень толерантности / Low level of tolerance	42	46,6	39	43,4	0,260
Высокий уровень интолерантности / High level of intolerance	9	10,0	0	0	2,494**
Невысокий уровень интолерантности / Low level of intolerance	18	20,0	6	6,6	1,580

Примечание / Note: *1,64 ($p \leq 0,05$), **2,31 ($p \leq 0,01$).

По результатам исследования количество учащихся, не имеющих сформированной этнической толерантности, снизилось с 30 до 6,6 %.

Анализ табл. 6 показывает, что на этапе контрольного эксперимента в группе по показателю «Высокий уровень интолерантности» выявлены статистически достоверные различия на уровне $p \leq 0,01$. По показателю «Высокий уровень толерантности» выявлены статистически достоверные различия на уровне $p \leq 0,05$. По остальным показателям статистически достоверных различий не выявлено.

Обсуждение

Таким образом, в результате констатирующего этапа исследования следует отметить, что подростки склонны к культурным предрассудкам, этническим стереотипам и этнической интолерантности к другим этническим группам. По данным констатирующего эксперимента нами была разработана и апробирована программа тренинговых занятий на развитие этнической толерантности подростков. Программа реализовывалась во внеучебной деятельности с подростками, у которых были выявлены средний и низкий уровни этнической то-

лерантности. Эти учащиеся и составили экспериментальную группу. В реализации указанной программы использовались следующие приемы: беседы, лекция, ролевые игры, групповые и индивидуальные задания, упражнения с элементами экспериментирования.

Эффективность реализованной программы проверялась с помощью тех же диагностических методик, которые использовались на констатирующем этапе исследования. Полученные данные свидетельствуют о том, что уровень этнической толерантности повысился (с 23,3 до 53,3 %), а уровень этнической интолерантности понизился (с 30,0 до 6,6 %).

Статистическая проверка значимости полученных изменений проводилась с помощью углового преобразования Фишера. Полученные на контрольном этапе данные доказывают значительное повышение этнической толерантности на уровнях 0,05 и 0,01.

На контрольном этапе исследования была проведена повторная диагностика при помощи диагностических методик, использованных на констатирующем этапе исследования. Результаты диагно-

стики и математической обработки данных показали, что динамика этнической толерантности подростков, посещающих тренинговые занятия, может быть обеспечена, если отбирать для тренинга упражнения на межкультурное взаимопонимание и взаимодействие. После реализации программы значительно увеличилось число подростков с высоким уровнем этнической толерантности и уменьшилось число испытуемых с низким уровнем этнической толерантности. Следовательно, гипотеза о том, что развитие этнической толерантности будет более эффективным, если реализовать программу тренинговых занятий, направленных на развитие этнической толерантности подростков, подтвердилась.

Заключение

Современный мир характеризуется этнокультурным многообразием, в этой ситуации особенно ценным становится восприятие единства человечества во всем его многообразии и взаимозависимости. Такая толерантная позиция может формироваться и совершенствоваться в процессе активной и системной воспитательной деятельности. Ключевую роль в формировании и развитии навыков этнотолерантного поведения принадлежит психологу, от которого требуются владение культурой межнационального общения, свобода от старых догм и стереотипов, приверженность гуманистическим нормам межличностного взаимодействия, умение учитывать в своей деятельности специфику и традиции того региона, в котором он трудится.

Библиографический список

1. *Асмолов А. Г.* Толерантность как культура XXI века // Толерантность: объединяем усилия : материалы междунар. конф. – М. : Наука, 2002. – С. 84–85.
2. *Балаяев С. И.* Формирование этнотолерантных установок студентов (на примере эрзян и мокшан) // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации : материалы науч.-практ. конф. (заоч.) с междунар. участием. – Ульяновск : Зебра, 2015. – С. 368–370.
3. *Балаяев С. И.* Причины трансформации этнического самосознания // Социосфера. – 2012. – № 1. – С. 46–48.
4. *Дмитриев Г. Д.* Многокультурное образование. – М. : Народное образование, 1999. – 208 с.
5. *Ионова М. С.* Создание полиэтнической образовательной среды вуза как условие успешной адаптации студентов из национальных диаспор // Этнопедагогика : психолого-педагогические особенности воспитания и обучения у финно-угорских народов : материалы респ. науч.-практ. конф. – Саранск : Изд. центр Историко-социол. ин-та МГУ им. Н. П. Огарева, 2011. – С. 35–38.
6. *Ионова М. С.* Сравнительная характеристика поведения в конфликте студентов – русских и мордвы // Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии : сб. науч. тр. по материалам VI Всерос. науч.-практ. интернет-конф. «Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии» с элементами научной школы для молодых ученых. – Саранск, 2016. – № 1. – С. 71–79.
7. *Резепова Н. В.* Национальный характер: миф или реальность? (в контексте трилогии К. Абрамова «Сын эрзянский») // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 12. – С. 107–111.
8. *Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Шарова О. Д.* Жить в мире с собой и другими : тренинг для подростков. – М. : Генезис, 2000. – 112 с.
9. *Чубарова Ю. Е.* Формирование социокультурной компетенции как основы межкультурного общения студентов в условиях диалога культур // Гуманитарное знание : особенности, исторические и современные проблемы : сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. – Нижний Новгород : Профессиональная наука, 2016. – С. 36–45.
10. *Чубарова Ю. Е., Шикина Т. С.* Диалог в контексте современных тенденций системы образования // Перевод в меняющемся мире : материалы междунар. науч.-практ. конф. – М. : Азбуковник, 2015. – С. 572–576.

References

1. *Asmolov A. G.* Tolerantnost kak kultura XXI veka (Tolerance as a Culture of the XXI century) // Tolerantnost : obyedinyayem usiliya : materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Tolerance: United Energies: Materials of the International Conference), Moskva, 2002. P. 84–85. (In Russian)
2. *Balyayev S. I.* Formirovaniye etnotolerantnykh ustanovok studentov (na primere erzyan i mokshan) (The Formation of Students' Ethnotolerant Attitudes (Using the Example of Erzyan and Mokshan), Aktualnyye problemy sovremennogo obrazovaniya: opyt i innovatsii : materialy nauchno-prakt. konf. (zaochn.) s mezhdunar. uchastiyem. Ulyanovsk, 2015. P. 368–370. (In Russian)
3. *Balyayev S. I.* Prichiny transformatsii etnicheskogo samosoznaniya (The Reasons for the Transformation of Ethnic Identity). *Sotsiosfera*. 2012. No. 1. P. 46–48. (In Russian)
4. *Dmitriyev G. D.* Mnogokulturnoye obrazovaniye (Multicultural Education). Moskva, 1999. 208 p.
5. *Ionova M. S.* Sozdaniye polietnicheskoy obrazovatel'noy sredy vuza kak usloviye uspezhnoy adaptatsii studentov iz natsional'nykh diaspor (Creation of the Polyethnic Educational Environment of the University as a Condition for the Successful Adaptation of Students from National Diasporas, Etnopedagogika : psikhologo-pedagogicheskiye osobennosti vospitaniya i obucheniya u finno-ugorskikh narodov : materialy Respublikanskoй nauchno-prakticheskoy konferentsii, 27 aprelya 2011 g. Saransk, 2011, pp. 35–38. (In Russian)
6. *Ionova M. S.* Sravnitel'naya kharakteristika povedeniya v konflikte studentov – russkikh i mordvy (Comparative Characteristics of the Behaviour in the conflict of Russian and Mordovian Students, Aktual'nyye problemy i perspektivy razvitiya sovremennoy psikhologii : sbornik nauchnykh trudov po materialam VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii «Aktualnyye problemy i perspektivy razvitiya sovremennoy psikhologii» s elementami nauchnoy shkoly dlya molodykh uchenykh, 9 noyabrya 2016 g. Saransk, 2016. No. 1. P. 71–79. (In Russian)
7. *Rezepova N. V.* Natsionalnyy kharakter: mif ili realnost? (v kontekste trilogii K. Abramova «Syn erzyanskiy») (National character: myth or reality? (In the context of K. Abramov's trilogy «Son of the Erzyan»), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. No. 12. P. 107–111. (In Russian)
8. *Soldatova G. U., Shaygerova L. A., Sharova O. D.* Zhit v mire s soboy i drugimi : trening dlya podrostkov (To Live in Peace with Yourself and Others: Training for Teenagers). Moskva, 2000. 112 p. (In Russian)
9. *Chubarova Yu. Ye.* Formirovaniye sotsiokulturnoy kompetentsii kak osnovy mezhkulturnogo obshcheniya studentov v usloviyakh dialoga kultur (Formation of Sociocultural Competence as the Basis of Intercultural Communication of Students in the Context of the Dialogue of Cultures, Gumanitarnoye znaniye : osobennosti, istoricheskiye i sovremennyye problemy : sbornik nauchnykh trudov po materialam I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Nizhniy Novgorod, 2016. P. 36–45. (In Russian)
10. *Chubarova Yu. Ye.* Dialog v kontekste sovremennykh tendentsiy sistemy obrazovaniya (Dialogue in the Context of Current Educational System Trends), *Perevod v menyayushchemsya mire. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moskva, 2015. P. 572–576. (In Russian)

Поступила в редакцию 1 июня 2017 г.

Сведения об авторах

Балаяев Сергей Иванович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва». Сфера научных интересов: этнопсихология, политическая психология. Автор более 90 научных и учебно-методических работ. ORCID <http://orcid.org/0000-0003-3655-3312>.

Tel.: (8342)27-07-12

E-mail: balyaevsi@mail.ru

Ионова Мария Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный универси-

тет им. Н. П. Огарёва». Сфера научных интересов: возрастная психология, этнопсихология. Автор более 90 научных и учебно-методических работ. ORCID <http://orcid.org/0000-0002-4982-9691>.

Tel.: (8342)27-07-12

E-mail: ionovams@mail.ru

About the authors

Balyaev Sergey Ivanovich – candidate of psychological sciences, assistant of professor of the department of psychology of Ogarev Mordovia State University, Saransk. Research interests: ethnopscychology, political psychology. The author has more than 90 scientific and educational publications. ORCID <http://orcid.org/0000-0003-3655-3312>.

Tel.: (8342)27-07-12

E-mail: balyaevsi@mail.ru

Ionova Maria Sergeevna – candidate of psychological sciences, assistant of professor of the department of psychology of Ogarev Mordovia State University, Saransk. Research interests: age-related psychology, ethnopscychology. The author has more than 90 scientific and educational publications. ORCID <http://orcid.org/0000-0002-4982-9691>.

Tel.: (8342)27-07-12

E-mail: ionovams@mail.ru.

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

1. Редакция принимает к публикации материалы по теме основных рубрик журнала на русском языке: 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 19.00.00 – Психологические науки.

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления. Для повышения качества журнала все статьи, поступающие в редакцию, проверяются на плагиат.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Требования к оформлению материалов:

– УДК;

– инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес;

– заголовок статьи;

– аннотация (150–250 слов), должна включать актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и ключевые выводы;

– ключевые слова (не более 15 слов и словосочетаний, они должны отражать специфику темы);

– структура статьи. Статья должна быть структурирована в формате IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion): Введение (Introduction) включает актуальность темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку проблемы исследования, формулирование цели и задачи исследования; Методы (Materials and Methods) описывают методы и схему наблюдений, позволяющие воспроизвести их результаты, пользуясь текстом статьи. Описывают материалы и другие условия проведения наблюдений (это описание методики исследования и обоснование ее выбора); Результаты (Results) представляют фактические результаты, полученные в ходе проведенных исследований (тест, графики, диаграммы, уравнения, фотографии, рисунки); Обсуждение (Discussion) содержит интерпретацию полученных результатов исследования, их анализ и комментарии; Заключение (Conclusion) содержит краткие итоги раздела статьи без повторения формулировок, приведенных в них;

Текст статьи в объеме 10–15 страниц формата А4, включая рисунки, таблицы и графики. Текст оформляется в редакторе Word для Windows в формате .rtf или .doc; шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал. Количество рисунков – не более 4. Подрисуночные подписи выполняются кеглем 12 на русском и английском языках. Отдельно представляются рисунки в формате .jpeg. Текст таблиц набирается кеглем 12 на русском и английском языках. Если рисунки и таблицы не авторские, на них обязательно должны быть ссылки;

– благодарности: автор выражает признательность коллегам за помощь; благодарность за финансовую поддержку исследования и т. д.;

– пристатейный библиографический список составляется в алфавитном пронумерованном порядке на русском и английском (транслитерирование) языках в соответствии с ГОСТ 7.0.9-2009 с указанием обязательных сведений библиографического описания. В тексте сноски оформляются в квадратных скобках;

– аффилиация авторов: Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, область научных интересов, количество научных публикаций, обязательно – ORCID (Open Researcher and Contributor ID – уникальный идентификатор ученых), контактная информация (на русском и английском языках)

4. Текст статьи представляется на бумажном и электронном носителях.

Требования к файлам: 1) в качестве имени файла использовать фамилию первого автора на русском языке (например, Иванов.doc); 2) имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис. 1.jpeg).

5. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение двух недель автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

6. Статьи, не соответствующие условиям п. 3, не рассматриваются.

7. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор возвращает в редакцию вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для публикации.

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

1. The editorial office takes for publication materials in Russian language on the theme of the basic rubrics: 07.00.00 – Historical sciences and archeology; 09.00.00 – Philosophical sciences; 19.00.00 – Psychological sciences.

Scientific articles are accepted during a year and in case of positive results of an independent expertise are included in the next issue of the journal in order of reception. To improve the quality of the journal all articles submitted to the editors are checked for plagiarism.

2. The journal publishes articles, exhibiting a high degree scientific originality, theoretical and practical significance. In the article should be presented the main results of the study. Their authors may be academic researchers, doctoral students, graduate students, applicants.

3. Requirements for the materials:

- The classification indexes of the Universal Decimal Classification (UDC);
- Initials and surname of an author;
- The article title;
- An annotation of an article (150–200 words), it should include the relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and key findings.
- Key words (no more than 15 words and phrases, they should reflect the specificity of the topic);
- Structure of the article. The article should be structured in the IMRAD format (Introduction, Methods, Results and Discussion): Introduction includes the relevance of the research topic, a review of the literature on the research topic, setting up the research problem, formulating the goal and objectives of the study; Methods: the methods and the scheme of observations, allowing to reproduce their results using the text of the article are observed. The materials and other conditions for conducting observations are described (this is a description of the research methodology and the rationale for its selection); Results present the actual findings obtained during the conducted studies (test, graphs, diagrams, equations, photographs, drawings); Discussion contains the interpretation of the obtained research results, their analysis and comments; Conclusion consists of a concise summary of the sections of the article without repeating the formulations given in them.

Text of an article is of 10–15 typewritten pages of A4 format, including figures, tables and graphs. Text should be formatted in Word for Windows format or RTF & DOC; Times New Roman font, font size 14, single interval. The number of drawings is not more than 4. Figure captions are performed the 12th a size in Russian and English. Drawings are represented separately in the jpeg. format. Tables are typed the 12th a size in Russian and English. If drawings and tables are not original they must be referenced necessarily;

– acknowledgments: The author expresses gratitude to the colleagues for their help; Thanks for the financial support of the study, etc.

– the bibliographic list is compiled in alphabetical order in Russian and in English (transliteration) languages in accordance with state standard 7.0.9-2009 with indication of the required information of the bibliographic description. In the text footnotes are made in square brackets.

– affiliation of authors: full name, last name, academic degree, title, position, field of research interests, number of scientific publications, necessarily – ORCID (Open Researcher and Contributor ID), contact information (available in Russian and English).

4. Text of the article is submitted on paper and electronic storage medium.

The file requirements: 1. As the file name should be used the name of the first author in Russian (for example: Ivanov.doc). 2. The file names of illustrations should coincide with their numbers in the text (for example: Drawing. 1.jpeg).

5. Received materials are registered and within two weeks the author (authors) is sent confirmation of receipt of the article.

6. Articles that do not meet the conditions of clause 3 are not considered.

7. Returning of the manuscript to the author for revision does not mean that it is accepted for publication. After receiving the revised text it shall be reviewed by the editorial board. The revised text of the author returns to the editorial office together with the original copy of the article, as well as responses to all comments. Date of receipt of the article is the day of getting by the editorial office of the final version of the article.

The Editorial Board reserves the right to select articles for publication.